A 238/636
1895
~ 1,3,5,6

2007055015

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

ЭКСПЕДИЦІЯ

ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗІЮ

(изъ писемъ П. К. Козлова).

(Изъ «Русскаго Инвалида» №№ 22, 26, 27, 32, 36 и 37).

I.

Въ послѣдней трети іюля экспедиція благополучно достигла долины Большаго Юлдуса, а въ послѣднихъ его числахъ уже стояла бивакомъ у сліянія рѣкъ Большаго и Малаго Юлдусовъ.

Прекрасная долина, обставленная высокими горами, тянулась на западъ-юго-западъ. Прямо на югъ отъ нашей стоянки красовался своими блестящими на солнцѣ вершинами хребетъ Тсюдыръ-улу, значащійся на картахъ подъ названіемъ Кокъ-токо. Направленіе его было западно-сѣверо-западное, и чѣмъ дальше онъ уходилъ, тѣмъ все выше и выше вздымалъ свои бѣлоснѣжныя вершины. Незнаніе этого хребта, незнакомство съ его сокровищами, сильно манило къ нему. Рѣшено было выдѣлить легкій разъѣздъ, по примѣру минувшаго путешествія, чтобы сдѣлать одно или два пересѣченія горъ, спуститься къ сторонѣ сѣверной Кашгаріи и, затѣмъ, желательно было бы побывать въ г. Куча. Великое содѣйствіе, въ данномъ случаѣ, оказалъ Чейбсенскій Гыгенъ, нашъ старый знакомый по четвертому путешествію незабвеннаго Н. М. Пржевальскаго. Только чрезъ посредство Гыгена удалось пріобрѣсти торгоута, знакомаго съ намѣченнымъ хребтомъ.

«2-го августа, будучи прекрасно снаряженъ и напутствуемый экспедиціонной семьей, я отправился въ путь. Меня сопровождалъ вольнонаемный сартъ-калмакъ Ульзабадъ Катаевъ и проводникъ. Кромѣ трехъ верховыхъ лошадей, взята была четвертая подъ вьюкъ. Первоначальное слѣдованіе было по богатой растительностью долинѣ на востокъ-юго-востокъ. На сѣверѣ, паралельно нашему пути, тянулся хребетъ, отдѣляющій Малый Юлдусъ отъ Большаго; своими предгорьями онъ добѣгалъ до насъ. По всей долинѣ Большаго Юлдуса виднѣлись юрты номадовъ и ихъ многочисленныя стада. Надъ рѣкой и ея болотистыми берегами сновали пернатые обитатели. Какъ первымъ, такъ и вторымъ—просторъ и приволье.

Пройдя тридцать верстъ, мы круто повернули на юго-востокъ и вскорѣ достигли горной гряды, какъ бы преграждавшей теченіе рѣки. Гряда эта возвышается до 1,000 фут. относительной высоты и составляетъ часть каменныхъ преградъ, сдавливающихъ р. Хайдыкъ-голъ. Когда мы поднялись на высшую точку означенной гряды, нашимъ глазамъ представилась поэтическая картина. Я не могъ не удѣлить нѣсколькихъ минутъ для того, чтобы запечатлѣть ее побольше въ своей памяти. Дѣйствительно, панорама вверхъ по теченію рѣки была чудесна. Заходящее солнце затѣйливо играло своими лучами сквозь дымку облаковъ, изумрудами сіяли вкрапленныя въ яркую зелень луговъ площадки воды. Своеобразную картину рисовала сама рѣка у подножія отрога, гдѣ, извившись змѣею нѣсколько разъ, она точно опоясывала, или собирала разбросанныя излучины—это была р. Хайдыкъ-голъ!... Доселѣ неприступные ея берега сдавливались каменными грядами. Спокойно и плавно несутся ея свѣтлыя воды. Теченіе скорое. На водѣ, при безвѣтріи, словно лежитъ стеклянная поверхность, такъ она ровна. Каждый плескъ рыбы отпечатывается рельефно и безконечными кругами разносится по сторонамъ. Ширина рѣки отъ 30 до 40 саженъ; глубина, по словамъ торгоутовъ, 4—5 аршинъ. Луговая прибрежная тераса возвышалась до сажени. Въ означенномъ мѣстѣ устроена переправа съ одного берега рѣки на другой. Перевозомъ завѣдуютъ ламы ближайшей кумирни. Перевозочныя средства—самыя примитивныя: деревянный ящикъ, позволяющій вмѣстить въ себя до 20 человѣкъ. Уложивъ свой багажъ, мы, при помощи двухъ лошадей, которыхъ ламы держали за хвосты и поводья, удачно переѣхали на правый берегъ. Пониже переправы залегаетъ островъ

Правымъ берегомъ рѣки мы должны были слѣдовать вверхъ по теченію Хайдыкъ-гола, держа путь на юго-западъ. Въ два дня мы достигли устья намѣченнаго ущелья, предварительно перейдя три незначительныя рѣчки, текущія отъ горъ. Здѣсь было сліяніе двухъ рѣкъ, Кююкюннукъ (¹) и Цаганъ-сала. Первая изъ нихъ многоводнѣе и приходится западнѣе; вторая менѣе богата водою, но несетъ ее всегда прозрачною, за что и получила названіе Цаганъ-сала. Паденіе этой рѣки большое, дно усыпано гранитными валунами; ширина ея отъ 12 до 15 саженъ, при глубинѣ 3 фута. Оставивъ за собою Цаганъ-сала, мы вступили въ Кююкюннукское ущелье, на-

(¹) Дальнѣйшій нашъ путь.

правляющееся на юго-западъ-западъ. Ширина его отъ 300 саженъ до версты. Растительность богатая. Красотою своихъ формъ ущелье это превосходитъ многія. При входѣ въ него, съ правой стороны, вертикально, стоятъ сланцевые утесы, образующіе два уступа. Нижній уступъ омывается водою и изъ него, мѣстами, красиво сочится чистая, какъ кристалъ, вода; иногда она бьетъ точно фонтаномъ. Ширина ложа рѣки, обставленнаго такими берегами, имѣетъ 15—20, даже 30 саженъ; высота же береговъ колеблется отъ 70 до 100 футовъ. Рѣдкими мѣстами рѣка сдавливается въ узкую полосу воды и со страшнымъ шумомъ бьетъ въ скалы своимъ мощнымъ напоромъ. Особенно величественное зрѣлище она представляетъ въ большую воду, когда цвѣтъ послѣдней изъ прозрачнаго переходитъ сначала въ сѣроватый, а потомъ въ грязный, но не кофейный; причиной тому большее количество притоковъ, несущихъ прозрачную воду. Ледники, которые шлютъ муть, значительно удалены. Длина ущелья около 80 верстъ. Оно имѣетъ небольшое уклоненіе отъ оси главнаго хребта, поэтому принимаетъ массу горныхъ ручьевъ, бѣгущихъ съ каждой пади. Таковыхъ падей особенно много съ юга. Болѣе мягкій характеръ ущелья начинается, приблизительно, съ его половины. Тамъ, при прежней ширинѣ его, ложе рѣки значительно расширяется; рѣка дробится на множество рукавовъ. Видъ ея не такъ ужасенъ; снѣговыя вершины и ледники приближаются съ юга.

«Мы продолжали слѣдовать все по одному и тому же ущелью до его вершины, гдѣ залегалъ могучій ледникъ. Направленіе ледника шло сначала на югъ, потомъ уклонилось къ юго-западу; длина его простиралась отъ 3 до 4 верстъ. Внизу онъ былъ покрытъ грязнымъ слоемъ гальки, по которой стремительно неслись ручьи. Ежеминутно падали большіе и малые валуны; шумъ отъ ихъ паденія стоялъ непрерывный. Тамъ и сямъ были разбросаны конусообразныя возвышенія. Порою былъ слышанъ шумъ потока, скрывавшагося подъ грязнымъ льдомъ. Голова ледника, которую я видѣлъ издали, была совершенно бѣла. За нею высились острые пики хребта. Высшая точка моего поднятія была 12,300 фут. надъ уровнемъ моря.

Гребень горъ дикъ, скалистъ, труднодоступенъ; мѣстами невозможенъ даже для горныхъ козловъ. Съ грустью пришлось вернуться обратно съ верховья этого ущелья. Тѣмъ не менѣе, мы снова попытали удачу въ сосѣднемъ, лежащемъ восточнѣе.

7-го августа, чуть забрезжила заря, я съ проводникомъ уже направился вверхъ по новому пути. Проводника Ульзабада я оставилъ. Изъ ущелья дулъ вѣтерокъ, было довольно свѣжо: термометръ показывалъ +1,9 С. Въ 7½ ч. утра мы достигли подошвы двухъ лежащихъ по сосѣдству ледниковъ. Болѣе доступный изъ нихъ тянулся дугою, сначала къ югу, а потомъ къ юго-западу. Верхней границей ему, по-прежнему, служилъ острый гребень хребта, мѣстами сплошь засыпанный снѣгомъ. Придерживаясь западной стороны ледника, мы и направились къ его вершинѣ. Внизу, при лошадяхъ, оставили все, что могло тормозить нашъ путь. Бусоль и бинокль были взяты, но ружья оставлены. Вначалѣ пробирались частью по камнямъ, частью по самому леднику. Длина его была около 6 вер. Разность между подошвой и вершиной достигала свыше 1,000 фут. Ледникъ, какъ и прежній, внизу былъ покрытъ каменистой осыпью, повыше—слоемъ ярко-блестящаго снѣга. На днѣ, вблизи вершины, встрѣчались воронкообразные провалы; по сторонамъ и по срединѣ трещины, щели. Дна я ихъ не видѣлъ, хотя и былъ у края пропасти. Съ юго-западной стороны крутаго гребня то и дѣло сыпались подтаивавшіе обломки камней; снѣжные обвалы случались также; слѣды недавнихъ разрушеній были всюду замѣтны. Внизу ледникъ, съ солнечной стороны, граничитъ съ валунами и насыпями, лежащими высокими грядами. Поверхность его также усыпана галькой. Вода сочится и вверху, и внизу. По бѣлоснѣжному полю, во многихъ мѣстахъ, шумно бѣгутъ ручьи. Камней у подножія ледника навалена масса.

Въ общемъ казалось, что ледникъ былъ доступенъ, и я, не теряя ранняго времени, послѣдовалъ вверхъ. Дважды слегка провалился, но, идя болѣе осмотрительно, къ 10 час. утра поднялся на вершину гребня. Моему взору предсталъ безконечный лабиринтъ горъ: на юго-западѣ снѣговыхъ, на югѣ—темныхъ, безжизненныхъ, за которыми вздымалась пыльная атмосфера, свойственная всей низовой Кашгаріи. Спускъ къ этой сторонѣ былъ страшно крутой, но, благодаря лежавшему снѣгу, спуститься было возможно, что я и не замедлилъ сдѣлать. Убѣдившись въ невозможности прохода съ лошадьми, я сѣлъ на камень отдохнуть. Тишина.... ни звука. Вотъ, дѣйствительно, гдѣ, въ этомъ заоблачномъ мірѣ, одиноко и сиро кругомъ. Но это только вначалѣ. Немного позднѣе прилетѣла горихвостка (Ruticilla erythrogastra), съ минуту посидѣла на камнѣ и, сдѣлавъ нѣсколько движеній хвостомъ, исчезла; давній слѣдъ уллара тонкой линіей обрисовался по снѣгу; издалека слабо доносился писк вьюрка (Montifringilla Brandti); все это свидѣтельствовало обратное.... Внизу мелькнула тѣнь, которая обнаружила, что надо мной бородачъ-ягнятникъ (Gypaëtus barbatus) затѣйливо описываетъ круги. Чуденъ онъ, когда видишь, какъ гордо и свободно несется, точно плаваетъ въ эѳирѣ небъ.

Проводникъ шелъ со мною недолго; снялъ шапку, одышка взяла и онъ упалъ. Къ нему я возвратился въ 1 часъ дня, разставшись въ 9. Но что я пережилъ за эти четыре часа.... Возвращаться обратно по леднику было чрезвычайно тяжело; таявшій снѣгъ скользилъ подъ ногами. Несмотря на всю опытность въ горныхъ восхожденіяхъ, я трижды обрывался и разъ удержался на самомъ краю. Зіяющая пропасть ледника смотрѣла мнѣ прямо въ глаза. Дна ея я не видѣлъ, такъ она была глубока. Проводникъ, оставшись внизу, отдыхалъ на камняхъ: его мучили тошнота и головокруженіе. На его глазахъ я отъ одного невѣрнаго шага скатился, съ ужасной быстротой, не одинъ десятокъ саженъ. И только благодаря камню, плотно сидѣвшему во льдѣ, мнѣ удалось спастись! Тутъ только я перевелъ духъ, и свободнѣе оглянулся по сторонамъ. Долго я расшатывалъ камень и, наконецъ, осторожно доставъ его, сталъ вырубать ступеньки, по которымъ имѣлъ возможность добраться до обнаженныхъ утесовъ скалъ. По нимъ я уже смѣлѣе цѣплялся и благополучно спустился къ проводнику. Добрый номадъ встрѣтилъ меня со слезами на глазахъ; затѣмъ упалъ на колѣни и сталъ возносить благодареніе Богу. Меня это обстоятельство растрогало, въ особенности, когда дикарь сталъ обмывать кровь, запекшуюся на моихъ рукахъ. Платье мое было все мокро; сапоги пришли въ полную негодность. Итакъ, мнѣ суждено было вернуться совсѣмъ изъ Кююкюннукскаго ущелья.

Въ два часа мы направились внизъ. По дорогѣ нашли на открытой лужайкѣ стадо горныхъ козловъ (Capra sibirica); осторожныя животныя не пустили насъ на разстояніе вѣрнаго выстрѣла; тѣмъ не менѣе, я пустилъ въ нихъ нѣсколько пуль

и огласилъ горы раскатами звучнаго эхо; звѣри быстро умчались въ свои родныя скалы.... Вернувшись на свой бивакъ и наскоро напившись чаю, мы послѣдовали внизъ по знакомому ущелью. На первыхъ порахъ заслышали тяжелые раскаты грома: началась гроза. Черезъ часъ гроза миновала; ливень прошелъ; мельчайшій дождикъ еще моросилъ. Показавшееся солнце украсило ущелье рѣдко красивой лентой радуги, упиравшей свои концы въ бока ущелья. Это было дивно-художественное явленіе природы, тѣмъ болѣе, что такихъ цвѣтовъ мнѣ еще никогда не приходилось наблюдать....

Въ два дня мы уже снова вернулись къ сліянію рѣкъ Цаганъ-сала и Кююкюннука; на этотъ разъ хотѣлось прослѣдить теченіе главной рѣки внизъ къ Юлдусу. Оглянувшись еще разъ на ущелье, нельзя было предположить, чтобы тамъ не существовалъ проходъ. Масса избитыхъ тропинокъ, правда старыхъ, все время тянулась по ущелью. Тропинки добѣгали до подножія ледника. Жителей мы не встрѣчали, но, по словамъ проводника, раньше, въ пору благосостоянія торгоутовъ, ущелье ежегодно заполнялось народомъ. Теперь же имъ достаточно и долины привольныхъ Юлдусовъ. Дѣйствительно, куда ни посмотришь, вездѣ мягкія лужайки, точно ковры, устилаютъ долину и скаты горъ; древесной растительности нѣтъ вовсе; кустарники же встрѣчаются; обильнѣе всего Potentilla. Изъ звѣрей держатся маралы (Cervus sp.); аргали, или каменный баранъ (Ovis Poli); у дикихъ скалъ, какъ я уже упоминалъ выше, теке (Capra sibirica); тогда какъ косули (Cervus pygargus), у подножія горъ, или по мягкимъ горнымъ увалмъ. Сурокъ (Arctomys sp.) ютился только въ низовой долинѣ и при устьяхъ ущелій; старыя норы встрѣчались и въ глубинѣ ихъ, но обильная влага заставила самихъ звѣрьковъ удалиться внизъ.

Пернатое царство гораздо многочисленнѣе. Улларовъ (Megaloperdix himalayensis) очень много: по утрамъ слышали ихъ оживляющій свистъ; нерѣдко раздавалась пѣснь завирушки (Accentor fulvescens), бабочками перелетали у скалъ краснокрылые стѣнолазы (Tichodroma muraria), съ крикомъ проносились стайки каменныхъ воробьевъ (Petronia petronia), и оживленнѣе всѣхъ была клушица-гріонъ (Pyrrhocorax graculus). Водяная щеврица (Anthus aquaticus) и желтая плисица (Budytes citriola) встрѣчались также; рѣже другихъ соколъ-пустельга (Timunculus alaudarius) и сарычъ (Buteo ferox). Горныя ласточки (Chelidon urbica) вились у скалъ, щебеча свой однообразный мотивъ.

II.

Рѣка Кююкюннукъ послѣ сліянія съ Цаганъ-сала выглядитъ внушительнѣе по размѣрамъ, но мягче по внѣшности; берега ея невысокіе, долина широкая; правда, по правому берегу еще тянулся обрывистый увалъ, но и онъ ничто въ сравненіи съ прошлыми навѣсными скалами. Невдалекѣ, гдѣ рѣка дѣлилась на три широкихъ рукава, мы переправились на правый берегъ. Общее направленіе рѣки въ равнинѣ—сѣверо-восточное, и чѣмъ дальше внизъ, тѣмъ склоненіе къ востоку все болѣе увеличивается. Этотъ притокъ Юлдуса несетъ массу воды и, вѣроятно, по многоводію, стоитъ въ числѣ первыхъ данниковъ.

Сдѣлавъ 52 версты, мы остановились ночевать, на серединѣ пути миновавъ ключъ Аршанъ. Этотъ ключъ, благодаря свойствамъ своихъ водъ, пріобрѣлъ большую извѣстность. Бьетъ онъ изъ земли нѣсколькими струями. Вода совершенно чистая, прозрачная, температура ея въ 10 час. утра была +20,5 С. Я опускалъ термометръ къ мѣсту выхода ключей изъ земли, на глубину около 2 фут.; тамъ, на ощупь, было значительно теплѣе, нежели на поверхности. Ключевое мѣсто, занимающее въ окружности около 100 шаговъ, выдѣляетъ ручеекъ воды, который сочится на сѣверо-востокъ—къ болотистымъ берегамъ Юлдуса. Вокругъ бьющихъ изъ земли ключей совсѣмъ мелко; дно илистое, топкое, поросшее водорослью, между которой ныряютъ рыбки. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось поймать два экземпляра въ колекцію. На южной сторонѣ ключа стоитъ «обо». По словамъ нашего проводника, здѣсь стекается немало народа, въ особенности страдающіе сердцемъ, желудкомъ и другими внутренними болѣзнями. Пьющіе воду изъ благодатнаго Аршана получаютъ великую помощь; многіе совсѣмъ избавляются отъ мучившихъ ихъ недуговъ. Даже самъ ханъ, съ своими приближенными, пріѣзжаетъ сюда и живетъ по нѣсколько дней кряду. Попили и мы изъ этого ключа; вода на вкусъ оказалась отличная. Проводникъ не преминулъ спросить меня о качествѣ ея, и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, видимо, успокоился.

Погода за время рекогносцировки въ Кююкюннукское ущелье стояла, въ общемъ, порядочная. Ночи были, по большей части, ясныя, свѣжія. Вѣтеръ дулъ по разсѣлинѣ сверху внизъ. По мѣрѣ поднятія кверху становилось все холоднѣе, вслѣдствіе близости снѣговъ и большой высоты. Дождей падало мало; облачность же преобладала. Термометръ вечерами показывалъ отъ +5° до +10°; на восходѣ солнца спускался ниже 0°. Въ 1 часъ стоялъ около +20° С. Лучшая погода была по вечерамъ — всегда ясно, тихо. Луна лила свой блѣдный свѣтъ и очень часто живописно озаряла вертикальныя скалы горъ. Шумъ рѣки то усиливался, то ослабѣвалъ; попутный вѣтерокъ или приносилъ звуки, или ихъ отклонялъ. Живыхъ же признаковъ не было замѣтно средн природы.

Въ долинѣ Большаго Юлдуса мы остановились вблизи кочевниковъ-торгоутовъ. Проводникъ нашъ уѣхалъ къ хану, вѣроятно, съ докладомъ. Ожидать новаго человѣка намъ долго не пришлось. Бѣдный торгоутъ-охотникъ, явившись потихонько отъ начальства, изъявилъ полное желаніе провести насъ за снѣговой хребетъ. Перевалъ лежалъ почти на меридіанѣ нашей стоянки, при сліяніи Юлдусовъ.

11-го августа мы были снова въ пути, который направлялся на юго-юго-западъ. Оставивъ за собою долину, мы вступили въ предгорья, порванныя рѣкою Коктекепынъ-голъ. Рѣка беретъ начало отъ перевала Кокъ-теке, почему и носитъ такое названіе. Въ верховьи она стремительно несется однимъ ручьемъ; передъ выходомъ же изъ горъ справа принимаетъ два притока, Дассалтынъ-голъ и Арцытанъ-голъ. На открытой долинѣ, рѣка скрывается подъ земную поверхность, и только у болотистыхъ береговъ Юлдуса (Хайдыкъ-гола) выходитъ снова на свѣтъ. Принявъ нѣсколько ключевыхъ источниковъ, Коктекепынъ-голъ доноситъ свои воды до главной вѣтви Хайдыкъ-гола.

Сѣверный склонъ горъ носитъ особенно мягкій луговой характеръ. Зимою, по словамъ проводника, торгоуты живутъ здѣсь со своими стадами. Стоянки свои они избираютъ, главнымъ образомъ, при сліяніи рѣчекъ. Здѣсь же намъ проводникъ указалъ на большую пещеру въ горахъ, тянувшуюся на западъ. Точно тоннель, она простирается далеко въ нѣдра

горъ. Туземцы изъ боязни дальше 30-ти саженъ не уходятъ. На этомъ пройденномъ разстояніи пещера сохраняетъ свой первоначальный видъ — полукруга; ширина ея простирается до сажени, высота—столько же. Это углубленіе когда-то служило общей кладовой торгоутовъ во время ихъ войнъ съ сосѣдями. Въ настоящее время здѣсь находятъ себѣ пріютъ только одни охотники, застигнутые дождемъ или бураномъ.

На второй день, въ 8 час. утра, мы уже были на перевалѣ. Высота его—12,570 футовъ надъ уровнемъ моря. Видъ съ этой заоблачной точки чудесенъ. На сѣверѣ Большой и частью Малый Юлдусы видны отлично. При взглядѣ на югъ, взору представляется въ видѣ полудуги снѣговой хребетъ; по направленію же ущелья лабиринтъ горъ, изрытыхъ боковыми лощинами, скрывается за горизонтъ, покрытый желтоватою дымкою пыли. Вблизи показались лужайки съ прозрачною водою. По обоимъ скатамъ крутизна страшная. Главная ось хребта дика, скалиста; подножія усыпаны камнями. Перевалъ легко сдѣлать удобнымъ: стоитъ лишь проложить зигзаги по осыпямъ, которыя залегаютъ по обѣимъ сторонамъ хребта. И тамъ (на сѣверной), и здѣсь (на южной сторонѣ) слышались звонкіе голоса уларовъ (Megaloperdix himalayensis). На подъемѣ горные козлы (Capra sibirica), числомъ около десятка, стояли на одной изъ вершинъ главнаго хребта и наблюдали за нами; а при движеніи внизъ по ущелью, трое козъ, съ дѣтенышами, быстрыми прыжками метнулись въ скалы, покинувъ кормовую лужайку. Общее направленіе ущелья было на югъ; вначалѣ оно уклонялось къ юго-западу, а въ низовьѣ—къ юго-востоку. Паденіе его очень большое. Отличныя пастбища тянулись отъ самаго перевала. Черезъ 10 верстъ начались густыя заросли ивы. Тропинки встрѣчались только протоптанныя дикими козлами. Мѣстами мы пробирались съ великимъ трудомъ, съ частыми переправами съ одного берега на другой. Сходныхъ дорожекъ къ рѣчкѣ не попадалось вовсе.

Ущелье, шириною отъ 50 до 100 саженъ, обставлено страшно высокими и крутыми горами; сѣверные скаты (лѣвый берегъ) поросли еловыми лѣсами, изрѣдка добѣгавшими до дна ущелья, гдѣ преобладали карагачъ, стоявшій сплошнымъ лѣсомъ, и густыя заросли ивы. Въ общемъ, ущелье дико и красиво. Высокій еловый лѣсъ чередуется съ подлѣскомъ и кустарниками. Тамъ дальше, вверхъ—скалы, а еще выше, сквозь деревья снѣга ласкаютъ взоръ. Южный же скатъ горъ бѣденъ: печать на немъ лежитъ другая. Тутъ растенія, свойственныя сухой Кашгаріи: бѣлолозникъ (Eurotia sp.), полынка (Artemesia) и кусты караганы. Въ описываемомъ ущельи ежегодно пасутся стада барановъ.

Трудности нашего пути, по мѣрѣ спуска внизъ, все увеличивались и увеличивались; переправы стали внушительнѣе, число валуновъ прибавилось также. Лошади, потерявъ подковы, износили копыта; вьюкъ, какъ равно и мы сами, совсѣмъ измокли; нерѣдко переправлялись вплавь, но все-таки двигались; мѣстность дѣлалась живописнѣе; растительность богаче; колючіе кустарники были сплошь одѣты ягодами, что и служило приманкой медвѣдямъ, слѣды пребыванія которыхъ часто обнаруживались. Здѣшнихъ медвѣдей туземцы раздѣляютъ на три вида, по цвѣту шерсти: бѣлый, черный и чалый. Всѣ три одинаково достигаютъ значительныхъ размѣровъ, и, въ случаѣ слабаго пораненія, бросаются на охотника. Звѣри эти, кромѣ ягодъ, питаются мясомъ сурковъ (Arctomys), которыхъ отрываютъ изъ норъ, а также крапивой. Съ наступленіемъ холодовъ, они уходятъ въ глубокія берлоги. По нашему времени, лежка ихъ начинается съ конца октября; въ ноябрѣ уже засыпаютъ всѣ и предаются покою четыре мѣсяца; въ мартѣ же снова начинаютъ бродить. Охотники-торгоуты мѣста лежекъ отыскиваютъ отлично. Во первыхъ, по близости каменистаго логовища медвѣдя растительность вся вытравлена; во вторыхъ, въ тихій солнечный день надъ выходнымъ отверстіемъ замѣтна вибрація воздуха. Туземцы находкѣ звѣря всегда довольны, потому что ни одинъ медвѣдь отъ нихъ не уйдетъ. Тотчасъ-же, по розысканіи логовища, устраиваютъ дымокуръ. Звѣрь, досыта надышавшись дыма, выползаетъ впаружу, какъ угорѣлый: едва держится на ногахъ, вяло водитъ головою, вообще выглядитъ опьянѣвшимъ. Конечно, онъ тутъ же и попадаетъ въ добычу охотникамъ. Изъ другихъ звѣрей въ этихъ горахъ встрѣчаются слѣдующіе: маралъ (Cervus sp.), аргали (Ovis Polii), горный козелъ (Capra sibirica), барсъ (Felis irbis), волкъ (Canis lupus), лисица (Canis vulpes) и заяцъ (Lepus sp.).

Изъ птицъ—вверху, какъ я уже и сказалъ, уллары (Megaloperdix himalayensis); еще выше, а нерѣдко и ниже, бородачъ-ягнятникъ (Gypaëtus barbatus), грифы—черный, или монахъ (Vultur monachus), и бѣлый (Gyps himalayensis); сосѣдка тѣхъ и другихъ—клушица-гріонъ (Pyrrhocorax graculus). Въ среднемъ поясѣ горъ, по кустамъ тальника прыгали сороки (Pica pica), распѣвали синицы (Cyanistes cyanus), а на выступахъ скалъ сидѣли завирушки (Accentor fulvescens), водяная оляпка (Cinclus leucogaster) съ писком пролетала надъ водой; съ ближайшихъ скалъ доносилось громкое трещаніе кэклика (Caccabis chukar). Маленькія пѣночки (Phyloscopus viridanus) юлились тамъ и сямъ; на мокрыхъ лужайкахъ плисицы-бѣлоголовыя (Motacilla personata) и желтыя (Budytes citriola). Весело перелетали съ камня на камень горихвостки (Ruticila erythrogastra и R.-rufiventris); вдали мелькнулъ какой-то дроздъ, исчезнувшій въ чащѣ лѣса. Указавъ на самыхъ позднихъ по наблюдію—черноухаго коршуна (Milvus melanotis) и сокола-пустельгу (Falco tinnunculus) — можно закончить списокъ орнитологической фауны.

Первые дни нашего слѣдованія погода стояла хорошая; 13-же августа, во время поздней остановки, началась гроза. Пошелъ ливень. Шумъ воды, буря, тяжелые, раскатывающіеся удары грома дополняли мрачную картину; по временамъ молнія особенно фантастично освѣщала ущелье. Высота воды поднялась значительно, и продержала насъ на одномъ мѣстѣ двое сутокъ. Въ 8 верстахъ, ниже по ущелью, находилась партія дунганъ-золотоискателей. Она намъ помогла выбраться изъ него.

III.

16-го августа мы покинули рѣку Динаръ; дальше слѣдовать было невозможно потому, что конгломератовыя вертикальныя стѣны, до 500 фут. высотою, сдавили рѣку по обѣимъ сторонамъ.

Нашъ путь пролегалъ по боковому ущелью на юго-западъ; солнце пряталось за горы, когда мы остановились на ночевку. Съ чувствомъ простора и свободы мы ставили палатку на тихо-журчащемъ ручейкѣ. Этотъ звукъ насъ только ласкалъ, а не заглушалъ, какъ шумъ бушующей рѣки. Когда луна взошла, ея свѣтъ затемнился пылью, отчего ночное свѣтило казалось въ видѣ мутнаго диска. По сторонамъ паслись та-

буны лошадей, стада коровъ, а еще выше по ущелью—стада барановъ. По горнымъ кряжамъ конгломерата стояли недоступные еловые лѣса, на оголенныхъ площадкахъ между ними держались уллары, которые по утрамъ звонко свистѣли, причемъ имъ слабо вторили кэклики. По дну ущелья бѣжалъ ручей, обрамленный древесной (ель, тополь) и кустарной (роза, кизильникъ) растительностью. Паденіе ущелья большое. Перевалъ чрезъ боковой отрогъ, оказавшійся весьма внушительнымъ, носитъ названіе Сэсыкъ-даванъ. За нимъ пошли мѣста того же привѣтливаго характера; тамъ и сямъ виднѣлись стада барановъ. Въ зарослях лѣса раздавался крикъ синицъ (Parus ater) и вьюрковъ (Carpodacus rhodochlamys); бѣлые щеглы (Carduelis canicaps) стайками, или попарно со своимъ мелодичнымъ крикомъ проносились вдоль опушки лѣса. Стрепашки (Emberiza sp.) ютились около насъ, а также сороки и каменные голуби (Columba rupestris). Изъ лѣса доносились голоса орѣховокъ (Nucifraga cariocatactes) и пѣночекъ.

Вскорѣ мы достигли урочища Кара-кюль, лежащаго на 8,000 футовъ абс. высоты. Здѣсь, въ небольшой долинѣ, собралось до десятка семействъ горныхъ таглыковъ. Означенная долина, будучи защищена со всѣхъ сторонъ горами, изолирована отъ крайностей тепла и холода, и выглядитъ несравненно привлекательнѣе сосѣднихъ. Здѣсь же проживаетъ дунганинъ-золотопромышленникъ, который и пригласилъ меня къ себѣ на отдыхъ. Пріискъ его нынѣшнее лѣто подастъ мало надеждъ на хорошую добычу. Найденныя зерна золота мелки. Высокая вода мѣшаетъ производить работы въ мѣстахъ болѣе выгодныхъ. Всѣхъ рабочихъ на пріискѣ 8 чел., которые живутъ въ палаткѣ. Въ 2 часа дня мы направились снова въ путь. Переваливъ горный отрогъ, лежащій къ юго-западу, мы спустились въ долину Кизилъ-моджу. Бѣдная водой, долина носила своеобразный характеръ. Направленіе ея простиралось съ сѣв.-запада на юго-востокъ. Къ югу горы мельчали, на сѣверѣ же тянулся невысокій хребетъ Кизилъ-тагъ. Восточнымъ продолженіемъ его служили причудливые вертикальные утесы конгломерата, напоминающіе многоэтажную улицу; передѣломъ этого фантастичнаго зданія являлись болѣе покатые утесы, на которыхъ уже помѣщалась эта стѣна до 1,000 футовъ высотою (1). Видъ окружающихъ горъ былъ очень печаленъ: не было замѣтно ни одного растенія. Только по дну долины были разбросаны жалкіе кустарники, и кое-гдѣ среди нихъ лепился чій (Zasiagrostis). По долинѣ пролегала колесная дорога; она, оказывается, создана за послѣднее время, когда производилась доставка еловыхъ столбовъ для телеграфа. По собраннымъ свѣдѣніямъ, рубка ихъ производилась участками, по всему подгорному большому пути, для отправки въ города: Куча, Корла, Карашаръ и др. Работу эту исполняли туземцы, которымъ было обѣщано по одному лану серебра за каждый столбъ; говорю, обѣщано, потому что китайцы дальше этого «милостиваго» слова не пошли. Позднимъ вечеромъ мы достигли окраины горъ, гдѣ съ сѣвера подошло другое ущелье. На соединеніи рѣчекъ растительность улучшилась и появились стада барановъ. Мѣстность носитъ названіе Айкамышъ. Глубокая балка обставлена конгломератовыми стѣнами по обѣимъ сторонамъ. Ложе рѣки песчано-глинистое, съ соленымъ налётомъ посыпано галькой. Паденіе значительное, теченіе быстрое; по всей ширинѣ ложа рѣка несетъ свои мутныя воды нѣсколькими рукавами. Изрѣдка, по сторонамъ, на лёссовыхъ мысахъ ютится растительность. Изъ птицъ мы встрѣтили, не замѣченныхъ раньше: ворона (Corvus corax), черную ворону (Corone corone) и двухъ маленькихъ славокъ (Sylvia curruca, и S. minuscula).

18-го августа мы прибыли въ оазисъ Бугуръ, лежащій на большой дорогѣ отъ Куча въ Корла. На другой же день явился, по порученію китайскаго амбаня, Юсунъ-бекъ, мусульманинъ, представитель мѣстной власти. Человѣкъ очень хорошій, оказавшій немало услугъ.

Собственно Бугуръ представляетъ собою такой же оазисъ, какъ и всѣ притяньшанскіе. Административный и торговый центръ его состоитъ изъ ряда плотно сколоченныхъ земляныхъ фанзъ. Затѣмъ идутъ по сторонамъ фермы, фанзы-особняки и поля владѣльцевъ. Отдѣльно стоящія фермы группируются въ кишлаки, которыхъ въ Бугурѣ 8:

1) Яче (1)	170	домовъ	680	жителей.
2) Чумпакъ	80	»	320	»
3) Кишлакъ-оралъ	40	»	160	»
4) Талакъ	60	»	240	»
5) Годжа	50	»	200	»
6) Ала-сай	40	»	160	»
7) Доланъ	100	»	400	»
8) Акъ-сарай	45	»	160	»

Всего въ Бугурѣ насчитывается слѣдовательно 585 домовъ съ 2,320 жителями. Основную часть населенія составляютъ сарты, среди которыхъ очень часто встрѣчаются зобатые. Другой элементъ—китайцы и дунгане; тѣхъ и другихъ—около сотни. Здѣшніе китайцы, кромѣ начальства, всѣ торговцы. Лавокъ и мелкихъ лавченокъ, составляющихъ базаръ, до 80; съ краснымъ товаромъ—отъ 15 до 20. Преобладающіе товары—русскіе, но встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ и англійскіе. Оживленіе въ оазисѣ бываетъ еженедѣльно въ пятницу, въ базарный день, когда производятся всѣ покупки. Къ югу отъ центральнаго поселенія стоитъ большой мазаръ, въ честь святаго Ходжи-Аккооши. Въ длину съ востока на западъ оазисъ простирается на 12 верстъ, съ сѣвера же на югъ, по теченію рѣки — до 20 верстъ. Оросивъ оазисъ, рѣка Динаръ, какъ и всѣ рѣки на этомъ пути, излишекъ своихъ водъ несетъ къ югу, въ мѣстность, носящую названіе Чаянъ. На основаніи разспросныхъ свѣдѣній, можно заключить, что Чаянъ представляетъ изъ себя обширную котловину, наполненную водой и поросшую высокими камышами, по которымъ держатся много кабановъ, а также не рѣдокъ и тигръ. Воды Чаяна текутъ въ р. Таримъ, съ долиной которой Чаянъ составляетъ одну сплошную растительную полосу.

Во время нашего пребыванія въ Бугурѣ термометръ Цельзія въ 1 часъ дня, въ тѣни, показывалъ до 30° тепла Надъ горами очень часто носились сплошныя кучевыя облака, собиравшіяся въ грозовыя тучи, которыя, изрѣдка, въ борьбѣ съ сухимъ зноемъ, отдавали нѣсколько капель и оазису Бугуру. Раскаты грома доносились нерѣдко, послѣ чего въ воздухѣ появлялась особенная свѣжесть. Въ Бугурѣ мы пробыли около трехъ сутокъ. Лошади устали настолько, что имъ потребовалось бы много дней отдыха, но намъ нужно было спѣшить на соединеніе съ главнымъ караваномъ. Обратный путь я избралъ черезъ г. Корла. Вторичнаго полнаго пересѣченія горъ сдѣлать не удалось. Имѣется еще одинъ удобный

(1) Общая же высота обрывовъ простиралась до 2,000 футовъ.

(1) Цифры показаны приблизительныя.

переходъ отъ селенія Янги-сара, вверхъ по рѣкѣ черезъ перевалъ Уланъ-гилэнъ. Кромѣ того, раньше существовалъ третій, по счету, проходъ (чрезъ одинъ и тотъ же хребетъ) по рѣкѣ Цаганъ-сала, но онъ умышленно прегражденъ сартами нѣсколькими рядами каменныхъ стѣнъ.

24-го августа мы были въ г. Корла, а 26-го уже проходили весьма живописнымъ ущельемъ Курукъ-тага, прорываемаго стремительнымъ теченіемъ рѣки Конче-дарья. Миновавъ его, мы свернули съ большой дороги, ведущей на г. Карашаръ, держа путь на сѣверъ-сѣверо-западъ. Къ вечеру достигли селенія Шикшина, которое питается водою отводнаго рукава р. Хайдыкъ-гола.

Означенное селеніе протянулось съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Длина его отъ 40 до 50 верстъ; ширина же не болѣе 20. Населеніе—торгоуты, подчиненные хану. Численность ихъ доходитъ до 1,100 юртъ, что составляетъ 11 сумуновъ (волостей). Всѣми ими вѣдаетъ старшій зангинъ Ергачике, у котораго имѣются два помощника. Они воздѣлываютъ землю; сѣятъ пшеницу, ячмень, сорго, просо и горохъ. Всѣ хлѣба родятся хорошо. Избытокъ урожая частью отправляютъ въ г. Карашаръ, частью же сбываютъ мѣстнымъ китайцамъ, имѣющимъ здѣсь водочный заводъ. Торгоуты пьютъ всѣ. Водку пріобрѣтаютъ на хлѣбъ; причемъ, стоимость послѣдней опредѣляется по вѣсу; такъ, напримѣръ: $1^1/_2$ фунта джина стоитъ 15 фунтовъ пшеницы. Кромѣ того, они держатъ скотъ, главнымъ образомъ, рогатый; барановъ и лошадей мало, верблюдовъ же не имѣютъ вовсе. Подати платятъ хану. Размѣры ихъ не одинаковы, смотря по расходамъ повелителя. Зимой частью перекочевываютъ въ Шарчике (юго-восточная окраина урочища Шикшина), частью же остаются на прежнихъ мѣстахъ. Снѣга выпадаетъ много; онъ лежитъ слоемъ, достигающимъ $^1/_4$ аршина и болѣе. Изъ древесной растительности чаще всего встрѣчается кара-агачъ и талъ, изрѣдка даже высокій стройный тополь; на орошаемыхъ мѣстахъ залегаютъ площади высокаго чія (Zasiagrostis). Вблизи растительной полосы, на каменистыхъ мѣстахъ, держатся антилопы-харасульты (Gazella subguttarosa).

Изъ Шикшина, держась прежняго направленія, мы чрезъ нѣсколько часовъ достигли р. Хайдыкъ-гола. Между Шикшиномъ и этой рѣкой залегаетъ каменистая горная гряда, которая потянулась къ востоку. Въ 7 часовъ утра мы увидѣли знакомыя воды Хайдыкъ-гола. Неслись онѣ плавно, но быстро. Ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ достигла отъ 40 до 50 саженъ. Глубина прежняя (около двухъ саженъ). Берега то низменные, то до 2 саженъ высотою; въ первомъ случаѣ песчаные, во второмъ—обрывы лёса. Переправились мы на лѣвый берегъ въ утломъ челнокѣ, сидѣть въ которомъ приходилось неподвижно, иначе челнокъ тотчасъ же опрокидывался. Лошадей пустили вплавь.

Тотъ же день, пройдя по густой растительности (1) и миновавъ на своемъ пути юрты торгоутовъ, отъ которыхъ услышали о недалекой стоянкѣ нашего каравана, мы прибыли въ родную экспедиціонную семью.

IV.

Первую треть сентября экспедиція слѣдовала въ полномъ составѣ южной окраиной горъ, лежащихъ къ сѣверу отъ озера Баграшъ-куля. Это огромнѣйшее озеро мы по времена видѣли, но не во всей красѣ; причиной тому пыльная атмосфера, висѣвшая ежедневно надъ горизонтомъ. Придя въ ущелье р. Наринъ-Кургуть-голъ, экспедиція разбила свой бивуакъ на берегу живописнаго альпійскаго озера Наринъ-Кургутъ-нора. Здѣсь же пришлось вновь разстаться съ главнымъ караваномъ; на этотъ разъ всего на нѣсколько дней. В. И. Роборовскій, слѣдуя съ послѣднимъ, придерживался болѣе доступныхъ горъ; я же, будучи совсѣмъ налегкѣ, сдѣлалъ пересѣченіе значительно сѣвернѣе; кромѣ того, нужно было доѣхать до верховья рѣки Алго и близлежащихъ озеръ.

11-го сентября я, въ сопровожденіи урядника Жаркова и проводника-торгоута, направился вверхъ по ущелью Наринъ-Кургуть-голъ. Оно имѣло въ общемъ мягкій характеръ. Не широкое дно его (отъ $^1/_2$ до 1 версты) покрыто прекрасною-травянистою растительностью, совмѣстно съ которой одѣваетъ берега рѣки лѣсъ кара-агача и ильма. Отдѣльные рукава рѣки катятъ свои прозрачные воды подъ густою тѣнью тальниковъ. Отъ подошвы горъ, мѣстами, выбѣгаютъ родники, создавая на своемъ пути болотистыя площадки. Направленіе ущелья сѣверо-западное. Общій видъ бѣденъ. Лишь одни сѣверные склоны, гдѣ сохраняется влага, покрыты площадями еловаго лѣса. Его обрамляетъ золотисто-желтый фонъ осенней травяной растительности. Долина заселена кочующими торгоутами. Вблизи ихъ юртъ паслись стада лошадей, коровъ и барановъ. Очень немногіе занимаются земледѣліемъ. Пашенъ было мало. Земля обрабатывается разъ въ годъ и, принеся жатву, отдыхаетъ отъ 3 до 5 лѣтъ. Сѣютъ пшеницу и ячмень. Дожди падаютъ рѣдко; поля орошаются отводными канавами (арыками). Собранный хлѣбъ хранится въ ямахъ. Вотъ каковъ общій характеръ долинъ, выходившихъ на нашъ путь. Изъ одной въ другую туземцы переходятъ чрезъ боковые отроги горъ, которые ихъ раздѣляютъ. Во многихъ мѣстахъ имѣются для этой цѣли перевалы и горныя тропинки.

На 18-й верстѣ рѣку Наринъ-Кургуть-голъ мы оставили. Путь нашъ отошелъ прямо къ сѣверу, притокомъ ея—Хархатъ-голъ. Обѣ эти рѣчки и размѣрами водъ, и шириною растительныхъ полосъ, и внѣшнимъ характеромъ совершенно одинаковы. Горы приняли болѣе величественный видъ. Большихъ и малыхъ валуновъ, лежащихъ по дну, прибавилось значительно. Растительность уже замѣтно стала бѣднѣть. Но все-таки, изрѣдка, попадались красивыя мѣста. По мѣрѣ приближенія къ подножію главнаго гребня, исчезло все, лишь одни мелкорослые кустарники (Caragana) вились по сторонамъ сухихъ и водныхъ руслъ. Вблизи бѣлѣющихъ вершинъ горъ мы остановились ночевать. Погода испортилась: быстро набѣжавшія съ юго-запада облака окутали горы. Позднѣе загрохоталъ громъ и посыпалась снѣжная крупа, къ счастью не надолго. Къ 10 часамъ ночи прояснилось: подулъ горный верхній вѣтеръ,—по временамъ, то увеличивался, то ослабѣвая. Темно-голубой сводъ неба былъ удивительно чистъ и усыпанъ ярко блестящими звѣздами. Торжественная тишина царила въ горахъ, не нарушаемая монотоннымъ шумомъ рѣки.....

Утромъ кругомъ все было бѣло: совершенно зимняя картина. Какіе быстрые переходы—наканунѣ ловили аполлоновъ (бабочекъ), стрѣляли дупелей; сурки быстро перебѣгали нашу тропинку, а на утро зима. Въ палаткѣ 2—3° С. мороза. Рѣчка на заворотахъ, въ тиши, подернулась льдомъ, и чѣмъ выше, тѣмъ основательнѣе. Съ нашимъ пробужденіемъ разда-

(1) Особенно поражалъ своею высотою дырисунъ, который положительно скрывалъ всадника съ лошадью.

лись и голоса пернатыхъ. Нѣсколько разъ колокольчикомъ въ воздухѣ повторилъ свою пѣснь Accentor fulvescens, съ крикомъ пролетѣлъ Cinclus leucogaster.

Подъемъ на перевалъ удовлетворительный, но страшно каменистый. Выпавшій снѣгъ слегка облегчилъ наше движеніе. По снѣжной «порошѣ» отлично выдѣлялись слѣды мелкихъ грызуновъ и аргали. На вершинѣ стоитъ высокое «обо» (мѣсто молитвы для будистовъ). Абсолютная высота перевала 13,400 футовъ. При подъемѣ, въ тѣни, было особенно холодно; чуть же показалось солнце, обогрѣло сразу. *Но температура тѣневаго воздуха все-таки была ниже нуля* на 8,5° С., что при вѣтрѣ ощутительно.

На сѣверъ, съ перевала, представилась слѣдующая картина: чрезъ холмистое плато, протянувшееся съ запада на востокъ, стояли два снѣговые хребта. Первый западнѣе и ближе, второй—восточнѣе и дальше. На обоихъ лежалъ бѣлый снѣгъ, однако у втораго, по мѣрѣ удаленія на востокъ, вершины чернѣли все больше и больше. Тамъ же, на сѣверовостокѣ, между двумя бѣлѣющими вершинами, лежитъ перевалъ Шаргынъ-дабанъ, по которому пролегаетъ дорога въ г. Урумчи. Онъ же даетъ начало рѣкѣ Шаргынъ-голъ, впадающей въ рѣку Алго.

Спускъ съ перевала Беергинъ-дабанъ (1) значительно труднѣе, круче и каменистѣе; кромѣ того, на немъ залегалъ снѣгъ, глубиною до 1/2 аршина и больше. Вѣчные снѣга сосѣднихъ вершинъ блестѣли; чисто бѣлое поле ихъ было величественно. Въ теченіе двухъ часовъ, на 10-ти верстномъ разстояніи по направленію къ долинѣ рѣки Алго, мы спустились съ 13,400 на 9,400 фут. Снѣгъ остался вверху, а съ нимъ и горный холодъ. Тепло его смѣнило. Издалека мы увидѣли пасущіяся стада; струи дыма, поднимавшіяся изъ жилищъ торгоутовъ, свидѣтельствовали о присутствіи людей. Пройденный нами хребетъ потянулся почти на западъ. Въ недалекомъ разстояніи онъ уклонился на юго-западъ, но не надолго; сдѣлавъ изломъ, онъ снова принялъ прежнее направленіе, но значительно понижаясь. Сѣвернѣе его тянулось всхолмленное плато, изборожденное горными ручьями, составляющими верховье рѣки Алго. На перерѣзъ этого плато, держа прежній (сѣверный) путь, мы направились вверхъ для ознакомленія съ озерами. Пройдя 11 верстъ по плато, мы ихъ достигли. Они залегаютъ на 11,000 футовъ абсолютной высоты и расположены почти на серединѣ плато. Большее изъ нихъ имѣетъ около 3 верстъ въ окружности, а меньшее только 1 версту. Непосредственной связи между ними не существуетъ. Оба лежатъ въ открытой мѣстности, растянуты съ запада на востокъ и значатся подъ однимъ общимъ названіемъ Кэшягинъ-норъ. Вода прозрачная, прѣсная. Южные берега выше, сѣверные ниже; болотъ нѣтъ. У береговъ мелко, виднѣются водоросли. Пролетныя птицы: турпанъ (Casuvea rutila), кряква (Anas boschas), полуха (Chaulelasmus strepera), шилохвостъ (Daxila aquta) отдыхали, плавая по открытой водной глади.

Вблизи, на югъ, тянется луговой увалъ, на сѣверѣ другой, по которому, въ 3 верстахъ отъ восточной оконечности большаго озера, лежитъ весьма удобный перевалъ въ Малый Юлдусъ. Онъ носитъ названіе Кэшягинъ-дабанъ. Немногимъ восточнѣе озеръ пролегаетъ русло зарожденнаго Алго. Эта рѣка беретъ начало въ снѣговомъ хребтѣ, который былъ видѣнъ съ перевала Беергинъ-дабанъ, и приходился западнѣе. Начальное направленіе ея съ сѣвера на югъ; паденіе — большое; ложе узко, каменисто; по сторонамъ кусты караганы. Въ данное время (сентябрь) воды не было вовсе. Только чрезъ 20 верстъ, гдѣ рѣка, встрѣтивъ на пути сѣверную окраину пройденнаго нами хребта, дѣлаетъ крутой поворотъ къ востоку, по ея дну катятся воды западнаго притока Захсала-голъ.

Животная жизнь въ верховьи р. Алго бѣдна разнообразіемъ, но за то богата количествомъ. Сурокъ (Arctomys sp.) здѣсь имѣетъ широкое распространеніе; холмистое плато повсюду изрыто норами. Но звѣрьки уже залегли на зимнюю спячку. Въ теплый солнечный день (12-го сентября) мы наблюли лишь одинъ случай: звѣрекъ сидѣлъ у норы; съ приближеніемъ насъ на 100 шаговъ, онъ исчезъ въ свое жилище. Своихъ обычныхъ звуковъ они не издавали вовсе. Тогда какъ его сосѣдъ и сородичъ зурмунъ (Arctomys sp.), въ тоже самое время былъ еще довольно энергиченъ. Мы ихъ видѣли часто. Издали завидѣвъ опасность, звѣрекъ быстро удираетъ; пушистый хвостикъ, точно лисій, несется на-отлетъ.

Если опасность близка, то онъ прячется въ первое попавшееся логовище. Нѣсколько разъ подымется вверхъ, столько же разъ опустится; пробѣжитъ, снова остановится. Нерѣдко также замѣчали ихъ стоящими вертикально, когда они кажутся бѣловатыми по цвѣту брюшка. Я только здѣсь впервые слышалъ ихъ звуки. Старый зурмунъ, котораго я скрадывалъ, голосилъ звонко. Звуки лились громко, отрывисто и подъ конецъ ускоренно, напоминая птицу; что-то среднее между дроздомъ и сорокой. Передъ долгой спячкой, звѣрьки запаслись жиромъ, подкожный слой котораго былъ довольно основательный. Торгоуты мясо зурмуновъ въ пищу не употребляютъ, тогда какъ тарабагана охотно. По берегу озеръ масса норокъ мелкихъ грызуновъ. Заяцъ (Lepus sp.), также встрѣчается; вспугнули двухъ и оба, пробѣжавъ нѣкоторое разстояніе, спрятались въ норы. Кромѣ того здѣсь попадаются: волкъ (Canis lupus), лисица (Canis vulpes), аргали (Ovis Poli) и горный козелъ (Capra sibirica); всѣ они держатся вдали отъ человѣка.

Изъ птицъ особенно много на плато крупныхъ хищниковъ: беркутъ (Aquila nobilis), бурый орелъ (Aquila sp.) и сарычъ (Buteo hemiptilopus). Не служатъ-ли имъ приманкой зурмуны и другіе земляные обитатели? Высоко надъ горами часто кружатъ въ воздухѣ грифы: монахъ (Vultur monachus), бѣлый грифъ (Gyps himalayensis) и бородачъ-ягнятникъ (Gypaëtus barbatus). Изъ мелкихъ — чаще другихъ встрѣчался рогатый жаворонокъ (Otocorys Elwesi).

По мѣрѣ нашего дальнѣйшаго слѣдованія на востокъ долиною р. Алго, мы стали встрѣчать все больше и больше кочевниковъ торгоутовъ. Эти номады живутъ здѣсь только для скота и зиму и лѣто. Ночныхъ морозовъ не боятся; днемъ-же, въ большинствѣ случаевъ, на солнцѣ, очень тепло. Снѣгъ падаетъ изрѣдка, притомъ покрываетъ землю тонкимъ слоемъ и быстро таетъ. Справа (на югѣ) тянется все тотъ-же бѣлоснѣжный хребетъ, каменистое подножіе котораго сопровождается мягкимъ луговымъ скатомъ съ горными ручьями. Слѣва (на сѣверѣ) круто обрывалось плато, обнаруживая, взамѣнъ сплошной травянистой растительности, каменистыя обнаженія.

Рѣка катила свои прозрачныя воды по сплошному каменистому ложу; ширина ея колебалась отъ 7 до 10 саженъ.

(1) Перевалъ этотъ весь покрытъ осколками гранита, подъ которыми совершенно скрыты утесы.

Долина-же достигала около версты; изрѣдка она расширялась гдѣ встрѣчались болотистыя мѣста съ родниками, увеличивавшими размѣры рѣки. Первое деревцо была ива; затѣмъ, невдалекѣ, показался, смѣшанный лѣсокъ и чѣмъ ниже, тѣмъ все гуще. Травянистыя растенія также одѣли значительныя площади своимъ, до сихъ поръ еще зеленымъ, покровомъ; хотя уже листъ на деревьяхъ сильно пожелтѣлъ, и при вѣтрѣ падалъ на землю. Теплѣе и теплѣе становилось чуть не съ каждымъ шагомъ. Торгоутовъ попадалось больше, они размѣстились по всей долинѣ. Пройдя 21 версту (а всего за три дня 95), мы остановились бивуакомъ на отличномъ мѣстѣ—островѣ, покрытомъ травянистою, кустарной и древесной растительностью. Кромѣ того тропинка отъ перевала Ташъ-Агайнъ-дабанъ, которымъ долженъ былъ прослѣдовать главный караванъ, вьется мимо нашей стоянки.

День стоялъ отличный, какимъ и начался съ самаго ранняго утра, когда еще на востокѣ только зардѣла алая полоска зари, и звѣзды продолжали горѣть какъ бриліанты. Но вечеръ былъ еще поэтичнѣе, правда ему придала много торжественности наша стоянка на зеленѣющемъ островѣ, омываемомъ свѣтлыми рукавами рѣки. Заря погасла; легли сумраки. Тихо всплыла луна и озарила окрестность. Куда-бы не кинулъ взгляда, вездѣ упоительно хорошо. Голубой сводъ небесъ чистъ. Зубцы горъ фантастичны; тѣнистыя стороны ущелій мрачны. Въ голубой выси снѣга отливаютъ матовой бѣлизной,—точно устланъ коверъ для входа въ алтарь природы. Нѣга, ласка природы производитъ обаятельное впечатлѣніе; полонъ самыхъ лучшихъ иллюзій идешь подъ покровъ своей маленькой палатки, по которой сквозь листву и вѣтви деревьевъ, скользятъ полоски луннаго свѣта. Долго не спится въ такую ночь. Монотонный шумъ воды уноситъ мысль далеко, далеко.... а позже и сладко убаюкиваетъ.

На слѣдующій день прибылъ караванъ и разбилъ свой бивуакъ на островѣ. Опять совмѣстное пребываніе съ нимъ продолжалось недолго.

Пребываніе нѣсколькихъ дней въ селеніи Токсунѣ дало возможность вновь распросить, а отчасти и провѣрить прежнія свѣдѣнія о ближайшихъ мѣстностяхъ; кромѣ того запаслись верховыми лошадьми и проводниками. На этотъ разъ экспедиція раздѣлилась на три части. Главный караванъ послѣдовалъ дорогой на г. Люкчунъ, подъ наблюденіемъ В. Ѳ. Ладыгина. Въ рекогносцировки направились В. И. Роборовскій и я. Первый, по дну интересной котловины, къ Люкчуну; на мою-же долю выпалъ заманчивый разъѣздъ—по пути къ оз. Лобъ-нору—въ Кызылъ-Сыпыръ.

V.

Утромъ 30-го сентября, одновременно изъ одной точки, разстались, по радіусамъ, всѣ члены экспедиціи. Меня сопровождалъ теперь, кромѣ проводника Абдурахмана, старшій урядникъ Банновъ. Весь мой караванъ состоялъ изъ 3 верховыхъ лошадей и 2 вьючныхъ верблюдовъ. Кормомъ, для себя и животныхъ, запаслись вдоволь. Первые два дня мы шли по большой дорогѣ къ Ушакъ-шалу. Затѣмъ, миновавъ Лянгеръ-Узме, повернули къ юго-востоку (новый путь); придерживаясь такого направленія, мы чрезъ небольшое разстояніе вышли изъ южныхъ предгорій хребта Чолъ-тага. Не смотря на пыль и облачность въ воздухѣ, намъ отлично удалось разсмотрѣть впереди лежащую долину, граничащую на югѣ хребтомъ Караксыломъ. Послѣдній тянулся съ юго-востока на сѣв.-западъ. Ширина долины Кумышинъ-тузе простирается на 20 верстъ. Направленіе ея юго-восточное; она уходитъ вдаль, скрываясь за горизонтъ. На нашемъ пути означенная долина, въ своей болѣе низменной части, была покрыта камышомъ, тамарискомъ, изрѣдка саксауломъ. Во многихъ мѣстахъ залегаютъ открытыя, блестящія площади соли; издали мы приняли ихъ поверхность за небольшія озера и болота. У сѣвернаго подножія хребта Караксыла тянется солончаковая площадь, бывшая не такъ давно дномъ озера. Нынѣ же вода лежитъ на глубинѣ 1½ сажень отъ поверхности земли. Вырыты два колодца—Шоръ-булакъ, изъ которыхъ путники добываютъ воду. Въ этихъ мѣстахъ обитаютъ антилопы—хара-сульты (Gazella subgutturosa), зайцы и мелкіе грызуны. Изъ птицъ—полевые воробьи (Passer montanus) и усатыя синицы (Panurus barbatus).

Ночью, въ котловинѣ, моросилъ дождь, а по вершинамъ сосѣднихъ горъ выпалъ снѣгъ. Утромъ было довольно свѣжо и ясно: пыль легла на землю. Вся долина и окаймляющія ея горы были видны отлично. Дальнѣйшій путь лежалъ на юго-востокъ, сѣверной окраиной песчаной гряды, протянувшейся параллельно Караксылу, какъ разъ, почти, по меридіану. Длина песчаной гряды простирается до 10 верстъ; относительная высота свыше 2,000 футовъ. Почти на серединѣ между этими песками, въ глубокой долинѣ, стоятъ, прекрасно сохранившіяся стѣны каменныхъ и глиняныхъ фанзъ. Исторіи этихъ развалинъ проводникъ объяснить не умѣлъ. Судя же по тѣмъ старинымъ городамъ, остатки которыхъ я видѣлъ, эти развалины относятся ко времени пребыванія знаменитаго Такіянзы и существованія гор. А с с ы (1). Отъ гряды песковъ къ солончаковой котловинѣ идетъ покатая безжизненная пустыня, ровно посыпанная крупно-зернистымъ пескомъ. По этой мѣстности въ юго-восточномъ направленіи и пролегаетъ дорога. Вблизи ея мы видѣли сегодня старые слѣды дикихъ верблюдовъ и совершенно свѣжіе волка и рыси. Долину Кумышинъ-тузе, которая тянется въ юго-восточномъ направленіи, около 3 дней пути, придется перерѣзать снова на обратномъ пути изъ Кызылъ-Сыныра въ Люкчунъ. Обогнувъ хребетъ Караксылъ, по его мелкимъ пальцеобразнымъ придаткамъ, составляющимъ возвышенную плоскость, мы вступили опять въ долину, носящую названіе Караксылъ-тузе. Длина этой долины около 50, а ширина 20 верстъ; паденіе большое; воды нѣтъ совсѣмъ. Изъ растеній встрѣчали только одну эфедру. Означенная долина на сѣверѣ, слѣдовательно, замыкается хребтомъ, по которому носитъ названіе; на востокѣ и западѣ плоскими возвышенностями, а на югѣ хребтомъ Игэрчи-тагъ, который также тянется съ юго-востока на сѣверо-западъ. Видъ его мраченъ; растительности нѣтъ. Перевалъ отличный: подъемъ и спускъ едва замѣтны; абсолютная высота около 4½ тысячъ футъ. Особенно выдѣляющихся вершинъ нѣтъ; гребень идетъ ровной пилой. Въ ущельяхъ сѣвернаго склона, по дну, встрѣчали слюду, блистающую на солнцѣ, какъ стекло. Къ солнечному закату, пройдя 45 верстъ, мы достигли новой долины Гепсохоло, которая лежитъ къ югу отъ Игэрчи-тага. Остановились на ключѣ Гепсохоло, или, какъ говорятъ торгоуты, Хоргупчикъ-булакъ. Вода несется на протяженіи 2—3 верстъ. Кругомъ ея желтоватая растительность камыша, тамариска и отдѣльно стоящихъ тограковъ. Небесный сводъ былъ удивительно

(1) Онѣ находятся въ Люкчунской котловинѣ.

чистъ; планеты ярко блистѣли. Погасающая заря на западѣ своей алой полоской рельефно выдѣляла зубцы мрачныхъ хребтовъ. Кругомъ тихо и одиноко, лишь однѣ легкія газели (Gazella subguttarosa), украдкой пробирясь на водопой, по временамъ мелькаютъ, какъ тѣни...

Ночь морозная, тихая; на утро термометръ спустился ниже нуля на 7° С. Мы пустились въ путь съ разсвѣтомъ. Долина Гепсохоло-тузе, въ сѣверной части которой мы стояли, носитъ одинаковый характеръ съ прежними. По ней путь пролегаетъ въ Ушакъ-талъ. Въ длину Гепсохоло-тузе простирается отъ 40 до 50 верстъ. Ширина ея въ мѣстѣ нашего слѣдованія 10 верстъ. На юго-востокѣ, у окраины горъ, лежитъ большая кормная полоса подъ названіемъ Тунгузъ-лыкъ, гдѣ можно встрѣтить кабановъ, которые прежде водились здѣсь во множествѣ. Долина расплывается полудугой — на сѣверо-востокъ, востокъ и юго-востокъ; на всѣхъ этихъ направленіяхъ она граничитъ съ высокими плоскими возвышенностями, примыкающими къ горамъ, на западѣ — къ Хабурга-тагу а на югѣ—къ Кызыль-тагу. Характеръ этого послѣдняго совершенно одинаковъ съ вышеописанными; съ сѣверо-запада грандіознѣе, но, идя на юго-востокъ, замѣтно понижается. Видъ съ мягкаго перевала этого хребта, вдаль, на югъ и юго-западъ прекрасенъ: черезъ разстилавшуюся долину виднѣлась рѣзко выдѣляющаяся по высотѣ группа горъ Чарайлыкъ-тагъ, или по монгольски Сайхенъ-ула (1). Западнѣе ея чернѣли вершины дугою протянувшагося хребта Курукъ-тага. Держа направленіе на юго-западъ, мы чрезъ 12 верстъ достигли урочища Поджюнза, расположеннаго въ долинѣ того же названія. Здѣсь имѣются пашни дунганской партіи рабочихъ свинцоваго пріиска. Кромѣ того встрѣтили одну семью кочующихъ торгоутъ, обитателей Баграшъ-куля. Долина Поджюнза имѣетъ посреднѣ небольшую группу горъ, у подножія которыхъ струятся источники, создавая растительную полосу въ 5 верстъ длиною. На лѣвомъ возвышенномъ берегу источника до сихъ поръ сохранились стѣны небольшаго укрѣпленія; по словамъ туземцевъ постройка эта существуетъ съ незапамятныхъ временъ. Были также и фанзы по долинѣ источника, но онѣ унесены водою; невдалекѣ, къ югу, лежатъ четыре старинныхъ могилы. Общая ширина долины достигаетъ 20 верстъ. Къ востоку, юго-востоку она уходитъ далеко. Съ юга защищена хребтомъ Курукъ-тагъ. Въ этой подгорной полосѣ кочуютъ торгоуты, ихъ не болѣе 20 юртъ. Раіонъ кочевья — сѣверныя предгорья и ущелья Курукъ-тага, которыя богаты растительностью. Сѣверный склонъ Курукъ-тага несравненно богаче южнаго. Среди этой системы горъ рѣзко выдѣляется группа, о которой я уже упоминалъ, Чарайлыкъ-тагъ. Она тянется, согласно общему закону, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, по высотою своихъ вершинъ значительно превышаетъ сосѣднія. Длина ея 20 верстъ. Она, почти, изолированна: кругомъ долина покрытая растительностью. На сѣверо-восточной сторонѣ ея имѣются два ключа; на противоположной нѣтъ воды. Номады живутъ здѣсь лѣтомъ и зимой. Крутизна горъ ужасная: ходить невозможно не только людямъ, какъ говорятъ торгоуты, но даже и звѣрямъ. Ихъ воображеніе создаетъ всевозможныя сверхъ-естественныя явленія въ этихъ горахъ; такъ напримѣръ, очень часто слышатъ раскатъ грома, пальбу точно изъ пушекъ, звонъ колокольчиковъ, звуки музыки и т. п. Изъ урочища Поджюнза, долиною того же названія, мы прибыли на пріискъ. Онъ залегаетъ также на сѣверномъ склонѣ горъ хребта Курукъ-тага и носитъ названіе Чонъ-кантъ. Всего работало на немъ 6 человѣкъ дунганъ, которые первыми на него наткнулись лѣтъ 15 тому назадъ. Другіе же говорятъ, что рудники эти весьма древніе, но долго были заброшены. Во всякомъ случаѣ, послѣ новѣйшихъ работъ, образцы свинцовой руды были доставлены урумчійскому генералъ-губернатору, который и взялъ его въ казну. Работающіе на пріискѣ дунгане получаютъ жалованья 3 лана серебра въ мѣсяцъ и казенный пасекъ. Жилищемъ ихъ служатъ плохо сложенныя фанзы. Собственно добываніе свинцовой руды производится среди низкихъ горъ, раіонъ которыхъ простирается до 10 верстъ въ окружности. Добываютъ руду двоякимъ способомъ, или съ поверхности, гдѣ уже производились работы и раньше, или же углубляясь между разщелинами скалъ. Шахты встрѣчаются различной глубины: отъ 5 до 100 и больше саженей. По словамъ рабочихъ, добыча идетъ успѣшнѣе по мѣрѣ углубленія внизъ, но тамъ часто является большое затрудненіе со стороны воды. Я видѣлъ результатъ работъ за истекшее лѣто. Онъ не превышалъ 50 пудовъ свинцовой руды, изъ которой, по заключенію рабочихъ, въ среднемъ, выходитъ чистаго свинца около 5 пуд. Ежегодно, осенью, сюда пріѣзжаетъ китайскій чиновникъ изъ Урумчи. Въ его присутствіи, въ теченіе одной недѣли, пережигается вся руда. Дрова для печей идутъ, главнымъ образомъ, саксаульные.

(1) Оба названія означаютъ: хорошій, красивый.

VI.

На слѣдующій день, слѣдуя сѣверной окраиной горъ, къ востоку мы достигли, наконецъ, желанной цѣли—увидѣли селеніе Кызылъ-Сыпыръ (1). До сихъ поръ зеленоватыя деревья джигды (Eleagnus) стоятъ среди обнаженныхъ холмовъ. Этотъ маленькій оазисъ отстоитъ отъ Токсуна на 225 верстъ, слегка уклоняясь отъ меридіана послѣдняго къ востоку.

Недавнее прошлое Кызылъ-Сыпыра (2) было повѣствуемо намъ такъ: 45 лѣтъ тому назадъ одинъ люкчунскій охотникъ, Юсупъ-Сальджи, преслѣдуя звѣрей въ горахъ, случайно встрѣтилъ зеленѣющій уголокъ. Проживъ здѣсь нѣсколько дней, въ которые добылъ много звѣрей, онъ рѣшился остаться въ этомъ оазисѣ навсегда. Семью и все свое состояніе, которое заключалось въ двухъ яшакахъ и домашнемъ скарбѣ, онъ перевезъ изъ города. Затѣмъ успѣшно охотясь, усердно обрабатывая землю, удовлетворяя нужды кочующихъ торгоутъ, піонеръ зажилъ привольно. Китайцы о немъ вскорѣ провѣдали. Къ удаленной колоніи отнеслись благосклонно; когда же Юсупъ-Сальджи отыскалъ дорогу на оз. Лобъ-норъ, его даже поощрили наградой. Вскорѣ этотъ пустынной уголокъ связался путями съ Люкчуномъ, Турфаномъ и Токсуномъ. Вѣроятно, существуетъ и прямая дорога въ оазисъ Сач-жоу. На половину этого разстоянія охотники (дѣти нынѣшняго обитателя, Ахмедъ-Полгана, пріѣхавшаго сюда еще 9-ти лѣтнимъ мальчикомъ) углублялись во время охоты за дикими верблюдами, но дальше не были. Извѣстно также, что южнѣе этого пути залегаетъ кормная долина съ тограковымъ лѣсомъ, но туда еще они не доходили. Тамъ, пока, сохранился недоступный уголокъ—гнѣздо дикихъ верблюдовъ.

Имѣя, географически, такое удобное расположеніе, Кызылъ-

(1) Приблизительная высота этой мѣстности—4,500 футъ надъ уровнемъ моря.

(2) Въ переводѣ—красная жила.

Сыныръ сдѣлался извѣстенъ всѣмъ туземцамъ, слѣдовавшимъ на Лобъ-норъ и нижній Таримъ.

Въ настоящее время Ахмедъ-Полганъ выглядитъ уже престарѣлымъ человѣкомъ; ему 54 года. Семья состоитъ изъ четырехъ сыновей и стольких же дочерей. Единственное ихъ занятіе въ свободное время—это охота. Къ ней сыновья пристрастны и отлично пріучены. Уже 12 лѣтній мальчикъ и тотъ имѣетъ голосъ въ кругу охотниковъ: умѣло разсуждаетъ о привычкахъ звѣря, и особенно живо разсказываетъ о своихъ удачахъ и неудачахъ. Болѣе взрослые уже принимаютъ участіе въпоѣздкахъ за дикими верблюдами; причемъ удаляются на 10 дней пути въ пустыню.

Семья помѣщается въ одной довольно обширной фанзѣ, весьма приличной по своему внѣшнему виду; къ ней прилегаетъ огородъ, въ которомъ по сторонамъ красуются высокія и развѣсистыя деревья. Глиняныя стѣны огорода и нѣкоторыя деревья красиво обвиты повиликой. Въ огородѣ хорошо родятся кукуруза, китайская капуста, морковь, дыни и тыквы; вблизи подсадки персиковыхъ деревьевъ. Рядомъ съ огородомъ тянутся пашни. Ежегодно засѣвается зерна (пшеницы и ячменя) около 50 пудовъ. Средній урожай даетъ самъ 10. Пашни орошаются водой, собранной изъ ключей въ одинъ прудъ, который, при надобности, открывается и наполняетъ оросительныя канавы. Непосредственно изъ того же пруда ведетъ арыкъ къ мельницѣ. Сѣятъ обыкновенно въ мартѣ и апрѣлѣ; жатва начинается съ августа. Морозы помѣхой не бываютъ. Вообще, здѣсь климатъ прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ. И старику Ахмедъ-Полгану, съ его многочисленной семьей, живется привольно, свободно. Изъ домашнихъ животныхъ онъ располагаетъ 15 верблюдами, такимъ же количествомъ рогатаго скота, двумя лошадьми, 150 баранами и десяткомъ ишаковъ.

Изъ звѣрей, водящихся здѣсь, особеннаго вниманія заслуживаетъ дикій верблюдъ, о которомъ я и поговорю.

Camelus bactrianus fevus довольно обыкновенъ въ окрестности Кызылъ-Сыныра; главное же мѣстожительство его на востокъ-юго-востокъ отъ послѣдняго къ сторонѣ Сачжоу, въ центральной части пустыни. Величиною старый экземпляръ достигаетъ, обыкновенно, размѣровъ домашняго, по общей длиной его превосходитъ. Дикіе верблюды всегда встрѣчались съ двумя невысокими, скорѣе низкими, кочками. Долговѣчность этого интереснаго животнаго опредѣляютъ въ 40 лѣтъ. Весною дикіе верблюды покидаютъ глухую пустыню, пробираясь къ ея окраинамъ, гдѣ проводятъ и лѣто. Глубокою же осенью и зимою, когда выпадетъ снѣгъ, верблюды возвращаются въ свои трудно-доступныя мѣста, гдѣ проводятъ брачный періодъ (1). Самцы въ то время ужасно злобны. Послѣ турнира побѣдитель далеко преслѣдуетъ побѣжденнаго. Въ той же части пустыни находится родина верблюдовъ. Молодые держатся вмѣстѣ со старыми; большія стада достигаютъ 30-ти головъ, чаще же ихъ меньше. Остороженъ этотъ звѣрь въ высшей степени. Зрѣніе, слухъ, чутье развиты до удивительнаго совершенства. На рану, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, этотъ звѣрь очень крѣпокъ. Только раненый въ голову, шею, позвоночный столбъ, или грудь—верблюдъ падаетъ; будучи пораженъ въ другія мѣста — всегда уходитъ. Тѣмъ не менѣе охотники-туземцы бьютъ дикихъ верблюдовъ немало. Если случится въ стадѣ мать съ небольшимъ дѣтенышемъ, и по стаду послѣдуетъ выстрѣлъ, то она, упершись своею грудью въ заднюю часть тѣла дѣтеныша, помогаетъ ему нестись также быстро, какъ и все стадо.

Два съ половиною дня мы прожили въ Кызылъ-Сынырѣ. Почтенная семья старика къ намъ привыкла. Сами мы отдохнули порядочно; животныя наши также. Запасшись всѣмъ необходимымъ въ дорогѣ, мы 9-го октября, еще задолго до восхода солнца, выступили въ путь по направленію къ г. Люкчуну. Утро было ясное, тихое. На горизонтѣ вписѣла пыльная завѣса. Высоко надъ Кызылъ-Сыныромъ пронеслась, угломъ, стая утокъ; среди полной тишины рѣзкіе звуки ихъ полета слышались далеко въ синевѣ неба! Нашъ путь лежалъ на сѣверо-востокъ. Вскорѣ, по выходѣ изъ Кызылъ-Сыныра, мы вступили въ слегка всхолмленную гряду. Тамъ и сямъ на ея вершинахъ рисовались силуэты антилопъ-харасультъ (gazella subgutturosa). Гряда смѣнилась долиной, которую съ сѣвера ограничивали горы и плоскія возвышенности, служившія продолженіемъ хребтовъ, пересѣченныхъ нами западнѣе. Въ два дня мы достигли долины Кумышинъ или Шоръ-тузе. Колодезь, или ключъ Узунъ-булакъ, гдѣ мы теперь остановились, лежитъ въ шестидесяти верстахъ ниже нашей западной стоянки при Шоръ-булакѣ. Долина имѣетъ тотъ же характеръ, что и выше. Абсолютчая высота этой части—2,200 футовъ. Паденіе ея незначительное. На востокъ-юго-востокъ она простирается до 100 верстъ, гдѣ замыкается горами. По сѣвернымъ и южнымъ предгорьямъ имѣются водные источники. При урочищѣ Узунъ-булакъ порядочная, по здѣшнимъ мѣстамъ, растительность; кромѣ того, небольшое озерко, окруженное высокими камышами. Вода съ большою примѣсью соли. Озерко питается ключевымъ источникомъ, выходящимъ сѣвернѣе, гдѣ вода немного лучше. На озерѣ держались пролетныя утки: кряква (Anas boschas), полуха (Chaulelasmus strepera), чирокъ (Querquedula crecca), красноносый нырокъ (Fuligula rufina). По камышамъ звонко лилось трещаніе усатой синицы (Panurus barbatus). Вблизи по берегамъ смѣло перелетали съ одного куста на другой горихвостка (Ruticilla rufiventris) и чекканъ (Saxicola atrigularis). Мелкіе жаворонки (Alauda pispoletta), здѣшніе коренные обитатели, издавали свои тонкіе звуки. Раннимъ вечеромъ кружились летучія мыши, а позднимъ, въ полной тиши, пронеслось дикое завываніе сперва одного, а затѣмъ и нѣсколькихъ волковъ. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ звуки стали чаще нарушать безмолвіе. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, въ привѣтъ непрошеннымъ гостямъ, завываніе окончилось. Но передъ разсвѣтомъ они, точно пѣтухи, снова отозвались одинъ другому.

Передъ нами на сѣверѣ залегалъ хребетъ Чолъ-тагъ. Ширина этой системы горъ около 70 верстъ, а отъ Узунъ-булака до Ташлыкъ-булака 98½ верстъ. На всемъ этомъ, почти стоверстномъ, переходѣ тянется мертвая пустыня, доступная для движенія только осенью и зимой. Лѣтомъ поверхность ея накаляется до невѣроятія. Во время нашего слѣдованія, 11-го октября, въ 1 часъ дня, въ тѣни, термометръ показывалъ + 20° С. Было совершенно тихо. Мы ѣхали въ лѣтнемъ платьѣ. Далекихъ горизонтовъ намъ нигдѣ не открывалось. Все время мы или поднимались на вершины отдѣльныхъ гребней (протяженіе ихъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ), или спускались въ ихъ узкія долины. Только посреди этой жалкой

(1) Онъ совпадаетъ съ таковымъ у домашнихъ верблюдовъ.

мѣстности залегала долина, пріютившая у себя нѣсколько бугровъ съ тамарискомъ и маленькую площадь камыша. Воды, кромѣ насыщеннаго раствора соли, нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ путники, одолѣвъ половину безводнаго перехода, остаются ночевать. Трудность этого пути весьма ощутительна для животныхъ и въ особенности для лошадей. Ихъ копыта только и ударяются о твердые обломки сланцевъ, которые, разлетаясь по сторонамъ, звучатъ, какъ битое стекло. Да и остановки безъ воды на камышѣ и тамарискѣ не особенно сладки; впрочемъ, въ здѣшнемъ мертвомъ уголкѣ и это рай! Долина Юлгунъ-тузе, будучи окружена со всѣхъ сторонъ горами, простиралась съ сѣверо-запада на юго-востокъ. По длинѣ она занимаетъ 20, по ширинѣ—12 верстъ. Общее паденіе ея—на сѣверо-востокъ. На переходъ изъ этой долины въ Люкчунскую котловину мы истратили весь день—отъ зари до зари. Мѣстность носила абсолютно мертвый характеръ. Только одни высохшіе трупы павшихъ животныхъ—нѣмые свидѣтели дикой пустыни—попадались навстрѣчу. Приближаясь къ сѣверо-восточной оконечности горъ Чолъ-тага, мы съ послѣдняго высокаго отрога увидѣли Люкчунскую котловину. Она разстилалась передъ нами точно море, поверхность котораго представлялась двоякой: темной и совершенно бѣлой. Надъ этимъ уходящимъ вдаль океаномъ стоялъ туманъ. На самомъ же дѣлѣ темная часть оказалась холмами, бѣлая—солончаками. Пыльный туманъ застилалъ видъ. Только береговыя дюны песка, дѣйствительно, не обманываютъ глазъ наблюдателя; одни онѣ лежатъ неизмѣнно со времени исчезновенія моря. Направленіе этихъ дюнъ—съ сѣверо-запада на юго-востокъ. За ними залегаетъ уродливо изрытая солончаковая поверхность. По ней мѣстами вкраплены площади солесной воды и совершенно зеленый камышъ. Вблизи показался нашъ послѣдній ночной пріютъ — колодезь Татлыкъ-булакъ (1), который далеко не оправдывалъ своего лестнаго названія. Къ западу-сѣверо-западу, въ 5 верстахъ, лежатъ развалины стараго города Асса. Сильно подтянулись наши животныя послѣ двухъ дней безводнаго пути. Въ котловинѣ, лежащей ниже уровня океана, было замѣтно теплѣе. Пріятная прохлада ночи насъ быстро усыпила. Чуть же забрезжила заря, нашъ старый знакомый хохлатый жаворонокъ (Alauda cristata) привѣтствовалъ насъ своею звонкой пѣсней. Она здѣсь еще звучитъ далеко не по зимнему. Въ десятомъ часу утра мы сошлись съ главнымъ караваномъ.

По дорогѣ изъ Кызылъ-Сыпыра въ Люкчунъ мы пришли на пятый день, сдѣлавъ 184 версты, что съ прежними 225-ю составитъ 409 верстъ. А всего за три разъѣзда мною пройдено съемкою 900 верстъ. Во время пути, помимо своихъ спеціальныхъ сборовъ по зоологіи, я усердно бралъ образцы горныхъ породъ и почвъ. Добыты разспросныя свѣдѣнія, на основаніи которыхъ, къ моему великому удовольствію, можно изъ Люкчуна предпринять новый разъѣздъ. Его програма будетъ слѣдующая: достигнувъ Кызылъ-Сыпыра новымъ (турфанскимъ) путемъ, устроить въ немъ складъ, гдѣ оставить всѣхъ животныхъ на отдыхѣ. На наемныхъ же, имѣя съ собою того же урядника Баппова, я врѣжусь въ пустыню къ сторонѣ Сач-жоу. Сколько пройду по этой діагонали, не знаю. Кромѣ интереса географическаго, меня сильно манятъ дикіе верблюды. По возвращеніи въ Кызылъ-Сыпыръ, иду на сел. Тыккэлыкъ (1), лежащее на рукавѣ Тарима, и далѣе по рѣкѣ Конче-дарья на озеро Лобъ-норъ. Давъ нѣсколько дней отдыха животнымъ, направлюсь южной окраиной пустыни и подножіемъ Алтынъ-тага въ Сач-жоу на соединеніе съ главнымъ караваномъ, намѣреннымъ слѣдовать туда же восточнымъ путемъ.

---

(1) Татлыкъ—въ переводѣ сладкій, прѣсный.

(1) Отъ встрѣчныхъ, во время разъѣзда въ Кызылъ-Сыпыръ, лобнорцевъ узнали слѣдующее: въ 10-ти [illegible] отъ сел. Тыккэлика, на правомъ берегу рѣки Кугала-дарья, китайцами основанъ г. Дурадъ. Въ немъ находится гарнизонъ, въ составѣ трехъ линз

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 февраля 1894 года.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

ЭКСПЕДИЦІЯ
ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗІЮ
(изъ писемъ П. К. Козлова).

(Изъ «Русскаго Инвалида» №№ 83, 90 и 95).

Оазисъ Са-чжеу. 5-го мая 1894 года. Съ приходомъ въ оазисъ Са-чжеу экспедиція на время пріостановилась. Сосѣдній хребетъ *Нань-шанъ*, главная цѣпь котораго на меридіанѣ Са-чжеу, а также къ востоку и западу отъ него, покрыта вѣчными снѣгами, ставитъ преграду изслѣдованіямъ до поздней весны. Ожиданіе этого времени дало возможность сначала заняться детальными наблюденіями надъ мѣстной фауной, весеннимъ пролетомъ птицъ; позднѣе же рѣшено было приступить къ разъѣздамъ по Нань-шанью.

Оазисъ Са-чжеу расположенъ на 3,700 футовъ надъ уровнемъ океана. Южной границей его служатъ горы Нань-шанъ, тогда какъ со всѣхъ прочихъ странъ свѣта онъ открытъ къ сосѣдней равнинѣ. Орошается этотъ оазисъ р. Дапъ-хэ, бѣгущею съ юга.

Первое время—начало февраля—снѣжный покровъ лежалъ значительной толщей, хотя въ ясные дни солнце грѣло сильно, а на поляхъ начали проглядывать проталины и по траншееобразнымъ дорогамъ бѣжали ручьи. Ночные морозы были значительные, и совмѣстно съ сѣверо-восточными буранами успѣшно боролись съ надвигавшимся тепломъ. Зимующія птицы, число видовъ которыхъ весьма ограничено (семь), начали собираться въ стаи; то были грачи и галки; остальные же виды, встрѣчающіеся чаще всего одиночками — сорокопуты, или парами—водяныя щеврицы, горихвостки и пустынныя синички, попадались лишь изрѣдка. Правда, послѣднимъ двумъ видамъ родныя мѣста довольно близки; они незамѣтнымъ образомъ, вмѣстѣ съ развитіемъ растительной жизни въ горахъ, будутъ подаваться по восходящей лѣстницѣ.

Что же касается коренныхъ обитателей описываемаго оазиса, то прежде всего остановимся на звѣряхъ. Изъ нихъ нами были замѣчены: волки, лисицы, зайцы, довольно крупные грызуны и антилопы хара-сульты. Всѣ эти звѣри держатся въ весьма близкомъ сосѣдствѣ съ человѣкомъ.

Первые изъ нихъ наносятъ ощутительный вредъ китайцамъ, таская ихъ коровъ и барановъ не только ночью, но и днемъ. Мало того, тѣ же звѣри вселяютъ своимъ сосѣдямъ большой страхъ, похищая ихъ дѣтей у самыхъ фанзъ. Въ недавнее время волкъ схватилъ 8-ми лѣтнюю дѣвочку и, не взирая на крикъ китайцевъ, успѣлъ не только загрызть несчастнаго ребенка, но даже сожралъ часть своей жертвы, прежде чѣмъ случайно появившійся всадникъ успѣлъ его прогнать.

Тотъ-же волкъ встрѣчи съ нами избѣгалъ: замѣтивъ еще издали охотника, онъ пускался бѣжать безъ оглядки, хотя въ ночное время, иногда, вблизи нашего бивака, они устраивали такіе концерты завываній, что дежурный принужденъ былъ отпугивать ихъ выстрѣломъ. На такое привѣтствіе нахальные звѣри не всегда покидали наше сосѣдство. Случалось, что еще ближе подбѣгали и еще громче завывали. Немного подальше за рѣкой волки продолжали нарушать тишину даже и по утрамъ.

Съ здѣшними собаками волки живутъ, повидимому, дружелюбно. Урядникъ Жаркой наблюдалъ весьма интересный случай, черезъ-чуръ сближающій этихъ двухъ собратій. На глазахъ нашего охотника песъ долгое время сопутствовалъ волчихѣ, увиваясь за нею, въ то время, когда сѣрый кавалеръ бѣжалъ неподалеку сторонкой.

Лисицы держатся въ норахъ и на окраинѣ оазиса и внутри его, если выдѣляются незанятыя площади въ песчано-глинистыхъ буграхъ, одѣтыхъ тамарискомъ, колючкой, камышемъ и другими растеніями. Въ такихъ мѣстахъ описываемый видъ нерѣдко наблюдался нами. Чаще всего можно было видѣть лисицу въ тихое, теплое время дня, когда звѣрь предавался ловлѣ грызуновъ. Чтобы успѣшнѣе скрасть свою добычу, лисица, обыкновенно, помѣщалась подлѣ куста стоя, или припавъ къ землѣ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ звѣрь находился въ неподвижномъ состояніи долгое время. Моментъ бросанія на грызуна былъ неуловимъ по своей быстротѣ.

Съ свойственной лисицѣ хитростью, она легко распознаетъ охотника отъ человѣка безобиднаго. Перваго избѣгаетъ, втораго игнорируетъ.

Еще довѣрчивѣе къ людямъ и всему окружающему относится здѣшній маленькій заяцъ, который живетъ у самыхъ фанзъ по полямъ мѣстныхъ обывателей. Непроходимыхъ чащъ кустарниковъ онъ не требуетъ. Только женскія особи, въ извѣстный періодъ, скрываются въ болѣе густые кустики. Въ послѣдней трети марта были изловлены молодые зайчата; эти звѣрьки величиною съ котенка выглядѣли весьма забавными.

Скученнѣе другихъ распространенъ, неизвѣстный для меня, грызунъ. Его мѣстожительство—солеповато-глинистыя бугорчатыя площади, залегающія какъ въ самомъ оазисѣ, такъ еще больше на сѣверъ отъ послѣдняго. По сторонамъ пологихъ скатовъ, когда они не бываютъ прикрыты колючкой, или тамарискомъ, нестрятъ жилища этихъ звѣрьковъ; вблизи порокъ набросана рыхлая почва.

Звѣрекъ по голосу и привычкамъ много напоминаетъ собою сурка. Впрочемъ, голосъ, соотвѣтственно величинѣ грызуна, много уступаетъ первому по тонкости писка; всего ближе подходитъ онъ къ голосу, издаваемому вьюрками.

Звѣрекъ подолгу сидитъ неподвижно, повидимому, напряженно слѣдя по сторонамъ. Замѣтивъ опасность, тотчасъ поднимается на заднія лапки (всегда у своей норки) и издастъ тонкіе звуки, какъ бы предупреждая товарищей, затѣмъ быстро прячется, но, не будучи сильно испуганъ, скоро возвращается, осторожно высовывая мордочку. Въ противномъ случаѣ, какъ, наприм., послѣ выстрѣла, подолгу не выходитъ.

Кажется, описываемый грызунъ не знаетъ зимней спячки; если же и предается ей, что сомнительно, то на весьма короткое время; вѣрнѣе же всего выходитъ и зимой въ теплую и ясную погоду. Бурановъ и вѣтровъ, вообще, не выноситъ; тогда онъ не показывается изъ своего подземнаго жилища.

Антилопа хара-сульта ведетъ себя значительно осторожнѣе; держится не такого близкаго сосѣдства человѣка, какъ другіе звѣри. Впрочемъ, порою, небольшія стада (5 — 7 штукъ) забѣгаютъ изъ сосѣдней пустыни на окраины оазиса, гдѣ напослтъ вредъ засѣяннымъ полямъ.

Списокъ птицъ также не великъ; всего было наблюдаемо нами около 25 видовъ: хищныхъ—7 видовъ; воробьиныхъ—14; голубиныхъ—1, и куриныхъ—2.

Болѣе подробнаго описанія заслуживаетъ одинъ представитель изъ куриныхъ, а именно фазанъ са-чжеускій, впервые найденный Н. М. Пржевальскимъ въ его третье путешествіе по центральной Азіи.

Этотъ видъ въ оазисѣ Са-чжеу держится по полямъ, вблизи жилищъ китайцевъ. Нерѣдко залетаетъ на кровлю фанзъ, смѣло роется въ соломѣ, какъ домашняя курица. Фазана легко приручить; въ таковомъ состояніи выводокъ живетъ вблизи извѣстной фанзы. За приученными птицами китайцы присматриваютъ, порою бросаютъ кормъ. Осенью, когда выпадетъ снѣгъ, любители-китайцы ставятъ пленки (силки).

Перемѣщается полетомъ эта сильная птица только въ крайнемъ случаѣ; въ большинствѣ же бѣжитъ; внѣ опасности важно расхаживаетъ. Интересно наблюсти, какъ скрываются птицы въ низкой заросли кустарниковъ, въ особенности самки. Послѣднія вплотную прилегаютъ къ землѣ и становятся совершенно незамѣтными среди такой же, какъ и сами, сѣроватой поверхности. Тѣ же птицы не менѣе умѣло укрываются за земляную кочку, дерево и проч.; на открытомъ мѣстѣ бѣгутъ, строго слѣдя за охотникомъ. Хвостъ держится высоко на отлетѣ. Фазанъ всегда выглядитъ чистымъ, опрятнымъ. На солнцѣ красивыя перья отливаютъ всевозможными цвѣтами. Ночевки проводятъ фазаны въ зарослях тамариска и камыша. Чаще по бугрямъ, одѣтымъ этими растеніями.

Весеннее токованіе ихъ начинается съ конца марта и длится продолжительное время. Въ этотъ періодъ самцы громко кричатъ, причемъ крикъ сопровождается особеннымъ вздрагиваніемъ крыльевъ, производящимъ глухой шумъ, довольно, впрочемъ, тихій, тогда какъ самый крикъ въ хорошую погоду слышенъ на разстояніе версты. Токуетъ са-чжеускій фазанъ обыкновенно около одного и того же мѣста, или въ кустахъ на землѣ, или взбирается на какой нибудь возвышенный предметъ, но только не на дерево. Подавъ голосъ, фазанъ молчитъ болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по степени своего возбужденія и времени дня. Всего усерднѣе токованіе производится на утренней и вечерней зарѣ, хотя весною этотъ призывной крикъ можно слышать и въ другое время. Встрѣтившись во время токованья, самцы сильно дерутся между собою, подобно нашимъ пѣтухамъ; побѣдитель преслѣдуетъ побѣжденнаго, пока тотъ не уберется во-свояси. Самки обыкновенно находятся вблизи тока и не подаютъ никакого голоса, но иногда втихомолку являются къ самцу, который въ остальное время дня часто ходитъ съ подругами. На току фазанъ остороженъ; въ другое время болѣе довѣрчивъ.

По берегамъ рѣкъ вмѣстѣ съ культурою фазанъ поднимается до 7,000 фут. абс. выс.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о коренномъ пѣвцѣ мѣстнаго оазиса—хохлатомъ жаворонкѣ, который со своимъ маленькимъ собратомъ—единственныя птички, привѣтствующія своими звуками возвращеніе радостнаго времени—весны.

Хохлатый жаворонокъ принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ видамъ центральной Азіи и держится близкаго сосѣдства съ человѣкомъ. Рѣже углубляется по долинамъ рѣкъ; во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить въ оазисѣ, какъ описываемый видъ вблизи фанзъ копается въ мусорныхъ кучахъ, совмѣстно съ полевыми воробьями. Ранней весною самцы усердно поютъ, довольно высоко поднимаясь въ воздухѣ. Въ выси хохлатые жаворонки парятъ на одномъ мѣстѣ. Затѣмъ, или медленно опускаются книзу, или еще уходятъ въ высь и съ едва замѣтнаго простымъ глазомъ разстоянія, быстро, дугою спускаются на землю. Въ другое время жаворонки мало подвижны.

Весенній пролетъ птицъ въ оазисѣ Са-чжеу бѣденъ. Берега рѣки Дапъ-хэ мало оживились пернатыми странниками; они ихъ избѣгали и съ большей охотой останавливались въ долинѣ р. Сулей-хэ, по которой во многихъ мѣстахъ разсыпаны озерки.

Первымъ вѣстникомъ прилета былъ турпанъ, появившійся 4-го февраля. Черезъ два дня этого вида здѣсь было достаточно; съ громкимъ крикомъ летали красивыя птицы вверхъ и внизъ по теченію рѣки. Тогда же, 6-го февраля, прибыли въ небольшихъ стайкахъ утки шилохвосты. 7-го числа показались сѣрые гуси; 8-го большія стаи того же вида неслись надъ замерзшей рѣкой, тревожно отыскивая талую воду; 9-го прибыли чирки и бѣлыя цапли, послѣднія остановились на берегахъ р. Дапъ-хэ. Ежедневно съ прилета можно было видѣть этихъ бѣлыхъ красавицъ въ разныхъ

мѣстахъ рѣки. Какъ мраморныя статуи виднѣются онѣ на далекое разстояніе, вдоль береговъ рѣки. 10-го февраля одновременно показались утки кряквы, пырки—бѣлоглазые и утки—чиранки. 1-го сѣрые журавли, вначалѣ только одной стайкой, затѣмъ стали прибывать съ каждымъ днемъ все больше и больше. 16-го на смѣну отлетнымъ стаямъ появились съ юга не менѣе многочисленныя стада грачей и галокъ. Раннимъ вечеромъ, до заката солнца, эти птицы, высоко поднявшись надъ оазисомъ, неслись къ горамъ. На южной окраинѣ оазиса по высокимъ деревьямъ птицы устраивали почевки.

Съ 18-го февраля наступилъ періодъ сѣверо-восточныхъ *бурановъ, продолжавшійся до конца мѣсяца. Порою* онъ внезапно прекращался—наступало временное затишье, а затѣмъ съ прежней напряженностью дулъ съ противоположной юго-западной стороны. Снѣжный буранъ значительно понижалъ температуру, а вмѣстѣ съ этимъ задерживалъ пробужденіе природы. Жаль было теперь прилетныхъ странниковъ. Въ ихъ тревожныхъ голосахъ, раздававшихся днемъ и ночью, слышались жалобы на тотъ суровый привѣтъ, какимъ встрѣтила ихъ здѣшняя природа. Не найдя себѣ пріюта, нѣкоторыя стада прилетныхъ перватыхъ, продолжали летѣть на востокъ, или на западъ, по направленію къ оз. Лобъ-нору. Новые же гости изъ Индіи не появлялись. Словомъ, за послѣднее время, мѣстность снова возвратилась къ своему прежнему состоянію: тишинѣ и полной безжизненности. Недавній проблескъ тепла и жизни показался точно сномъ.

Съ началомъ марта установилась настоящая весенняя погода. Раннимъ утромъ 1-го числа закружился надъ нашимъ бивакомъ коршунъ черноухій. Съ этого же дня особенно усердно летѣли журавли. Въ ясные дни, около 10 часовъ утра, эти большія птицы описывали широкіе круги въ голубой высп. Въ стаяхъ насчитывалось отъ 20 до 50 особей.

Валовой пролетъ перватыхъ наступилъ собственно съ 1-го марта и прошелъ чрезъ всю первую половину этого мѣсяца. Интересно теперь было на болотистыхъ озеркахъ, лежащихъ на западъ и востокъ отъ оазиса Са-чжеу. Всѣ они биткомъ были набиты птицей, и сосѣдняя окрестность стала неузнаваемой; въ воздухѣ мелькали и высоко, и низко утки, гуси, чайки, бакланы, черные аисты и мног. друг. Весь этотъ птичій міръ разносилъ свое восторженное весеннее пѣніе далеко по сторонамъ. Эти звуки долетали и до безпробудной пустыни...

Въ первой трети описываемаго мѣсяца были почти одновременно замѣчены: индійскіе или горные гуси, утки-пѣганки и соксунъ. Аисты черные, которые, подобно сѣрымъ журавлямъ, носились къ лазури неба, прежде чѣмъ пуститься на далекій сѣверъ. Числомъ же особей они составляли полный контрастъ первымъ. Сѣрый журавль былъ одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ представителей пролетныхъ перватыхъ, тогда какъ аистъ черный принадлежалъ къ разряду случайныхъ странниковъ, имѣвшихъ, по всей вѣроятности, другой путь перелета. Затѣмъ мы еще встрѣчали кулика краснаножку, или улита настоящаго, выпь, утку-полуху, баклана большаго, цаплю сѣрую и утку-свищь. Случайная одиночка лебедя можетъ закончить списокъ прилета первой трети мѣсяца.

11-го марта въ тихій солнечный день по песчанымъ буграмъ грачи ловили майскихъ жуковъ. Странное явленіе: полетъ означенныхъ насѣкомыхъ происходилъ днемъ въ гораздо большей степени, нежели вечеромъ, когда, порою, можно было не наблюсти даже единичнаго случая. 12-го по кустарной зарослн оросительной канавы показался чеккапъ, а черезъ два дня, 15-го, уже прилетѣлъ съ пріятной пѣснью другой его собратъ, чеккапъ соловый (1). 16-го нашъ слухъ воспринималъ не менѣе пріятное пѣніе скворца. 18-го волнистымъ полетомъ мелькнула впизъ по рѣкѣ бѣлая плисица. Въ этотъ же день можно было видѣть по многимъ мѣстамъ оазиса, покрытымъ густой зарослью, или на отдѣльныхъ деревьяхъ пвы, сорокопутовъ. Эта живая, веселая птичка была особенно подвижна и пѣвуча. Усѣвшись на вершину дерева, она звонко и пріятно лила свои весенніе звуки далеко по сторонамъ. Часто, не докончивъ пѣсни, она быстро бросалась внизъ, затѣмъ, *также проворно* паря въ воздухѣ, усаживалась на прежнее мѣсто. Затѣмъ пѣснь возобновлялась; въ ея послѣдующихъ переливахъ улавливалось подражаніе славкѣ пересмѣшкѣ.

Послѣдняя треть марта также была не отрадна. 20-го выпалъ глубокій снѣгъ, какъ результатъ сѣв.-восточнаго бурана, продолжавшагося нѣсколько дней кряду. Проблески весны были парализованы снова. Сѣрые журавли исчезли къ сѣверу; другіе перватые частью не отстали отъ нихъ, частью попрятались въ сосѣднихъ уголкахъ. Какъ здѣсь очевидна «борьба за существованіе». И какою дорогою цѣною пріобрѣтается право на «блага природы». По истинѣ жаль смотрѣть на перватое царство, тѣмъ болѣе, когда вспоминаешь весну благодатныхъ странъ. Здѣсь же рѣзкіе переходы климатическихъ явленій губительно отражаются на природѣ.

Свѣтлыми минутами приходилось особенно дорожить, чтобы хотя немного услѣдить за прилетными птицами. 26-го маленькой стайкой поселился на берегу Дапъ-хэ кроншнепъ; по близости съ нимъ держались уже обособленныя парочки красавицъ пѣганокъ. 29-го начали свой прилетъ желтыя плисицы. Кромѣ того, вновь замѣчены зуйки; въ такомъ же небольшомъ количествѣ наблюдались улиты большія. Одиночными экземплярами сновали надъ озерками чайки: рыболовъ и обыкновенная. 31-го, быть можетъ и раньше, высоко парилъ подорликъ.

Изъ апрѣля мѣсяца мнѣ пришлось провести въ оазисѣ Са-чжеу начало первой и конецъ послѣдней его трети; остальные двадцать дней (съ 3-го по 22-е) я былъ въ разъѣздѣ. Маршрутъ послѣдняго обнималъ долину рѣки Сулэй-хэ выше ея прорыва въ передовой грядѣ Пап-шанъ; я посѣтилъ эту горную окраину до меридіана оазиса Са-чжеу. Не смотря на мое отсутствіе съ береговъ Дапъ-хэ, тамъ продолжались наблюденія надъ пролетомъ птицъ.

Къ началу описываемаго мѣсяца плавающія птицы уже всѣ отлетѣли на далекій сѣверъ; остались немногія особи, которымъ и здѣсь, въ долинѣ Сулэй-хэ, будетъ удобно провести брачное время. Наступилъ періодъ появленія запоздалыхъ голенастыхъ и воробьиныхъ.

4-го апрѣля прилетѣла вѣстница тепла ласточка деревенская, но ея пріятную пѣснь мы услышали только 23-го (2). Черезъ день, 6-го, по долинѣ рѣки Сулэй-хэ быстро пронеслась пара стрижей. Одновременно съ этимъ на болотахъ Са-

---

(1) Вечеромъ того же числа послышалось впервые монотонное квакапіе лягушекъ. 17-го на окраинѣ оазиса въ пескѣ проворно бѣгали ящерицы, гдѣ термометръ С. показалъ +53,5°. На слѣдующій день замѣчена первая бабочка, скрывавшаяся отъ вѣтра по зарослямъ тамариска.

(2) 5, 6 и 7-го апрѣля въ воздухѣ кружились летучія мыши.

чжеу встрѣченъ ходулочникъ и сукалень черпохвостый. 7-го дважды замѣченъ одиночками удодъ пустошка; по кустамъ бѣлолозника слышалась пѣсня славки пустынной, другой видъ ея—славка полевая безмолвно сидѣла въ кустахъ джиды. Вечеромъ того же числа разносилось дребезжащее токованіе бекаса-барашка; тамъ же на болотѣ была вспугнута парочка улитовъ-травниковъ. 11-го при слѣдованіи черезъ горную окраину Нанъ-шаня, въ ущельѣ южнаго склона летали ласточки горныя. 16-го неизвѣстный для меня видъ большой щеврицы найденъ на родникахъ долины Шибочинъ въ Нанъ-шанѣ. 18-го нѣсколько ниже, по той же рѣкѣ, на возвышеніи берега встрѣчена была рѣчная скопа. Въ этотъ день, по наблюденіямъ въ оазисѣ Са-чжеу, въ первый разъ была услышана кукушка ([3]), а 25-го береговикъ сѣрый.

Теперь предстояли на очереди разъѣзды. Въ первый изъ нихъ уѣхалъ В. И. Роборовскій, отсутствовавшій послѣднія двѣ трети марта. Общая програма его дѣятельности заключалась въ обозрѣніи горной системы Нанъ-шань на западъ отъ меридіана Са-чжеу.

Въ его отъѣздъ мнѣ пришлось познакомиться съ извѣстнымъ многимъ изъ нашихъ русскихъ путешественниковъ, бельгійцемъ, состоящимъ на китайской службѣ, г-мъ П. Сплингардъ. Онъ направлялся изъ Су-чжеу, своего мѣста служенія, въ командировку въ Южную Кашгарію, для осмотра золотыхъ пріисковъ. Его бивакъ простоялъ подлѣ нашего около 10 дней. Ежедневно, въ особенности по вечерамъ, мы посѣщали другъ друга.

Вскорѣ, 31-го марта, вернулся изъ своей рекогносцировки В. И. Роборовскій, вслѣдствіе чего я выступилъ 3-го апрѣля. Около двухъ мѣсяцевъ пришлось посидѣть въ оазисѣ Са-чжеу на р. Данъ-хэ. Съ чувствомъ восторга я пустился въ путь. Моимъ товарищемъ, на этотъ разъ, былъ урядникъ Жаркой. Персоналъ разъѣзда состоялъ лишь изъ проводника тангута, а караванъ изъ двухъ вьючныхъ верблюдовъ и трехъ верховыхъ лошадей. Задача рекогносцировки заключалась въ обозрѣніи долины р. Сулэй-хэ отъ меридіана Са-чжеу до выхода ея изъ горъ и въ обслѣдованіи передовой ограды Нанъ-шань.

Первоначальный мой путь пролегалъ среди арыковъ и фермъ китайцевъ. Поля здѣшнихъ обывателей мѣстами ярко зеленѣли, мѣстами же еще засѣивались или обрабатывались примитивными орудіями. По солончаковой мѣстности пасся исхудалый скотъ тѣхъ же китайцевъ. Молодая растительность туго подавалась изъ земли. Только стройные, высокіе тополя и развѣсистыя ивы, питаемыя подземными водными жилами, начали замѣтно зеленѣть. Въ ихъ густыхъ вѣтвяхъ темнѣютъ еще издали, словно точки, гнѣзда крикливыхъ грачей. Въ первый день мы достигли окраины оазиса, гдѣ и устроили свою почевку.

За оазисомъ тотчасъ же разстилалась солончаковая полоса со значительнымъ паденіемъ къ сѣверу. Вначалѣ она представляла печальную, обнаженную поверхность, затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ р. Сулэй-хэ, оживлялась растительностью. Вмѣстѣ съ нею показались и стройныя антилопы, робко промчавшіяся вблизи нашего каравана. Къ сѣверу, на горизонтѣ тянулась съ запада на востокъ высокая стѣнка прошлогоднихъ камышей. Надъ ихъ верхушками, указывая теченіе рѣки, изрѣдка пролетали чайки и сѣрыя цапли.

([3]) 20 на берегу р. Данъ-хэ появились орланы.

Рѣка Сулэй-хэ отъ меридіана Са-чжеу до г. Юй-мынь-сянь, на протяженіи 200 верстъ, имѣетъ направленіе съ востока на западъ съ незначительными уклоненіями. На всемъ означенномъ протяженіи она несетъ довольно однообразный характеръ. Сулэй-хэ катитъ свои мутныя воды въ ложбинѣ, имѣющей поперечное сѣченіе около ста и болѣе саженъ. Ширина же собственно рѣки рѣдко превышаетъ 15—20 саженъ, хотя плёсъ ея мѣстами расширяется вдвое. Рѣка течетъ то однимъ русломъ, то дробится на нѣсколько рукавовъ. Ложе чрезвычайно извилистое. Глубина, какъ и количество воды, сильно колеблются, главнымъ образомъ, изъ-за отводныхъ арыковъ по лѣвому берегу, которые орошаютъ поля китайцевъ отъ г. Юй-мынь-сяня до г. Ань-си. Песчано-глинистые, легко размываемые берега—частью низменные (3—5 футовъ), частью возвышенные (2—3 сажени). Въ общемъ высота ихъ увеличивается вверхъ по теченію. Паденіе рѣки значительное, а вслѣдствіе этого и теченіе довольно быстрое.

Прибрежная растительная полоса узка и небогата видами. Обильнѣе всего поросъ камышъ. Тогракъ рѣдокъ и стоитъ молодыми порослями; тамариск также. Причиной тому служитъ истребленіе древесной и кустарной растительности на топливо. На болѣе высокихъ берегахъ рѣка бѣднѣе растительностью. Солено-пыльная поверхность почвы вязка. Стоитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ сторону отъ рѣки, вступить въ ея долину, чтобы быть покрытымъ слоемъ грязи. Соленая пыль проникаетъ въ глаза и производитъ нестерпимую боль.

Животная жизнь долины р. Сулэй-хэ немногимъ богаче, чѣмъ на окраинахъ Са-чжеускаго оазиса. Въ общемъ грустны берега этой рѣки: только изрѣдка просвиститъ кроншнепъ, мелькнетъ пара турпановъ, или тихо подымутся въ камышахъ утки-кряквы. Вдали отъ береговъ только жаворонокъ старается оживить дремоту и нарушить царившее безмолвіе.

Вскорѣ по вступленіи въ долину мы встрѣтили пастуховъ-китайцевъ, живущихъ въ войлочныхъ юртахъ. Ихъ стоянка была устроена на берегу канавы, которая здѣсь играетъ ту же роль, что и на Таримѣ: орошаетъ пастбище и даетъ водопой. Длина этой оросительной канавы простирается до 10 верстъ, составляя съ главнымъ русломъ рѣки небольшой уголъ. Многочисленныя стада барановъ паслись по близости. Здѣшніе китайцы принадлежали оазису Са-чжеу. По мѣрѣ же нашего удаленія къ востоку, вверхъ по теченію рѣки, живутъ Ань-сійцы, построившіе себѣ камышевые шалаши. Кромѣ барановъ паслись верблюды, лошади и ослы.

Долина р. Сулэй-хэ граничитъ съ сѣвера и юга съ камышистой пустыней. Нашъ путь слѣдованія приходился правымъ берегомъ. На всемъ пути до Ань-си мы людей по дорогѣ не встрѣтали. Изъ животнаго же царства характерными представителями пустыни были хуланъ и сойка.

Близъ города Ань-си, котораго мы достигли на четвертый день движенія, мы разбили свой бивакъ на окраинѣ оазиса, переправившись въ бродъ на лѣвый берегъ рѣки ([1]). Вблизи нашей стоянки отлично виднѣлся хамійскій путь, унизанный, словно цѣпью, линіей телеграфныхъ столбовъ. По мѣрѣ же удаленія къ сѣверо-западу его скрывала, подобно туману, дымка пыльной атмосферы. Въ абсолютной пустынѣ эти,

([1]) Желательно было пройти до Юй-мынь-сяня правымъ берегомъ Сулэй-хэ; невозможность же переправиться черезъ рѣку въ означенномъ мѣстѣ послужила поводомъ къ слѣдованію лѣвымъ.

повидимому, мертвые знаки кажутся чѣмъ-то страннымъ, оригинальнымъ.

Раннимъ утромъ, 2-го апрѣля, мы двигались подъ стѣнами крѣпости, слѣдуя вдоль сѣвернаго и восточнаго ея фасовъ, протяженіе которыхъ менѣе версты. Высота стѣны простиралась до 5 саженъ; основаніе и капитальная часть ея глинобитныя; зубчатый карнизъ кирпичный. Фланкирующіе башни и стѣны во многихъ мѣстахъ разрушены; какъ видно не ремонтируются. Съ восточной стороны крѣпость присыпана пескомъ настолько, что по откосу песчаной поверхности легко взобраться на ея стѣну (1).

Внѣ-городское населеніе или собственно оазисъ примыкаетъ къ крѣпости съ юга и юго-запада. Съ прочихъ сторонъ находится только какой-нибудь десятокъ фермъ, разбросанныхъ по оросительнымъ канавамъ. Всходы, на прекрасно воздѣланныхъ поляхъ, отливали мягкой, пышной зеленью. Подобное явленіе особенно отрадно для глаза путешественника послѣ печальной сѣро-желтой пустыни.

Къ востоку отъ Ань-сійской крѣпости орошенная пустыня покрыта прекраснымъ кормомъ. Здѣсь паслись верблюды, лошади и другой скотъ мѣстныхъ обывателей. Между домашними животными тамъ и сямъ виднѣлись одиночки и небольшія стайки антилопы хара-сульты. Удивительно, какъ довѣрчивы были здѣсь эти звѣри.

Дальнѣйшее движеніе шло частью по рѣкѣ, частью по большой дорогѣ. На пути мы пересѣкли богатую водную вѣтвь, которая, дробясь на мелкія части, доставляетъ орошеніе Ань-сійскому оазису. Здѣсь уже появился дыркунъ, а изъ птицъ же давно не наблюдаемая сорока. Высоко и плавно кружилъ въ небѣ гриф-монахъ, залетающій въ равнину изъ сосѣднихъ южныхъ горъ. Неясныя очертанія послѣднихъ, порою, открывались. На сѣверѣ виднѣлся силуэтъ невысокихъ горокъ.

На слѣдующій день мы проходили самымъ живописнымъ мѣстомъ равниннаго теченія р. Сулэй-хэ, тамъ, гдѣ она прорываетъ сѣверо-восточную оконечность незначительнаго хребта *Шишаку-сань* (2). Поднявшись на вершину одного изъ отроговъ, увѣнчаннаго глиняннымъ монументомъ, и обратившись на востокъ, я былъ очарованъ картиной, которая предстала взору. Вблизи рѣка, прихотливо извиваясь, стремительно несется въ высокихъ берегахъ. Своей крутой излучиной она точно опоясываетъ отливающій на солнцѣ зеленѣющій оазисъ Шонтаръ-пу. Высокіе стройные тополя, серебристая лента рѣки, граничащая съ каменистой пустыней, дополняли картину.

Оазисъ Шонтаръ-пу разбитъ на ключевой водѣ, бѣгущей порядочнымъ ручьемъ съ юга, у восточной оконечности хребта Шишаку-сань. Въ 15-ти верстахъ, вверхъ по его теченію, имѣется также небольшое китайское селеньице.

Отсюда мѣстность получила иной характеръ. Дорога пролегала по ключевымъ источникамъ, которые или скрывались въ глубокихъ балкахъ, или широко разливались по открытой поверхности. Въ томъ и другомъ случаѣ живительная влага была обрамлена густою растительностью. Излишекъ воды направлялся къ р. Сулэй-хэ въ видѣ стремительно падающихъ ручьевъ. Часто на нихъ стояли поселенія. Эта живая лента тянулась съ небольшими промежутками отъ Ань-си до Юй-мынь-сяня. Рѣка, по временамъ, была видна; ея правый берегъ сопровождался холмами.

Съ появленіемъ ключевыхъ болотъ, мы услышали звонкіе весенніе голоса голенастыхъ пернатыхъ. Особенную нашу симпатію они заслуживали на утренней и вечерней зарѣ. Въ это время, обыкновенно, въ воздухѣ было тихо и прохладно. Китайскій людъ въ это время бездѣйствовалъ, а царство пернатыхъ оживало и потрясало воздухъ своими ликующими звуками. Бекасъ-барашекъ рѣзвился въ высотѣ, въ чащѣ камыша раздавалось гуканье выпи. Рядомъ съ ними, на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, токовали по своему са-чжеускіе фазаны. Всѣ радовались, всѣ веселились, будучи оживлены одобряющимъ воздухомъ весны.

Попутные оазисы выглядѣли по прежнему. Абрикосы въ садахъ цвѣли, или вѣрнѣе отцвѣтали. На поляхъ виднѣлась работа. Травянистая зелень все еще боязливо пробивалась изъ земли. Съ селенія *Сондо*, орошаемомъ рукавомъ р. Сулэй-хэ, мы покинули растительную полосу и вступили въ каменистую пустыню. Она залегала къ югу отъ горъ и рѣзко граничила съ воздѣланной землей. Въ этотъ переходъ мы встрѣтили большой караванъ юлдусскихъ или карашарскихъ монголовъ. Они возвращались изъ кумирни Чейбсенъ, куда сопровождали гыгена (ламу), покинувшаго Бол. Юлдусъ. На всемъ же пути отъ Ань-си до Юй-мынь-сяня ежедневно попадали навстрѣчу большія и малыя партіи китайцевъ, шедшихъ съ ношами на коромыслахъ, или просто на палкахъ. По словамъ нашего проводника, это люди направлялись для заработковъ въ ближайшіе гг. Ань-си, Хами и Са-чжеу. Въ виду безпрерывно тянувшагося на сѣверъ оазиса мы достигли г. Юй-мынь-сянь, сдѣлавъ въ этотъ день 43 версты. У западной окраины оазиса, гдѣ встрѣтили военный транспортъ, мы повернули на югъ и, въ виду городской крѣпости, остановились ночевать.

Какъ вечеромъ, такъ и раннимъ утромъ неслись изъ города звонъ бубновъ, завываніе трубъ и бой барабановъ. Покинувъ оазисъ и держа путь на югъ-юго-западъ, на встрѣчу теченія рѣки, разбитой на оросительныя каналы, достигли мы урочища *Тапа* (1). Означенное урочище интересно тѣмъ, что здѣсь р. Сулэй-хэ, по выходѣ изъ тѣснаго коридора передовой ограды, вскорѣ дѣлится на двѣ части. Одна изъ нихъ, уклоняясь на востокъ-сѣверо-востокъ, орошаетъ Юй-мынь-сянь; вторая, придерживаясь первоначальнаго направленія, течетъ въ Сондо. На развилкѣ рѣки, въ Тапѣ, живетъ лѣтомъ партія китайскихъ рабочихъ изъ оазиса Юнь-мынь-сяня, численностью отъ 40 до 50 человѣкъ. Они должны наблюдать, чтобы большее количество воды текло въ русло, направляющееся въ этотъ оазисъ. Черезъ оба рукава рѣки мы переправились благополучно. Воды неслось много въ томъ и другомъ. Кофейный цвѣтъ потоковъ, которые катились съ особенною быстротой, высоко вздымая свои грязныя волны, не особенно красивъ. Дробленіе каждаго ложа на второстепенныя вѣтви дастъ возможность переправиться безъ особеннаго труда.

Въ прорванномъ ущельѣ передовой ограды пройти невозможно, такъ, по крайней мѣрѣ, намъ сообщили китайцы. На западъ же и востокъ, отъ р. Сулэй-хэ, чрезъ ту же передовую ограду Нанъ-шанъ имѣются отличные колесные пути.

(1) Значащійся на нашей сто-верстной картѣ Нань-ганлу.

(2) Южнѣе описанной крѣпости виднѣлись развалины болѣе древней.

(1) Въ этомъ урочищѣ въ высокихъ конгломератовыхъ обрывахъ сохранились молитвенныя пещеры.

Оба ведутъ въ междугорную долину, гдѣ расположено китайское селеніе *Чанъ-ма*, куда мы и направились западнымъ проходомъ. По сухимъ логамъ, сбѣгавшимъ отъ горъ, ютилась растительность, свойственная сѣверному Нанъ-шаню. Изъ цвѣтущихъ растеній замѣтнѣе и привлекательнѣе другихъ выдѣлялся колючій кустарникъ со своими яркими свѣтлорозовыми цвѣтами, сплошь напизанными на вѣтви. Здѣсь же мы встрѣтили массу ящерицъ.

Слѣдуя по покатой отъ горъ полосѣ на юго-западъ-югъ и юго-востокъ, и такимъ образомъ, переваливъ колеснымъ путемъ передовую горную ограду, черезъ 28 верстъ, мы достигли памѣченаго селенія *Чанъ-ма*. Означенное селеніе, состоящее изъ 400 домовъ, лежитъ на высотѣ 6,500 ф. Оно расположено и на главной вѣтви Сулэй-хэ при слiяніи съ лѣвымъ притокомъ Шиху, берущимъ, начало изъ родниковъ въ 20 верстахъ къ западу. Вѣчный снѣгъ вершинъ блеститъ на солнцѣ восхитительно. Отъ этой высокой скалистой ограды сбѣгаютъ мягкіе, покатые увалы. Общее направленіе снѣговаго хребта, на мѣстѣ прослѣженномъ нами тянется съ сѣверо-запада на юго-востокъ: Между передовой оградой и снѣговымъ хребтомъ лежатъ еще отдѣльныя групы горъ, сдавливающія теченіе р. Сулэй-хэ. Во всякомъ случаѣ въ сел. Чанъ-ма долина имѣетъ до 10 верстъ ширины.

Оставляя дальнѣйшее изслѣдованіе р. Сулэй-хэ до болѣе благопріятнаго времени (лѣтомъ изъ Куку-усу), я направился вверхъ по теченію ключеваго источника Шиху. Вода по его каменистому ложу неслась прозрачнымъ потокомъ. Берега съ солончаковой почвой были обрамлены ивой, колючкой и харлыкомъ и густо поросли дырисуномъ или чіемъ. По лѣвому и отчасти правому берегамъ виднѣлись фермы китайцевъ. Поля были оживлены народомъ; ранніе всходы только что еще пробивались. Вмѣстѣ съ культурою здѣсь появился фазанъ усердно токующій по утрамъ. Изъ птицъ были замѣчены еще коршунъ черноухій, бульдуруки, сорокопутъ, чеккапъ черногорлый, два вида плисицъ и осторожные выюрки.

Незамѣтно въ наблюденіяхъ мы очутились у головы ключеваго источника Шиху. Абсолютная высота этого мѣста, по анероиду, оказалась около 7,000 ф. Здѣсь мы учинили привалъ. На востокъ-сѣверо-востокъ течетъ здѣсь ключевая вода, питающая частью селеніе Чанъ-ма. Эту сторону ограничиваютъ горы. На юго-востокѣ между первой вѣтвью и отдѣльной групой виднѣлась пеширокая долина. По ней быстро струила свои воды р. Сулэй-хэ, разсѣкая на пути отдѣльную групу, которая на западѣ вскорѣ пропадаетъ. Отъ главнаго хребта сбѣгаютъ въ Шиху много сухихъ руслъ.

Постоявъ 1½ часа на ключахъ Шиху и запасшись водою мы направились, держа прежній курсъ на юго-западъ. По довольно наѣзженной дорогѣ изрѣдка стояли «обо». На нашъ путь, точно нити, сходили тропинки китайцевъ изъ ущелій снѣговаго хребта. По словамъ проводника, тамъ пасутся ихъ скотъ: верблюды, лошади, коровы и бараны. Въ урочищѣ *Инсань-цзуй* (1) долина съуживается съ одной стороны изломомъ передовой ограды, съ другой добѣжавшими отрогами главнаго хребта. Мѣстность повысилась до 9,000 футовъ и была обильно покрыта полынью. Вблизи урочища промелькнули два стада антилопъ. Осенью здѣсь живутъ монголы со своими стадами.

Ночью подулъ сильный юго-западный вѣтеръ и воздухъ наполнился облаками пыли. Горизонтъ сократился значительно. Вскорѣ послѣ выступленія, не мѣняя курса, мы достигли предгорій сѣверныхъ отроговъ той группы, которая непосредственно примыкаетъ къ снѣговому хребту. На сѣверѣ изрѣдка рисовались контуры горъ, которыя замыкали покатую туда же долину. Вершины отроговъ, ихъ скаты, волнистые увалы, сбѣгавшіе внизъ, и вся вообще долина замѣчательно богата кормомъ. Съ горъ довольно часто сбѣгаютъ значительные ручьи и рѣчки. Они текутъ въ глубокихъ балкахъ, имѣющихъ по сторонамъ отвѣсныя конгломератовыя щеки. Въ большихъ, изрѣдка въ малыхъ балкахъ, по дну лежалъ сплошной покровъ льда, достигавшій 1—2 футовъ толщиною. При устьяхъ ущелій густо росла Potentilla. Слѣды пребыванія монголовъ, ихъ кочевій, особенно замѣтны по рѣкѣ Купаголъ. Позднее развитіе растительности въ поясѣ до 10,000 футовъ абсолютной высоты, гдѣ мы теперь слѣдовали, заставляетъ тѣхъ же номадовъ держаться внизу. Въ этотъ день мы достигли урочища Хати-харъ. Отсюда ведетъ въ Шароголджинъ глубокое ущелье, по направленію къ юго-востоку.

Слѣдующимъ небольшимъ переходомъ, держа направленіе почти на западъ, по мѣстности, носящей прежній характеръ, пришли на рѣку *Шибендунъ-голъ*. Наша стоянка была въ близкомъ сосѣдствѣ лѣтнихъ кочевій монголовъ. Ихъ скотъ, лошади и коровы, паслись по близости, повидимому, безъ присмотра. Снѣговой хребетъ былъ открытъ; его цѣпь приходилась къ югу отъ насъ въ 15—20 верстахъ.

Рѣка Шибендунъ-голъ питается тающими снѣгами сосѣдняго хребта. Она течетъ на сѣверъ-сѣверо-востокъ по широкому каменистому руслу. На немъ лежалъ ледяной покровъ. Паденіе этой рѣчки, какъ и всѣхъ сосѣднихъ, очень большое. По утрамъ Шибендунъ-голъ катилъ прозрачныя воды, тогда какъ днемъ дымчатыя.

Прежде чѣмъ разстаться съ сосѣдними горами, укажемъ на ихъ фауну, хотя списокъ ея будетъ самый поверхностный. Изъ звѣрей въ этихъ мѣстахъ обитаютъ: дикій якъ, медвѣдь пищухоѣдъ, аргали, маралъ бѣломордый, кукуяманъ, рѣже—барсъ и рысь. Въ болѣе низкомъ поясѣ—хуланы и уже нѣсколько разъ указанная антилопа; кромѣ того волкъ, лисица, заяцъ и пищуха. Сурки еще не пробудились отъ зимней спячки. Птицы: грифъ-монахъ, бородачъ-ягнятникъ, орелъ-беркутъ, соколъ пустельга, воронъ, клушица-красноносая, альпійская завирушка, горная и огнелобая чечетки и горихвостка. Оживленнѣе и звонче другихъ, по утрамъ, разносился свистъ улларовъ.

15-го апрѣля мы прибыли къ монголамъ, которыми были встрѣчены гостепріимно. Одинъ изъ охотниковъ взялся проводить насъ нѣсколько дней по той мѣстности, гдѣ не бывалъ нашъ проводникъ. Этому обстоятельству я былъ очень доволенъ и разбилъ потому свой бивакъ вблизи кочевья номадовъ. Послѣдніе оказались выходцами изъ Халхи; всѣхъ юртъ кочевниковъ было только 8. Платятъ подать они по прежнему начальству въ Халхѣ. Къ здѣшнимъ китайцамъ не имѣютъ никакихъ отношеній. Раіонъ кочевья опредѣляется—съ сѣвера передовой оградой, съ юга снѣговымъ хребтомъ, рѣкою Шибендунъ-голъ на западѣ и урочищемъ Инсань-цзуй на востокѣ. Занятіе скотоводство.

Покинувъ халхасцевъ, мы однимъ переходомъ достигли намѣченнаго ущелья передовой ограды, у южной оконечности которой сухое русло Шибендунъ-голъ впадаетъ въ порядочную

(1) Монголы называютъ иначе.

рѣчку *Шибочинъ*. Эта послѣдняя берстъ начало въ 20 верстахъ къ юго-востоку изъ ключей, подобно Шиху. Вода чистая, прѣсная; катится довольно быстро среди то высокихъ, то низкихъ береговъ. Въ лѣтнее время ее значительно обогощаютъ рр. Купца-голъ и Шибендунъ-голъ. По сторонамъ ключевой воды встрѣчается порядочная растительность. Лужайки вездѣ зеленѣли. На нихъ держалось много мелкихъ птичекъ. По утрамъ и вечерамъ токовалъ фазанъ.

Дальнѣйшее движеніе шло внизъ по ущелью. Главная вѣтвь передовой ограды не широка. Высота же отдѣльныхъ вершинъ гребня довольно значительная. Направленіе главной оси простирается съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Прорвавъ главную ограду, рѣка несется въ конгломератовыхъ обрывистыхъ берегахъ. Ширина ея каменистаго ложа не превышаетъ 3 — 5 саженъ. Количество воды не постоянно: колеблется въ зависимости отъ состоянія погоды. Полоса воды сопровождается узкой лентой растительности. По мѣрѣ удаленія къ сѣверу-сѣверо-западу берега сближались; каскады увеличивались. Наконецъ дорога вышла изъ балки и потянулась пустыней, прежде чѣмъ снова спуститься въ тоже глубоко-спрятанное ложе Шибочинъ, при кумирнѣ Вань-фуша. На дно балки тепло оказало должное вліяніе: кустарники значительно зазеленѣли; ильмъ пріятно шелестѣлъ своими листьями. Ласточки и стрижи высоко парили въ воздухѣ, а внизу летали бабочки.

Кумирня *Вань-фу-ша*, подобно Чэнъ-фу-дупу, представляетъ рядъ пещеръ въ конгломератовыхъ обрывахъ. Главный идолъ Майдари уступаетъ немногимъ по величинѣ чэнъ-фу-дунскому Да-фу-яну. Рядомъ съ главной пещерой сидящаго Майдари, устроена его пещера-спальня, гдѣ идолъ лежитъ на нѣкоторомъ возвышеніи отъ пола. Длина лежащаго Майдари простирается до 6 саженъ, тогда какъ сидящаго достигаетъ 10 саж. По сторонамъ отъ пещеръ главной святыни размѣщены другія пещеры, съ большимъ или меньшимъ количествомъ идоловъ. Нерѣдко стѣны пещеръ изукрашены рисунками, изображающими или горные ландшафты, или борьбу; чаще же красуются драконы во всевозможныхъ видахъ, и одиноко стоящіе идолы, лица которыхъ представляютъ самыя звѣрскія выраженія...

При видѣ всего этого получается странное, труднопередаваемое впечатлѣніе. Таинственный мракъ царствуетъ въ особенности въ большихъ пещерахъ; лица идоловъ выглядываютъ угрожающе изъ темноты, а вѣтеръ безъ устали звонитъ въ колокольчики, подвѣшенные на наружныхъ столбахъ. Сквозной вѣтеръ съ визгомъ облетаетъ отверстія пещеръ; въ тоже самое время внизу монотонно шумитъ рѣка.

Среди такой обстановки находится единственное живое существо—китаецъ хэшенъ. Наружное отличіе послѣдняго отъ монгольскихъ ламъ выражается въ одномъ лишь головномъ уборѣ. Незадолго до нашего прихода двое его юныхъ подвижниковъ сбѣжали. Дикая, гнетущая обстановка вмѣстѣ съ суровымъ обращеніемъ хэшена, заставила покинуть кумирню и, вѣроятно навсегда, подавила религіозныя стремленія въ этихъ молодыхъ послушникахъ.

Празднества въ кумирнѣ бываютъ дважды въ годъ: въ первомъ лѣтнемъ мѣсяцѣ 8-го числа, въ послѣднемъ — 6-го. Въ эти дни стекается сюда не мало богомольцевъ изъ окрестныхъ мѣстъ. Моленіе продолжается около недѣли. Хэшенъ читаетъ книгу «Дзовэнъ-кунъ-ко», по временамъ раздается звонъ чугунныхъ колоколовъ и бой барабановъ.

Вблизи отъ кумирни на сѣверо-западѣ, долина р. Шибочинъ прорываетъ хребетъ Шишаку-сянь, и выйдя на покатую полосу пріютило сел. *Тахжи*, расположенное по дорогѣ въ г. Ань-си. Въ этомъ селеніи, какъ говорятъ, кромѣ земледѣльцевъ-китайцевъ, расположены войска. Въ 20-верстахъ къ западу тотъ же хребетъ имѣетъ другой прорывъ, образовавшійся водами Думъ-батскихъ родниковъ, находящихся на южной сторонѣ Шишику-сянь на абсолютной высотѣ 5,000 футовъ. По этимъ ключамъ расположено селеніе *Думъ-бату*, состоящее изъ 35 домовъ китайскихъ земледѣльцевъ. Къ сѣверу отъ Думъ-бату, у южной оконечности горъ, находится ключъ подъ названіемъ Лянъ-цегу. Мимо его пролегаетъ путь въ вышеупомянутое сел. Тахши.

Хребетъ Шишаку-сянь, имѣя съ небольшимъ сто верстъ по длинѣ, простирается съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Его можно раздѣлить на двѣ части: западную и восточную. Первая протянулась съ запада на востокъ, а вторая повернула круто къ сѣверо-востоку. Хребетъ изолированъ: стоитъ отдѣльно отъ передовой ограды Нанъ-шаня и не связанъ съ нею, какъ то показано на картѣ. Сѣверной границей его служитъ р. Сулэй-хэ, если не считать горнаго придатка, отдѣленнаго той же рѣкой и находящагося на правомъ берегу. Вблизи южной оконечности хребта лежитъ небольшой кряжъ до 15 верстъ длиною. Окраска горъ то темная въ болѣе массивныхъ частяхъ, то сѣрая въ мѣстахъ болѣе низкихъ. Въ обоихъ случаяхъ хребетъ обнаженъ.

Въ сел. *Думъ-бату* при ключахъ мы разбили бивакъ, устроивъ 4-хъ часовой привалъ съ обѣдомъ. Затѣмъ снова пошли на перерѣзъ каменистой покатости, залегавшей отъ передовой окраины горъ Нанъ-шаня. Направленіе движенія было юго-западное, съ большимъ уклоненіемъ къ югу. Мѣстность несла однообразный характеръ. Каменистая пустыня исписщрена саями, по которымъ насаждены кустарники: эфедра, бѣлолозникъ, калигонумъ и друг. Спрятанный въ пескахъ Cynomorium уже зацвѣлъ. Изъ птицъ встрѣчали: чеккана соловаго, жаворонка рогатаго и нерѣдко слышали пріятный голосокъ славки-пѣвуньи.

Въ началѣ движенія стояла отличная погода: солнце свѣтило ярко, въ воздухѣ было тихо. Затѣмъ, позднѣе, подулъ юго-западный вѣтеръ, усиливъ пыльную мглу. Горы скрылись. Картина мѣстности и безъ того неутѣшительная еще пуще омрачилась: все заволокло сѣровато-желтой дымкой. Дневное свѣтило представлялось въ видѣ бѣлаго диска, а поднимаясь высоко надъ горизонтомъ оно исчезало для глаза.

При таковой обстановкѣ мы сдѣлали 20 верстъ и остановились на ночевку среди каменистой пустыни. На другой день достигли горъ, придя на рѣчку Хунъ-люша. По словамъ проводника-монгола, ущелье Хунъ-люша одно изъ самыхъ красивыхъ въ ближайшей окрестности.

20-го апрѣля, въ 5 часовъ утра, когда мы поднялись съ бивака, было ясное, свѣжее утро; термометръ С. показалъ ниже 0 на—2,₅°. На востокѣ луна виднѣлась блѣднымъ серпомъ; немного повыше ея мерцала бѣловатымъ свѣтомъ Венера. Надъ горами простирался сводъ чисто-голубаго неба, а надъ равниной къ сѣверу лежала сплошная сѣро-дымчатая вуаль, медленно подвигавшаяся къ юго-западу.

Держа курсъ въ началѣ западный, затѣмъ юго-западный—чрезъ 21 версту—прибыли въ ущелье съ ключевою водою—*Сяо-цао-хуцза*. Главная ось передовой ограды рѣзко

выдѣлялась своими очертаніями. Далеко на юго-западѣ чудно отливали яркой бѣлизной снѣговыя вершины Апембаръ-ула.

Рядомъ съ ущельемъ Сяо-цао-хунза, немного западнѣе, имѣется другое—Хобула. Тамъ живутъ китайцы-пастухи со стадами скота. Ущелье богато кормомъ.

Въ этотъ же день мы разстались съ проводникомъ монголомъ. Завтра и слѣдующій день предстояло движеніе внизъ на сѣверо-западъ—въ Са-чжеу. Воображаю какъ тамъ тепло, если здѣсь солнце, по временамъ, даетъ себя чувствовать. Но дивно, хорошо въ горахъ въ особенности въ ясный день. Живительный ключъ струитъ свои серебристыя воды у самой палатки, которая красиво пестритъ на зеленѣющей травкѣ. Пѣніе птичекъ, жужжаніе насѣкомыхъ ласкаютъ ухо. Изрѣдка пролетитъ одиноко хищникъ, за нимъ другой; то парочка веселыхъ клушицъ съ громкимъ крикомъ усядется на скалы и, покричавъ немного, улетитъ во-своясн.

На слѣдующій день мы выступили въ дальнѣйшій путь. Наша дорога лежитъ по прямой засѣчкѣ на сѣверо-западъ. Пришлось визировать однажды съ мѣста и такъ идти до уроч. *Да-чуань* 41 версту. Этотъ путь составляетъ діагональное пересѣченіе долины, которая въ началѣ, отъ передовой ограды Нанъ-шаня, падаетъ круто, изобилуетъ рѣчными саями съ конгломератовыми берегами; по мѣрѣ же удаленія къ сѣверу принимаетъ болѣе равнинный характеръ. Вершины передовой ограды, неподалеко отъ которыхъ мы стояли бивакомъ, теперь съ привала, замѣтно выдѣлялись изъ общей группы; выпавшій въ горахъ снѣгъ уже испарился съ сосѣднихъ вершинъ, тогда какъ на командующихъ высотахъ еще держался. Къ западу-юго-западу виднѣлся прорывъ, въ которой неслись воды рѣки Данъ-хэ. Итакъ долина, пересѣченная нами въ двухъ мѣстахъ на югѣ, граничитъ съ передовой оградой на сѣверѣ невысокимъ горнымъ кряжемъ, по которому пески Кумъ-тагъ простираютъ свою восточную границу до меридіана Са-чжеу, или точнѣе—Чэнъ-фу-дуна.

Послѣдняя наша стоянка была при ключѣ Да-чуань. Здѣсь пролегаетъ дорога въ уроч. Куку-сай. Да-чуань отрадный ключъ, богато поросшій кустарниками и бѣдно травянистою растительностью. Здѣсь ютилась парочка бекасовъ. Еще одинъ переходъ и мы на родномъ бивакѣ!

Паденіе извилистаго ущелья, по которому мы шли, большое. Въ общемъ направленіе его къ сѣверо-западу. По мѣрѣ опусканія внизъ, ключевой воды становилось больше; кустовъ также. Въ недалекомъ разстояніи, южнѣе кумирни Чэнъ-фу-дунъ, тропинка покидаетъ ущелье, взбѣгая лѣвымъ берегомъ на горный отрогъ, сплошь, почти, засыпанный сыпучимъ пескомъ. На высшей точкѣ анероидъ показалъ 4½ фута абсолютной высоты. Отсюда прямо на сѣверъ и сѣверо-западъ темной полосой залегалъ оазисъ Са-чжеу. Его рѣзко граничала сѣро-желтая каменисто-песчаная пустыня. Къ западу вздымались высокіе барханы песковъ; на востокъ-сѣверо-востокъ уходилъ темный горный кряжъ, слегка касающійся западной стороны хребта Шишаку-сянь. Между первымъ и вторымъ залегаетъ долина, шириною отъ 8 до 12 верстъ, открытая къ западу. На сѣверѣ, внизу, въ близкомъ разстояніи, виднѣлась кумирня Чэнъ-фу-дунъ. Близъ кумирни красовались тополя, которые осѣняли зеленыя поля отшельниковъ. Ключевая влага доносилась въ Чэнъ-фу-дунъ; далѣе къ сѣверу слѣдовала пустыня до самого оазиса. Сыпучій песокъ покрываетъ сѣверныя предгорья передоваго къ Са-чжеу горнаго кряжа.

Во время своего пути мы наблюдали одиночекъ ласточекъ и стайки стрижей, съ крикомъ парившихъ, или съ замѣчательной быстротой носившихся вверхъ и внизъ по ущелью. Изрѣдка волнистымъ полетомъ перемѣщались плисицы. Высоко и плавно леталъ подорликъ. По временамъ пѣлъ сорокопутъ. Турпаны, привыкшіе къ людямъ, подпускали къ себѣ вплотную. Спустившись съ перевала, по открытой песчаной равнинѣ, гордо выступалъ стройный джейракъ. Мой спутникъ—ярый охотникъ—послалъ ему двѣ пули, отъ которыхъ испуганный звѣрь помчался съ неуловимой быстротою. Небѣжка его была изящна; по временамъ онъ точно плылъ въ вибраціи миража.... Погода стояла отличная для движенія: облачная съ освѣжающимъ юго-западнымъ вѣтромъ.

Пробывъ 20 дней въ разъѣздѣ и описавъ кривую въ 640 верстъ, мы, наконецъ, достигли оазиса. Пышно развернулась за этотъ періодъ времени его зелень и еще издали ласкала взоръ путниковъ своимъ свѣжимъ дѣвственнымъ колоритомъ. Съ дальнѣйшей моей дѣятельностью я познакомлю въ слѣдующихъ письмахъ.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 8 Мая 1895 г.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, д. № 40.

№ 636

ЭКСПЕДИЦІЯ
ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗІЮ

(изъ писемъ П. К. Козлова).

(Изъ «Русскаго Инвалида» №№ 188, 192, 197, 202, 208, 220, 225 и 235).

М.П.М. БИБЛІОТЕКА

Курлыкъ, ноябрь 1894 г. Двѣ рекогносцировки (1), предпринятыя раннею весною изъ Са-чжоу въ сосѣдній Нанъ-шань, выяснили нашу лѣтнюю дѣятельность. Рѣка Данъ-хэ или Шара-голджинъ, какъ она называется въ своемъ верхнемъ горномъ теченіи, послужила отличной магистральной линіей, по которой методически двигался караванъ, устраивая чрезъ каждую сотню верстъ продолжительную стоянку. Стоянки эти выбирались въ лучшихъ мѣстахъ, богатыхъ кормомъ для караванныхъ животныхъ, и удобныхъ исходныхъ пунктахъ для географическихъ развѣдокъ, одновременно производимыхъ В. И. Роборовскимъ и мною. На главномъ бивакѣ оставался г. Ладыгинъ, который, помимо ботаническихъ сборовъ и пополненія энтомологической колекціи, систематически велъ метеорологическія наблюденія. Препараторъ Куриловичъ собиралъ птицъ; прочіе люди отряда охотились за звѣрями. Кромѣ того, всѣ такіе пункты опредѣлялись астрономически. Къ нимъ мы примыкали наши маршруты, представлявшіе собою удлиненныя петли. Въ долинѣ Шара-голджина продолжительныхъ стоянокъ было всего три: въ Куку-усу, на ключѣ «Благодатный», въ Уланъ-булакѣ, у сѣвернаго подножія хребта Гумбольдта, и на верховьи этой рѣки при урочищѣ Аматынъ-умру. Четвертая, послѣдняя стоянка въ Нанъ-шанѣ находилась у сѣвернаго подножія Южно-кукунорскихъ горъ при р. Горбанъ-ангыръ-голъ (2). Линія, соединяющая эти пункты, разграничивала Нанъ-шань на двѣ половины, изъ которыхъ сѣверная досталась мнѣ; южную же избралъ для своихъ изслѣдованій В. И. Роборовскій.

Остановлюсь на раіонѣ своихъ рекогносцировокъ, рамками которымъ служатъ меридіаны оазиса Са-чжоу на западѣ и оз. Куку-нора на востокѣ, и представляющемъ собой площадь въ 500 верстъ по долготѣ и около 300 верстъ по широтѣ. На всѣхъ четырехъ рекогносцировкахъ мною проведено 60 дней. Пройдено съемкою за это время 1,790 верстъ (1). Собрана богатая колекція звѣрей (2), какъ и вообще прослѣжена животная жизнь Нанъ-шаня. Въ пересѣченіяхъ хребтовъ взяты образцы горныхъ породъ; въ долинахъ — образцы почвы. Разъѣзды выполнялись съ однимъ и тѣмъ же спутникомъ, старшимъ урядникомъ Забайкальскаго казачьяго войска Семеномъ Жаркимъ; перемѣнялись только проводники.

Топографическій характеръ разсматриваемой мѣстности представляется слѣдующимъ. На сѣверѣ протянулся горный кряжъ, который состоитъ изъ двухъ частей, заходящихъ одна за другую. Восточная—извѣстна подъ названіемъ *Шишакусанъ*. Въ 30—40 верстахъ къ югу поднимается передовая ограда Нанъ-шаня. Восточнѣе р. Данъ-хэ передовая ограда связывается съ послѣдующимъ къ югу хребтомъ. Этотъ послѣдній имѣетъ восточное направленіе до меридіана г. Юймынь-сяня; затѣмъ довольно круто склоняется на юго-востокъ. Въ западной своей части, на протяженіи 80 верстъ, онъ лишенъ вѣчныхъ снѣговъ и извѣстенъ подъ названіемъ *Кашикаринъ-ула*; далѣе же къ востоку этотъ хребетъ блещетъ вѣчными снѣгами, называясь *Дасюёшанемъ* (3). Вскорѣ затѣмъ онъ раздѣляется на двѣ снѣговыя цѣпи, въ которыхъ залегаетъ верховье р. *Сулэй-хэ*. Къ югу, паралельно западной части Дасюёшаня, протянулся хребетъ *Буруту-курунъ-ула*, который, по мѣрѣ удаленія на востокъ, мельчаетъ, и, сопровождая на всемъ теченіи рѣку Эма-хэ, черезъ 130 верстъ совершенно исчезаетъ. Наконецъ, самой южной границей моихъ изслѣдованій служилъ хребетъ Гумбольдта, впервые от-

(1) В. И. Роборовскаго на западъ отъ меридіана Са-чжоу; моя—на востокъ.

(2) Почти на меридіанѣ озеръ Курлыкъ-норъ и Тосо-норъ, близъ которыхъ устроенъ теперешній складъ экспедиціи до возвращенія ея изъ Сы-чуани.

(1) Всего же за этотъ періодъ мной сдѣлано около 2,000 верстъ.

(2) Птицы, насѣкомыя и растенія собирались по столько, по сколько это возможно при бѣглыхъ рекогносцировкахъ.

(3) Дасюёшань—китайское названіе, въ переводѣ значитъ—большія снѣговыя горы.

крытый Н. М. Пржевальскимъ; восточное продолженіе его было дважды пересѣчено въ послѣдній разъѣздъ.

Общій характеръ здѣшнихъ, какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ хребтовъ одинаковъ и состоитъ: 1) въ томъ, что всѣ эти хребты имѣютъ одно и тоже направленіе съ востока на западъ, слѣдовательно тянутся паралельно другъ другу; 2) передовыя цѣпи болѣе круто ниспадаютъ своими сѣверными склонами, и наоборотъ, пологи на южныхъ склонахъ; 3) главные хребты, при своей огромной абсолютной высотѣ, имѣютъ также значительную высоту относительную; 4) въ самыхъ высокихъ хребтахъ высшія вершины, обыкновенно вѣчно-снѣговыя, расположены лишь отдѣльными группами и не тянутся въ видѣ длинныхъ гребней; 5) формы горъ, за исключеніемъ вѣчно-снѣговыхъ, мягкія, съ пологими боковыми скатами и куполообразными вершинами; 6) всѣ хребты какъ главные, такъ и второстепенные, доступны по переваламъ, наконецъ, 7) обнаженныхъ скалъ вообще мало, ихъ замѣняютъ розсыпи, какъ продуктъ разложенія горныхъ породъ.

Въ междугорныхъ пространствахъ раскидываются долины, которыя или обозначаютъ собою теченіе рѣкъ Шара-голджинъ, Эма-хэ, Сулэй-хэ или представляютъ замкнутыя котловины—озеръ Ногонъ-норъ и Хара-норъ. По высокимъ горнымъ долинамъ часто залегаютъ кочковатыя болота, составляющія характерную принадлежность Нанъ-шаньскаго плато.

Въ означенномъ раіонѣ ключи, рѣки и рѣчки встрѣчались довольно часто; словомъ, орошеніе мѣстности весьма обильное. Въ замкнутыхъ котловинахъ вся выпадающая влага, не находя выхода, образуетъ малыя и большія озера. Вода почти во всѣхъ Нанъ-шаньскихъ озерахъ, вслѣдствіе ихъ замкнутости и сильнаго испаренія, солоная. Самое большое озеро Хара-норъ, не посѣщенное до сихъ поръ ни однимъ европейцемъ, лежитъ на меридіанѣ г. Юй-мынь-сяня. Что же касается рѣкъ, то онѣ, главнымъ образомъ, несутъ свои воды въ долину нижняго теченія р. Сулэй-хэ, орошая по дорогѣ встрѣчные оазисы. Рѣка же Сулэй-хэ теряется въ солончаковыхъ болотахъ *оз. Хала-чи*. На востокъ отъ оз. Хара-нора южная цѣпь Сулэй-хэ, послѣ временнаго пониженія, снова круто вздымаетъ свои снѣжныя вершины подъ названіемъ *Шаголинъ-намдзилъ*. Эта высокая снѣговая группа, давая начало на своемъ сѣверномъ склонѣ р. Сулэй-хэ, въ тоже самое время питаетъ систему р. Бухайнъ-гола, текущей къ югу. Другими словами, Шаголинъ-намдзилъ служитъ водораздѣломъ указанныхъ басейновъ. Немного восточнѣе этой возвышенной группы зарождается Тэтунгъ-голъ, имѣющій стокъ чрезъ Желтую рѣку къ океану.

Флора высокихъ долинъ и горъ Нань-шаня сходствуетъ съ флорою Тибета. Если обратимся къ фаунѣ описываемой страны, то въ этомъ отношеніи найдемъ еще болѣе общихъ представителей, въ особенности въ отдѣлѣ млекопитающихъ. Какъ Тибетъ богатъ количествомъ, а не разнообразіемъ формъ, такъ точно и Нанъ-шань. И здѣсь обиліе млекопитающихъ вызывается достаточнымъ количествомъ корма и воды, обширностью пространствъ и сравнительнымъ отсутствіемъ человѣка.

Дикій якъ (Bos grunniens) имѣетъ сѣверную границу своего географическаго распространенія въ хребтѣ Дасюёшанѣ; на востокъ онъ водится до меридіана озера Куку-нора; на югѣ ему ставитъ преграду хребетъ Южно-кукушорскій и, наконецъ, на западъ область географическаго распространеніе дикаго яка уходитъ значительно, по крайней мѣрѣ за рамки нашихъ изслѣдованій. Вездѣ, въ указанной мѣстности, якъ придерживается высокихъ долинъ и горныхъ ущелій; вообще, будучи одѣтъ густою, мягкою шерстью, онъ лѣтомъ ищетъ прохлады вблизи границы вѣчныхъ снѣговъ. Нерѣдко одиночные самцы взбираются на ледникъ и тамъ проводятъ болѣе или менѣе продолжительное время. Случается, по словамъ монголовъ, что яки бываютъ отрѣзаны трещиной льда; болѣе смѣлые изъ нихъ спрыгиваютъ съ ледника, другіе же на немъ остаются. Горькая участь послѣднихъ неизбѣжна; да и первые чаще погибаютъ, нежели спасаются. Зимою, наоборотъ, звѣри спускаются въ болѣе низкую область горъ, еще охотнѣе въ долины, оставленныя кочевниками.

Всего больше дикихъ яковъ встрѣчалось на верховьяхъ рѣкъ Шара-голджинъ, Сулэй-хэ, Толай-голъ, Бухайнъ-голъ и въ долинѣ озера Хара-нора. Въ этихъ мѣстахъ звѣрей было такъ-же много, какъ и на плато сѣвернаго Тибета. Куда ни посмотришь во время слѣдованія, всюду видишь этихъ гигантовъ. Въ одной горной разсѣлинѣ пасется огромнѣйшее (въ 100—300 головъ) стадо; у ручья въ долинѣ лежатъ небольшія группы; тамъ и сямъ бродятъ или неподвижно стоятъ одиночки. Переваливъ горный отрогъ, путешественникъ встрѣчаетъ подобную же картину.

Начинаетъ бодрствовать дикій якъ довольно рано и тотчасъ же принимается за покормку. Часамъ къ десяти утра онъ снова предается отдыху гдѣ-нибудь на гребнѣ горъ или вершинѣ увала, словомъ, на открытой по сторонамъ мѣстности. Стадо звѣрей располагается иногда широко, иногда скученно. Вѣдѣнныя имъ стада состоятъ—или изъ одной матерей съ телятами, или изъ самцовъ среднихъ лѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ число особей было всегда значительно меньше, 5—10, рѣдко больше. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ лишь подозрительно встанетъ одинъ звѣрь, какъ тотчасъ же поднимается и все остальное стадо, не отставая отъ своего вожака. Слѣдуютъ звѣри то рысью, то шагомъ; сильно испуганные несутся вскачъ, но обыкновенно очень короткое время. Отъ охотника звѣри спасаются въ горы пересѣкая боковые скаты; рѣже спускаются внизъ. Старые, большіе экземпляры ходятъ одиноко. Особенно интересны эти великаны, когда ихъ фигура рисуется на гребняхъ горъ (1). Подолгу дикій якъ стоитъ въ полной неподвижности, лишь изрѣдка поведетъ головою въ сторону, или метнетъ мохнатымъ хвостомъ. Не менѣе красивымъ представлялось и стадо, вытянутое змѣйкой, медленно двигавшейся по цѣпи горъ. Удивляешься, какъ эти звѣри мастерски лазятъ по кручамъ. Еще поразительнѣе, когда испуганные яки мчатся съ ужасной быстротой. Трудно себѣ представить разъяренное животное, въ особенности громаднаго быка, несущагося по кручѣ внизъ. Онъ не то скользитъ, не то бѣжитъ, а за нимъ цѣлый потокъ мелкихъ камней плыветъ, не отставая. Оставивъ за собою розсыпи, звѣрь рысью несется по луговому откосу; затѣмъ, взбѣгая на вершины отроговъ, останавливается: смотритъ и чуетъ по сторонамъ.

(1) Въ высшей степени оригиналенъ дикій якъ въ миражѣ; могучая фигура рогатаго звѣря, украшеннаго на брюхѣ длинною шерстью, на подобіе бахромы, кажется чудовищной, фантастической.

Зрѣніе развито плохо, чувства же до совершенства. Вообще, дикій якъ идетъ осмотрительно, порою украдкою. Степень бдительности увеличивается съ малѣйшимъ подозрѣніемъ опасности. Враговъ, кромѣ человѣка, у описываемаго звѣря нѣтъ. Стадо матерей успѣшно оберегаетъ дѣтенышей отъ всякихъ случайностей, пряча ихъ въ середину.

Любовный періодъ у дикихъ яковъ проходитъ чрезъ послѣднюю треть іюля и первую—августа. Самцы въ это время бываютъ злобны; большому и сильному уступаютъ средніе. Соперники вступаютъ въ ожесточенный бой. Однажды мы наблюдали подобную картину. Еще издали, замѣтивъ другъ друга, дикіе яки начали сближаться. Одинъ изъ нихъ, остановившись у глинистаго обрыва, сталъ рогами разрывать землю, другой шелъ рѣшительно впередъ, изрѣдка останавливаясь, при этомъ сердито наклонялъ голову и трясъ хвостомъ точно султаномъ. Наконецъ, разстояніе, отдѣлявшее противниковъ, сократилось шаговъ до сорока. Бывшій на мѣстѣ дикій якъ вскочилъ на ноги, принявъ боевую позу въ ожиданіи врага. Послѣдній двигался медленнѣе. Наклонивъ рога, махая хвостами, оба звѣря издавали довольно громкое хрюканье, подобно домашнему яку, который по этому названъ Bos grunniens. Стоя въ виду другъ друга, звѣри рыли копытами землю; наконецъ, сошлись; за двѣ сажени бросились съ быстротой, неуловимой для глазъ. Трескъ отъ удара могучихъ лбовъ былъ чрезвычайно громкій. Дальнѣйшему ходу драки помѣшалъ третій, еще болѣе внушительный звѣрь, озлобленнаго состоянія котораго бойцы испугались и разошлись по сторонамъ. Въ иныхъ случаяхъ, по словамъ монголовъ, турниръ продолжается подолгу. Въ то время можно смѣло подходить къ дикимъ якамъ. Стоитъ выстрѣлить по одному и ранить, тогда другой боецъ съ нимъ непремѣнно покончитъ; затѣмъ можно стрѣлять и въ послѣдняго. Въ возбужденномъ состояніи звѣри не обращаютъ вниманія на выстрѣлъ.

Молодые появляются на свѣтъ весною, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; дѣти слѣдуютъ при матеряхъ годъ; затѣмъ, отдѣляются къ большимъ стадамъ, состоящимъ изъ особей различнаго пола и возраста.

На рану дикій якъ поразительно крѣпокъ, въ особенности взрослый самецъ. Нрава же, въ общемъ, трусливаго. Изъ всѣхъ охотъ, производимыхъ въ теченіе лѣта, только однажды дикій якъ бросился на нашего охотника. Дѣло происходило такъ. Изъ двухъ казаковъ, бывшихъ на экскурсіи, одинъ остался на мѣстѣ, другой направился къ звѣрямъ. Увлекшись наблюденіемъ охоты товарища, оставшійся на мѣстѣ казакъ вдругъ замѣтилъ несущагося на него изъ-за холма дикаго яка. Получивъ, однако, двѣ пули, якъ повернулъ въ сторону, не добѣжавъ до охотника 15 шаговъ. Отъ слѣдующихъ трехъ пуль звѣрь кубаремъ покатился внизъ по скату горъ. Будучи сильно озлобленъ, онъ внизу снова вскочилъ на ноги, но напрасно порывался вторично настичь охотника: силы измѣнили, такъ какъ кровь лилась ручьемъ изъ полученныхъ ранъ. Еще нѣсколько минутъ и звѣрь лежалъ мертвымъ.

Хуланъ или дикій оселъ (Equus Kiang) имѣетъ болѣе широкое распространеніе, нежели предъидущій видъ, но далеко не собирается въ такія многочисленныя стада, какъ дикій якъ. Кромѣ общеобитаемыхъ мѣстъ съ дикимъ якомъ въ горахъ, хуланъ спускается и значительно ниже въ долины; онъ даже встрѣчается у подножій какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ горъ Нань-шаня. Означенный видъ, не испытавъ преслѣдованія, держитъ себя довольно смѣло. Часто, во время прохожденія каравана, хуланы подбѣгали очень близко; постоявъ немного, пускались бѣжать рядомъ съ нашими вьючными животными. Нерѣдко такимъ образомъ дикіе ослы провожали насъ по нѣсколько верстъ. Кобылицы съ дѣтенышами, появляющимися на свѣтъ около 1-го іюля, несравненно строже. Чуть только замѣтятъ человѣка, онѣ тотчасъ же бросаются на уходъ, причемъ жеребенокъ скрывается отъ взора стрѣлка, прячась за свою мать. Однажды, охотясь за звѣрями, я набрелъ на отдыхавшую семью хулановъ довольно близко. Испуганная кобылица, вскочивъ съ земли, въ недоумѣніи понеслась впередъ, оберегая жеребенка. Въ защиту быстро появился жеребецъ и сердито заржалъ. Пробѣжавъ нѣсколько шаговъ въ мою сторону, какъ бы отвлекая вниманіе отъ подруги, жеребецъ пустился вскачь за кобылицей.

Халхасецъ монголъ, дважды сопровождавшій меня въ разъѣздахъ по Нань-шаню, имѣлъ у себя прирученнаго хулана. Добывъ послѣдняго только что появившимся на свѣтъ, монголъ воспиталъ жеребенка вблизи юрты, поя молокомъ; притомъ всегда держалъ питомца на привязи, или въ крѣпкихъ путахъ; одно время даже въ желѣзахъ. Обучить его подъ верхъ не удалось, несмотря на все приложенное стараніе. Безъ всадника, на кордѣ, хуланъ бѣжалъ отлично; побѣжка его была красива; животное рѣзвилось. Стоило же только охотнику вскочить на спину животнаго, какъ послѣднее, понуривъ голову, слѣдовало шагомъ. Несмотря ни на какія принужденія, хуланъ подъ всадникомъ не измѣнялъ алюра. Наждды сына степей, сидя на хуланѣ, успѣшно преслѣдовать дикихъ собратовъ его, совсѣмъ не оправдались. Прирученное *дикое животное было смирно, но всегда, когда представлялся* случай, порывалось бѣжать на просторъ.

Мѣстные охотники преслѣдуютъ дикаго осла; усердно употребляютъ его мясо въ пищу и пользуются шкурой для изготовленія обуви. Нѣкоторые изъ пріемовъ охоты на хулановъ, практикуемые номадами, оригинальны. Извѣстно, что хуланы большими и малыми стадами держатся не только въ горныхъ ущельяхъ, но и въ низкихъ долинахъ. Въ такихъ мѣстахъ почва очень часто бываетъ сухая, рыхлая. Испуганное стадо, бросившись на уходъ, поднимаетъ въ воздухъ густую пыль, сквозь которую ничего не видно. Этого и ждетъ охотникъ-номадъ. Быстро скачетъ онъ на лошади къ хулапамъ; спѣшивается, а иногда и сидя верхомъ, стрѣляетъ, чуть не въ упоръ, по звѣрямъ. Въ пыли хуланы плохо видятъ; выстрѣла же мало боятся. Другой пріемъ, который, впрочемъ, практикуется въ любовный періодъ (1), удается лишь самымъ опытнымъ охотникамъ. Послѣдній, усмотрѣвъ желаннаго звѣря, все равно жеребца или кобылицу, скрывается; затѣмъ начинаетъ ржать по хуланьи. На этотъ призывный голосъ тотчасъ же появляется дикій оселъ, встрѣчая пулю номада.

Нашъ отрядъ въ общемъ мало охотился за хулапами. Пополнивъ свою маммологическую колекцію означеннымъ видомъ, мы уже ихъ больше не стрѣляли. Мы предпочитали любоваться на этихъ звѣрей, когда они, или, выстроившись фронтомъ съ поднятыми вверхъ головами, смотрѣли на проходящій караванъ, или, вытянувшись въ линію, быстро мчались на перерѣзъ нашего пути.

(1) Любовный періодъ Equus Kiang происходитъ одновременно съ таковымъ дикаго яка.

Продолжая описаніе фауны Нань-шаня, перейду теперь къ не менѣе интересной обитательницѣ Нань-шаня, красавицѣ антилопѣ: антилопѣ-ада (Procarpa picticauda), антилопѣ хара-сульта (Antilope subgutturosa) и антилопѣ Кювье (Antilope Cuvieri), открытой Н. М. Пржевальскимъ въ его IV путешествіе по Центральной Азіи. Хара-сульта съ сѣвера переходитъ за передовую ограду Нань-шаня; на югѣ же касается только предгорій со стороны Курлыка, подобно тому, какъ антилопа Кювье появляется со стороны равнины озера Куку-нора. Что же касается антилопы-ады, или малютки, то она служитъ характернымъ представителемъ Нань-шаня. Передовая ограда этой горной системы составляетъ сѣверную границу ея распространенія. Восточной же границей географическаго распространенія ея служитъ оз. Куку-норъ, а параллель послѣдняго, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ и южную границу, за которой ее нельзя встрѣтить. Къ западу отъ меридіана ключа «Благодатнаго» мы этихъ антилопъ ни разу не видали.

Антилопа-ада предпочитаетъ высокія долины и горныя ущелья; въ такихъ мѣстахъ мы всегда встрѣчали стада въ 5—10 экземпляровъ; рѣже одиночекъ. Стада состоятъ, большею частью, изъ особей мужскаго или женскаго пола; рѣже совмѣстно. Точно также осенью отдѣльно держатся и молодыя, покинутыя матерями. Время появленія молодыхъ—въ концѣ іюня. Явившіеся на свѣтъ дѣтеныши, всегда по одному, первое время лежатъ гдѣ-либо въ пустынной долинѣ, одѣтой высокой травянистой растительностью. Мать пасется по близости, и отъ времени до времени приходитъ кормить дитя. Поднятый собакою, дѣтеныш быстро спасается; насколько приходилось видѣть, всегда однимъ алюромъ—скачками. Побѣжка же взрослой антилопы приводитъ въ изумленіе: быстра, изящна, граціозна. По временамъ кажется, что это, въ высшей степени стройное, животное прыгаетъ какъ резиновый мячъ.

Каменный баранъ, или аргали (Ovis sp.) довольно обыкновенъ въ изслѣдованной нами части Нань-шаня. Держится по преимуществу въ невысокихъ горахъ, или же въ предгорьяхъ главныхъ хребтовъ, обитая въ альпійскомъ поясѣ до голыхъ каменныхъ розсыпей. Нерѣдко горы отъ большаго скопленія этихъ звѣрей носятъ названіе Аргалинникъ-ула. Помимо горъ, звѣри охотно спускаются и въ долины, но никогда не покидаютъ ихъ ближайшаго сосѣдства. Каменные бараны живутъ большими и малыми обществами, а также и одиночками.

Начинаетъ свое бодрствованіе аргали очень рано для покормки. Взошедшее и обогрѣвшее солнце заставляетъ звѣря предаться отдыху гдѣ-нибудь на видномъ, безопасномъ мѣстѣ: обыкновенно на скатахъ горъ, или на ихъ командующихъ выступахъ. Звѣри располагаются на отдыхъ стадомъ въ болѣе или менѣе скученномъ порядкѣ; при этомъ они всегда чутки; многіе спятъ, держа голову кверху.

Любовное время у аргали настаетъ въ ноябрѣ и длится двѣ послѣднія трети мѣсяца. Въ это время, конечно, и самцы, и самки держатся вмѣстѣ. По обыкновенію, первые дерутся за обладаніе послѣдними. Встрѣтясь на близкомъ разстояніи, они взвиваются на дыбы и, прыгая одинъ на другого, сшибаются лбами. Лишь только минетъ этотъ періодъ, самцы покидаютъ самокъ. Тѣ и другія начинаютъ держаться особнякомъ. Матери «носятъ» менѣе полугода. Въ концѣ апрѣля появляются молодые. Самки въ это время держатся болѣе или менѣе безопасныхъ мѣстъ.

На рану аргали очень крѣпокъ. Зрѣніе, слухъ, чутье развиты до удивительнаго совершенства. Поэтому убить каменнаго барана довольно трудно. Тотъ же помадъ, который приручилъ хулана, сообщилъ мнѣ, что существуетъ особая бѣлая разновидность аргали. Охотясь съ товарищами осенью, въ горахъ Нань-шаня, онъ былъ удивленъ встрѣченнымъ издали бѣлымъ звѣремъ. Подкравшись къ нему незамѣченнымъ, охотникъ узналъ «въ бѣломъ чудовищѣ» аргали. Суевѣрные монголы-товарищи уговорили, однако, этого пегаго охотника не стрѣлять, съ чѣмъ онъ, нехотя, согласился.

Другой собратъ каменнаго барана куку-яманъ (Ovis nahoor) населяетъ собою въ большомъ количествѣ хребты, богатые скалами.

Наконецъ, послѣднимъ представителемъ жвачныхъ (1) Нань-шаня служитъ бѣломордый маралъ (Cervus albirostris), открытый Н. М. Пржевальскимъ въ его III путешествіе. Въ горной системѣ Нань-шаня этотъ видъ встрѣчается лишь изрѣдка. И здѣсь онъ терпитъ безпрерывное преслѣдованіе со стороны мѣстныхъ охотниковъ-промышленниковъ. Въ іюлѣ и и августѣ—въ пору лучшаго состоянія роговъ—маралы не преслѣдуются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сему ставится преграда самой природой или близкимъ сосѣдствомъ разбойничьяго тангутскаго населенія.

Въ общемъ по характеру и привычкамъ бѣломордый маралъ очень похожъ на своего сибирскаго собрата. Лѣтомъ они держатся и одиночками, и попарно, рѣже небольшими сообществами. Въ болѣе многочисленныя стада, до 30 штукъ, маралы собираются только зимою, когда они перекочевываютъ въ обильныя кормомъ долины. Этотъ звѣрь пасется большею частью по ночамъ, спускаясь, въ лѣтнее время, изъ высокихъ скалистыхъ горъ на дно ущелій. Съ восходомъ солнца снова бредетъ въ родныя скалы. Любовный періодъ марала настаетъ въ сентябрѣ и длится около двухъ недѣль. Съ закатомъ солнца самцы, стоя на выступахъ горъ, издаютъ призывный крикъ; въ началѣ брачнаго времени осторожно, въ разгарѣ же его смѣлѣе, даже днемъ. Самецъ обладаетъ двумя, тремя подругами, которыя по окончаніи случнаго періода, въ большинствѣ случаевъ, отдѣляются. Молодые появляются въ началѣ лѣта. Родившійся телекъ всюду слѣдуетъ за матерью, а не остается, какъ сибирскій, нѣкоторое время въ «сиверкахъ»—чащахъ кустарника, одѣвающихъ сѣверные склоны сибирскихъ хребтовъ. Тому причиной, вѣроятно, масса враговъ: барсъ, рысь, волкъ; укрытій же въ Нань-шанѣ очень мало.

Изъ грызуновъ въ Нань-шанѣ обитаютъ пищухи (Lagomys ladacensis), которыя въ безчисленномъ множествѣ населяютъ луговые склоны горъ, а также и долины; другая же пищуха (Lagomys rutilus) водится въ кампяхъ или скалахъ и встрѣчается лишь изрѣдка; кромѣ того, нами найденъ въ долинѣ верхняго теченія р. Шара-голджинъ третій видъ, который былъ добытъ въ равнинной мѣстности. Затѣмъ, можно указать на сурка, или, какъ монголы называютъ, тарабагана (Arctomys Roborowski), встрѣченнаго нами во многихъ мѣстахъ Нань-шаня, въ особенности же по альпійскимъ лугамъ сѣвернаго склона хребта Гумбольдта.

---

(1) Куда можно отнести еще два вида—марала (Cervus sp.) и кабаргу (Moschus moschiferus?), замѣченныхъ въ Южно-кукунорскомъ хребтѣ и на верховьѣ Тэтунгъ-гола.

Здѣшній сурокъ по образу жизни и привычкамъ совершенно напоминаетъ другихъ своихъ собратій. Живя въ глубокихъ норахъ, онъ въ хорошую погоду выходитъ на просторъ, гдѣ по близости и кормится. По окончаніи ѣды очень часто предается на солнышкѣ нѣгѣ, лежа на выступѣ обрывчика, или на камнѣ. Такое отдохновеніе нерѣдко повергаетъ тарабагана въ когти хищника. Голосъ сурокъ издастъ, когда подозрѣваетъ опасность. На свободѣ эти звѣрьки собираются изъ сосѣднихъ норъ въ одно мѣстечко, гдѣ предаются играмъ и забавамъ. Малѣйшій признакъ опасности моментально нарушаетъ ихъ веселье: сурки мѣшковато плетутся къ своимъ норамъ, куда прячутся тотчасъ же, или, въ зависимости отъ опасности, остаются у входа въ нору. По одному и по два сидятъ они и смотрятъ по сторонамъ. Охотникъ можетъ осторожно подойти къ тарабагану на выстрѣлъ дробью. На рану тарабаганъ крѣпокъ; онъ очень часто уходитъ, будучи тяжело раненымъ. Добытый мною экземпляръ былъ тяжело раненъ, но, свалившись съ обрыва внизъ, не имѣлъ силы уйти. Передъ смертью сурокъ изгрызъ переднія лапки какъ бы въ наказаніе за то, что тѣ отказались унести его въ подземное жилище. Предается зимней спячкѣ описываемый видъ въ сентябрѣ; пробуждается въ концѣ апрѣля или началѣ мая. Зайцы (Lepus sp.) мѣстами очень многочисленны, несмотря на то, что сильно истребляются четвероногими и пернатыми хищниками. Изъ самыхъ мелкихъ грызуновъ, замѣченныхъ нами въ Нанъ-шанѣ, были полевка и хомячокъ.

Среди хищниковъ первое мѣсто принадлежитъ медвѣдю пищухоѣду (Ursus lagomyiarius), впервые найденному также Н. М. Пржевальскимъ въ его III путешествіе по Центральной Азіи. Этотъ звѣрь, представитель тибетскаго нагорья, не рѣдокъ и въ Нанъ-шанѣ, а по верховьямъ рѣкъ Толайголъ, Бурхайнъ-голъ, въ особенности Сулэй-хэ, даже распространенъ. На истокахъ послѣдней рѣки медвѣдь обитаетъ въ такомъ большомъ количествѣ, какое намъ приходилось наблюдать только въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ въ IV путешествіе Н. М. Пржевальскаго. Какъ тогда во время лѣтняго пребыванія была убита въ высшей степени интересная бѣлая медвѣдица, такъ и теперь, но на этотъ разъ счастливѣе— бѣлая красавица попала въ нашу колекцію. Дѣйствительно, окраска медвѣдицы представляетъ полный контрастъ ея собратьямъ. Голова, шея, грудь, спина, бока, ноги совершенно бѣлыя; лишь на задней части тѣла кое-гдѣ по бѣлому фону разсыпаны свѣтло-голубыя пятна, сидящія малыми и рѣдкими пучками. При всемъ томъ шерсть на звѣрѣ отличная. Это пріобрѣтеніе несомнѣнно послужитъ украшеніемъ серіи пищухоѣдовъ въ зоологическомъ музеѣ Императорской академіи наукъ.

Разсматриваемый нами видъ держится высокихъ долинъ, а также и горныхъ ущелій. Холмистыя, покатыя площади, сбѣгающія съ горъ и обильно населенныя пищухами—вотъ мѣста, гдѣ всего вѣрнѣе можно розыскать здѣшняго «мишку». Всѣ семь убитыхъ нами экземпляровъ имѣли въ желудкѣ однѣхъ лишь пищухъ. Сколько этихъ грызуновъ поѣдаютъ медвѣди, если въ желудкѣ одного экземпляра, еще производившаго охоту (1), мы находили по 25 штукъ? По словамъ монголовъ, медвѣдь нерѣдко лакомится и самымъ крупнымъ грызуномъ-суркомъ или тарабаганомъ. Свѣжіе слѣды такихъ работъ косолапаго звѣря я встрѣчалъ по ущельямъ хребта Дасюешаня, а также и по верховьямъ Тэтунга. Забавенъ и страшенъ «мишка», какъ говорятъ мѣстные охотники, въ то время, когда разрываетъ нору тарабагана: ворчитъ, быстро поворачивается, поднимаетъ пыль, которою себя осыпаетъ, и очень часто доканчиваетъ работу при помощи большаго камня, которымъ ловко разбиваетъ толстый сводъ подземнаго жилища. Во время такихъ занятій, туземцы, изъ боязни къ медвѣдю, стараются миновать то мѣсто, гдѣ охотится сердитый звѣрь. По нашимъ наблюденіямъ пищухоѣдъ скорѣе трусливъ, нежели смѣлъ. Изъ всѣхъ охотъ на этого звѣря только дважды были случаи, когда раненый звѣрь бросался на стрѣлка. Обыкновенно, зачуявъ охотника по вѣтру, онъ всегда уходитъ. И только «подъ-вѣтеръ» къ нему легко подойти, такъ какъ зрѣніе у него плохое. На совершенно гладкой мѣстности мы успѣшно подкрадывались къ звѣрю на близкое разстояніе. Только медвѣдица съ дѣтьми, найденная нами всего одинъ разъ, очень строга, и, вѣроятно, рѣшительнѣе бросается, нежели одиночные экземпляры.

Для зимней спячки, которая начинается съ конца ноября и длится до марта, медвѣдь выбираетъ нависшія скалы и пещеры. Нерѣдко звѣрь ложится довольно открыто подъ камнемъ, въ разсѣлинѣ скалы и т. п. Во время зимней спячки онъ встаетъ въ теплые и ясные дни, причемъ или грѣется, лежа на солнцѣ, или бродитъ за пищухами, а также срываетъ и растительную пищу. Такія прогулки бываютъ, обыкновенно, непродолжительны, часа два или три; затѣмъ медвѣдь снова бредетъ въ свое покинутое логовище.

Волкъ (Canis lupus), повсемѣстный обитатель Нанъ-шань, всего чаще нами встрѣчался вблизи кочевій халхасцевъ, тамъ, гдѣ пасется много домашняго скота, въ особенности барановъ. Эти звѣри зорко слѣдятъ за охотникомъ. Первый выстрѣлъ номада, раздавшійся недалеко отъ «сѣраго», служитъ сигналомъ послѣднему: волкъ тотчасъ бѣжитъ на дымъ, въ надеждѣ поживиться подстрѣленнымъ звѣремъ, прежде нежели подоспѣетъ охотникъ. Съ своей стороны и номады, вездѣ по ущельямъ и подножіямъ горъ, устраиваютъ ловушки на волка. Устройство «самолова» настолько просто и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинально, что, я думаю, не будетъ лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Обыкновенно мѣстомъ выбора для ловушки служатъ тропинки, которыхъ въ зимнее время охотно придерживаются волки. Матеріаломъ для постройки самой ловушки служатъ камни. Послѣдняя складывается изъ каменныхъ плитъ довольно прочно, и въ закопченномъ видѣ представляетъ изъ себя каменную будку четыреугольной, нерѣдко закругленной формы. Крыша будки сводчатая. Внутри ея свободное пространство, могущее вмѣстить звѣря. Входное отверстіе устраивается по ширинѣ будки и обыкновенно къ сторонѣ тропинки. Дверью, или вѣрнѣе запоромъ, служитъ также каменная плита, свободно двигающаяся, точно въ рамѣ, вверхъ и внизъ. Настороженная будка имѣетъ входное отверстіе открытымъ. Запорная плита подтягивается вверхъ; бичева же, удерживающая плиту, проходитъ, свободно двигаясь въ отверстіи, нарочно устроенномъ, по толщинѣ крыши, и по задней внутренней стѣнкѣ будки круто ниспадаетъ къ ея основанію, гдѣ петлей одѣвается на горизонтально укрѣпленный колышекъ. На этотъ же колышекъ одѣвается петля

(1) Въ близкомъ сосѣдствѣ съ медвѣдемъ часто находился черный воронъ (Corvus corax), промышлявшій за тѣми звѣрьками, которые ускользали отъ косолапаго звѣря.

бичевы, на которой нанизанъ кусокъ сыраго мяса, причемъ она помѣщается подъ петлей, удерживающей плиту-дверь. Вошедшій въ ловушку волкъ схватываетъ мясо, тѣмъ самымъ сдергиваетъ обѣ петли съ колышка: плита падаетъ—звѣрь въ западнѣ.

Лисица (Canis vulpes) встрѣчается, сравнительно, рѣдко; тогда какъ кярса или корсакъ (Canis Ekloni) довольно обыкновененъ въ посѣщенной нами части Нань-шаня. Звѣрь этотъ водится тамъ же, гдѣ и пищуха. Послѣднихъ корсакъ ловитъ, подкарауливая у норъ; въ песчано-рыхлой почвѣ даже ихъ откапываетъ; но рѣдко сопровождаетъ медвѣдя на ловлѣ грызуновъ, какъ то дѣлаетъ его сородичъ на Тибетскомъ нагорьѣ. Барсъ (Irbis sp.) и рысь (Felis lynx), которыхъ намъ лично наблюсти не удалось, могутъ закончить собою списокъ млекопитающихъ Нань-шаня.

Перпатое царство Нань-шаня не богатое. У млекопитающихъ малое, сравнительно, количество видовъ вознаграждается массою особей; но среди птицъ описываемой страны подобнаго обилія не встрѣчается. Всего нами найдено въ Нань-шанѣ 111 видовъ, слѣдующимъ образомъ распредѣляющихся по отрядамъ и по образу жизни.

	Осѣдлыя.	Гнѣздящіяся.	Пролетныя.
Хищныя (Accipiteres)	8	5	5
Воробьиныя (Passeres)	15	28	13
Лазящія (Scansores)	—	—	—
Голубиныя (Columbae)	1	—	—
Куриныя (Gallinae)	7	—	—
Голенастыя (Grallatores) . . .	—	6	10
Плавающія (Natatores)	—	3	10
Всего	31	42	38

Вопросъ о минеральномъ богатствѣ Нань-шаня до сихъ поръ еще мало разработанъ. Въ изслѣдованной части горной системы добываніе золота производится въ трехъ мѣстахъ: 1) въ 20-ти верстахъ къ востоку, отъ ключа «Благодатнаго», по сѣвернымъ предгорьямъ хребта Гумбольдта; 2) на верховьи р. Шара-голджинъ, при урочищѣ Хуйтунъ, и 3) на верховьяхъ Тэтунга. Въ самыхъ широкихъ размѣрахъ разработка нѣдръ земныхъ происходитъ на Тэтунгѣ. Вездѣ въ указанныхъ мѣстахъ золотопромышленники китайцы.

Что же касается населенія Нань-шаня, то въ немъ обитаютъ одни лишь номады (1). На сѣверѣ живутъ монголы, пришедшіе изъ Халхи и Карашара, на востокѣ—тангуты, на югѣ и западѣ—коренные монголы Курлыка. Внутренность же страны представляетъ полное безлюдіе.

Отъ ключа Да-чуань мы направились наперерѣзъ уже дважды пройденной долины, залегавшей между передовой оградой Нань-шаня и его главнымъ хребтомъ. Въ серединѣ долины расположились бивакомъ при заходящемъ солнцѣ, которое своими лучами освѣщало урочище Бешь-булакъ (пять ключей), расположенное по южную сторону передоваго горнаго кряжа. Чрезъ это урочище, по словамъ монголовъ, существуетъ прямое сообщеніе съ оазисомъ Са-чжоу. Еще переходъ—и мы у окраины горъ. Слѣдуя западными отрогами передовой ограды, прорванной рѣкою Данъ-хэ, караванъ, на шестой день по выступленіи изъ Са-чжоу, достигъ ключа «Благодатнаго», гдѣ 15 лѣтъ тому назадъ красовался бивакъ экспедиціи П. М. Пржевальскаго. Здѣсь же, въ прохладѣ, расположилась и наша экспедиція почти на мѣсяцъ. Отсюда же намѣчены и первые разъѣзды. Мѣстные кочевники встрѣтили насъ радушно и предложили свои услуги въ качествѣ проводниковъ.

Горная флора только что начала развиваться, благодаря выпадавшимъ время отъ времени дождямъ. Воздухъ прозраченъ. Хребетъ Гумбольдта часто видѣнъ во всей красѣ.

20-го мая В. И. Роборовскій уѣхалъ въ разъѣздъ въ южномъ направленіи. Днемъ раньше отправлены были двое казаковъ въ Са-чжоу для доставки сюда оставленнаго продовольствія. Послѣднее обстоятельство задержало меня на мѣстѣ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ я ознакомился съ окрестными горами, совершая охотничьи экскурсіи или вблизи бивака, или же уѣзжая за нѣсколько верстъ, съ ночевкою въ горахъ. Особенно манилъ меня къ себѣ здѣшній большой *улларъ*, еще не добытый никѣмъ. Замѣчательно были занимательны охоты на этихъ интересныхъ птицъ.

Чуть забрезжитъ заря, какъ уже въ альпійскомъ поясѣ пробуждаются голоса мелкихъ пташекъ; высоко надъ нами въ скалахъ прозвучитъ альпійская клушица (Pyrrhocorax alpinus), въ среднемъ же поясѣ горъ хрипло отзовется сифальская куропатка; въ то же самое время отзовется звонкій свистъ желаннаго уллара. Тѣмъ временемъ, проглотивъ чашку горячаго чая, мы (1) уже идемъ на охоту. Обыкновенно, заблаговременно, намѣчался путь каждому охотнику, а также указывалась та общая вершина горъ, которая должна служить сборнымъ пунктомъ. Вотъ слѣва громко пронеслось раскатами эхо выстрѣла сосѣда; съ учащеннымъ крикомъ летятъ уллары на противоположную сторону ущелья. А здѣсь, съ замирающимъ сердцемъ, прижавшись къ скалѣ, ждешь невиданныхъ птицъ. Послѣднія, перелетѣвъ ущелье, спускаются на скатъ и быстро бѣгутъ вверхъ. Съ трепетомъ спускаешь курокъ, а затѣмъ любуешься катящейся по лугу убитой птицей. Стайка улларовъ снова перемѣщается на прежнее мѣсто, гдѣ, въ свою очередь, зорко слѣдитъ за нею охотникъ. Между тѣмъ, другой стрѣлокъ, справа, поднялъ новое стадо улларовъ. Выстрѣлы создаютъ немалую суматоху среди перпатыхъ обитателей горъ. Теперь они со страха, не разбирая человѣка, если только не двигаться, опускаются или бѣгутъ совсѣмъ по близости и, конечно, попадаютъ подъ мѣткій выстрѣлъ.

Ходьба въ горахъ даетъ себя чувствовать: взошедшее солнце жжетъ сильно. Голоса напуганныхъ птицъ раздаются рѣже и рѣже. Пора и къ биваку... На высокой ступени, ведущей къ небу, хорошо и свободно чувствуется. Внизъ ушелъ лабиринтъ горъ, переплетенный ущельями; по главному изъ нихъ сверкаютъ прозрачныя воды. Вдаль, къ востоку, по широко открытой долинѣ, вьется лента Данъ-хэ. А на югѣ стоитъ точно могучій стражъ хребетъ Гумбольдта, увѣнчанный ярко блестящими льдами. Не такъ легко разстаться съ дивной панорамой горъ—этой живой картиной природы... Покидая вершины горъ, еще разъ стараешься взглянуть по сторонамъ и еще сильнѣе запечатлѣть неподражаемую картину съ могучими перпатыми, пролетающими дозоромъ или описывающими круги въ лазурной вышинѣ неба...

(1) Культура проникла за передовую ограду лишь въ одномъ мѣстѣ (сел. Чанъ-ма въ долинѣ Сулэй-хэ, лежащее на 7,000 фут. абс. выс.).

(1) Для охоты за улларами я всегда бралъ съ собою одного или двухъ стрѣлковъ.

Чрезъ недѣлю, наконецъ, прибыли посланные въ Са-чжоу. Продовольствіе доставили исправно. Въ оазисѣ, по словамъ казаковъ, жара настала ужасная. Верблюды на пастьбѣ ходили мокрыми. Китайцы по цѣлымъ днямъ валялись въ арыкахъ.

26-го мая я покинулъ бивакъ. Меня сопровождаютъ урядникъ Жаркой и проводникъ-монголъ. Мы всѣ были верхомъ и имѣли два вьюка на лошади. Програма рекогносцировки заключалась въ пересѣченіи хребта Дасюёшаня и передовой ограды и въ обслѣдованіи западной оконечности долины, заключенной въ этихъ горахъ. Переваливъ обратно чрезъ Дасюёшань нѣсколько восточнѣе, я намѣревался затѣмъ пересѣчь долину р. Эма-хэ и ограничивающій ее на югѣ хребетъ Буруту-курунъ-ула. Рѣкою Данъ-хэ я возвращался на покинутый бивакъ.

Слѣдуя первоначально къ востоку, мы въ первый же день достигли по рѣкѣ Данъ-хэ ея праваго притока—*Эма-хэ*. Отсюда, вверхъ, главная рѣка круто изломилась на юго-востокъ, отдѣлял хребетъ Буруту-курунъ-ула отъ системы хребта Гумбольдта. Мѣсто нашей стоянки изобиловало ключами, дававшими прозрачную воду, которая струилась среди мягкой травянистой зелени. Кругомъ виднѣлись юрты кочевниковъ и ихъ многочисленныя стада барановъ.

На другой день съ утра поднялся сильнѣйшій западный вѣтеръ, несшій въ воздухѣ густую пыль. По сторонамъ, надъ сосѣдними горами, скопились тучи, разряжаясь въ нижнемъ поясѣ дождемъ, а въ верхнемъ—снѣгомъ. Холодъ насталъ ощутительный. Рѣка Эма-хэ, по которой мы слѣдовали нѣсколько верстъ, была совершенно лишена воды. Протяженіе каменистаго, круто падающаго русла около 200 верстъ. Рѣка зарождается отъ снѣговыхъ полей южнаго склона хребта Дасюёшаня, гдѣ теперь царилъ еще холодъ. Въ своемъ верховьи рѣка мѣняетъ восточное направленіе на юго-восточное. Долина Эма-хэ простирается въ ширину до 10 верстъ, и лишь въ среднемъ теченіи отрогами горъ съуживается, оставляя только мѣсто для ложа рѣки. Отъ сѣверныхъ горъ часто пересѣкаютъ долину сухія русла потоковъ, отъ Буруту-курунъ-ула—гораздо рѣже. Общій видъ долины Эма-хэ крайне печальный, какъ и южнаго хребта, окрашеннаго въ грязно-сѣрый цвѣтъ и отличавшагося полной безжизненностью. Растительность долины состояла изъ тѣхъ низкорослыхъ кустарниковъ, которые такъ характерно одѣваютъ покатыя равнины, залегающія у подножія хребтовъ. Что же касается животной жизни, то, сверхъ ожиданія, мы здѣсь встрѣчали очень часто табуны хулановъ.

Пройдя долину въ поперечномъ направленіи, мы достигли южнаго подножія хребта Дасюёшаня, или, какъ онъ зовется въ этой части, Кашикаринъ-ула. Еще издали мы были обрадованы видомъ мягкихъ лужаекъ, раскиданныхъ по дну ущелій и ихъ боковымъ скатамъ. Одна изъ глубоко врѣзанныхъ въ конгломератовую почву балокъ привела насъ въ ущелье Ню-чжуань. По немъ струился жалкій ручеекъ, изсякал при выходѣ изъ горъ. Узкое каменистое ущелье давало у себя пріютъ мелкимъ птичкамъ и бабочкамъ. Тѣ и другія весело носились въ воздухѣ. Вьюрки, подобно жаворонкамъ, поднявшись въ высь, парили у скалъ, громко разнося свою пѣсню; затѣмъ быстро опускались внизъ или усаживались на ближайшій утесъ. Вдали по горамъ пробѣжало стадо аргали. Поднявшись къ подножію перевала, мы на луговой площадкѣ разбили свой маленькій бивакъ. Въ сосѣдней разсѣлинѣ горъ паслось въ это время небольшое стадо дикихъ яковъ. Звѣри, зачуявъ насъ, быстро понеслись по откосу розсыпей и вскорѣ скрылись отъ взора. Это были первые дикіе яки, видѣнные мною въ пынѣшнее путешествіе.

Подъ вечеръ, когда я еще сидѣлъ за дневникомъ, гулко раздались выстрѣлы въ сосѣднихъ горахъ, куда отправился мой спутникъ Жаркой. Учащенная пальба давала знать, что дѣло происходитъ съ немалымъ звѣремъ. Быстро выскочивъ изъ палатки, я зорко сталъ слѣдить въ направленіи долетавшихъ звуковъ, держа въ рукахъ ружье Бердана. Спѣющій дымъ выстрѣловъ выдалъ скоро роковое мѣсто. Вдругъ рѣзко обрисовалась огромная фигура дикаго яка. Онъ остановился на выступѣ скалъ и всматривался въ нашъ бивакъ. Затѣмъ, махнувъ хвостомъ, звѣрь, съ удивительной ловкостью пустился внизъ, перескочилъ чрезъ горный ручей, какъ серна, и легкой рысью побѣжалъ вверхъ по откосу горъ. Въ этотъ промежутокъ я успѣлъ выстрѣлить четыре раза. Послѣдній уложилъ яка на мѣстѣ, случайно задѣвъ мозгъ. Шкура убитаго экземпляра оказалась отличной и попала въ нашу колекцію. Долго мы провозились съ обдираніемъ. Детальную же чистку производили на слѣдующій день, вслѣдствіе чего пришлось выступать въ 12 часовъ.

....Дивно-хорошо раннее утро въ горахъ. Дневное свѣтило осыпало своими лучами вершины горъ. Пѣвчія пташки пробудились и одна за другой стали нарушать царившее безмолвіе. Уллары засвистѣли; каменные голуби заворковали бородачъ-ягнятникъ съ крикомъ отправился въ поиски за добычей. А внизу по луговымъ скатамъ рѣзвятся бабочки...

Покончивъ препарированіе дикаго яка и быстро завьючивъ лошадей, мы начали подниматься на перевалъ *Ню-чжуань*. На днѣ ущелья лежалъ еще ледъ, среди котораго проложилъ себѣ дорогу горный ручей. До высшей точки перевала оказалось три версты. Абсолютная высота Ню-чжуаня опредѣлилась точкою кипѣнія воды въ 12,700 футовъ. Высота сосѣднихъ вершинъ превосходила послѣдній футъ на 390 ф., не больше. Въ общемъ характеръ хребта мягкій; отъ вершины гребня сбѣгаютъ луговые увалы на оба склона, скалъ мало; розсыпей также. Ширина хребта въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы его пересѣкли, не превышала 12 верстъ. Подъемъ и спускъ были удобные. Измѣряя высоту перевала, мы въ то же время наблюдали и за грифами, какъ они съ страшной высоты, гдѣ видѣлись мелькающими точками, бросались съ невѣроятной быстротой на трупъ оставленнаго нами дикаго яка. Воображаю, какой пиръ происходилъ тамъ у могучихъ пернатыхъ и сколько перьевъ разлетѣлось по сторонамъ въ борьбѣ за добычу!

Спустившись въ междугорную долину, которая невдалекѣ на западѣ замыкается горнымъ узломъ передовой ограды и пройденнымъ хребтомъ, мы къ вечеру достигли ключа *Да-чуань*. Этотъ ключъ выбѣгаетъ у южнаго подножія передовой ограды и орошаетъ значительную луговую площадь. Чрезъ это же урочище проходитъ дорога отъ выселка халхасцевъ въ г. Са-чжоу. Направляясь далѣе на востокъ долиною, я рѣшилъ вьюки и урядника Жаркова оставить въ Да-чуанѣ, самъ же, налегкѣ, съ однимъ проводникомъ поѣхалъ на слѣдующій день къ устью ущелья *Хунъ-люшя*, чтобы прослѣдить передовую ограду по всей ея ширинѣ и связать съемку настоящаго разъѣзда съ моей весенней ра-

ротой. Разстояніе между этими пунктами простирается до 20 верстъ. Направленіе ущелья сѣверо-западное. Передовая ограда состоитъ изъ двухъ горныхъ цѣпей, между которыми лежатъ сухія каменистыя русла, соединяющіяся съ главнымъ. Послѣднее было также вначалѣ безводно, но вскорѣ, вслѣдствіе обильныхъ ключей, въ немъ появилась водная струя до 1½ саж. шириною, при полуфутовой глубинѣ. Быстро катящаяся влага была чиста какъ кристалъ и мѣстами сопровождалась растительной полосой. Изъ кустарниковъ были замѣчены: тамариск, ширикарія, хармыкъ и курильскій чай. Травянистой растительности всего больше встрѣчалось въ мѣстахъ выхода ключей, гдѣ преобладающими видами являлись: осока, мхи, одуванчикъ, нѣсколько видовъ бобовыхъ, дырисунъ и камышъ. На обширной луговой площади, залегавшей при устьѣ ущелья, стояло, разбросанно, нѣсколько деревьевъ тополя, пріятно шелестѣвшихъ своими кругловатыми листьями. Еще рѣже тѣснились у скалъ кусты лозы; а изъ травянистыхъ прибавилась лебеда, густо поросшая на мѣстахъ прежнихъ стойбищъ. Звѣрей по пути не встрѣчали совсѣмъ. Изъ птицъ же, кромѣ парящихъ въ высотѣ грифовъ, впервые замѣтили краснокрылаго стѣнолаза (Tichodroma muraria), котораго безпокоила горная ласточка (Cotile rupestris), прогоняя со скалъ. По луговымъ площадямъ ущелья носились бабочки, стрекозы, мухи, отъ которыхъ въ воздухѣ стояло громкое жужжаніе. Словомъ, передовая ограда Нанъ-шаня, находясь подъ теплымъ вѣяніемъ сосѣдней пустыни, значительно опередила въ развитіи органической жизни болѣе удаленные хребты.

Покинувъ уроч. Да-чуань, мы направились къ востоку, по долинѣ, которая въ этой части несла характеръ холмистаго плато. Чрезъ 10 верстъ достигли главнаго узла холмовъ, откуда, точно съ перевала, открывался широкій горизонтъ. Долина, по которой мы слѣдовали, уходила на 150 верстъ на востокъ, гдѣ граничила рѣкою Сулэй-хэ. На юго-востокѣ блестѣли льды Дасюёшаня. На сѣверо-сѣверо-востокѣ тянулись окрайнія горы, которыя неподалеку прорваны рѣкою Шибочинъ, вскорѣ послѣ впаденія въ нее слѣва Шибэнъ-дунъ-гола. Къ истокамъ этой послѣдней мы теперь и направились. Не найдя кочевниковъ въ уроч. *Шибэнъ-дунъ*, пришлось идти до слѣдующаго воднаго ущелья *Чанъ-ту-сэръ*, сдѣлавъ въ этотъ день 40 верстный переходъ.

Благодаря прозрачности воздуха, долина, посѣщенная нами вторично, открывалась цѣликомъ нашимъ взорамъ. На сѣверѣ, чрезъ указанный прорывъ горъ, легко можно было узнать не только хребетъ Шишаку-сань, но даже и восточное продолженіе пустынныхъ горъ Курукъ-тагъ, замыкавшихъ горизонтъ. Подобное явленіе—прозрачность атмосферы—обусловливалось дождемъ, лившимъ нѣсколько дней кряду. Однако, растительность, обильная въ южной части, издали еще отливала прежней желтизной. Тѣмъ не менѣе, кочевники встрѣчались уже въ этомъ поясѣ на 10,000 фут. абсолютной высоты. Ихъ многочисленныя стада могли пастись на свѣжемъ весеннемъ корму.

Первые номады, которыхъ мы теперь встрѣтили, были карашарскіе монголы, пришедшіе сюда изъ Цаганъ-тюнге 11 лѣтъ тому назадъ. Здѣшніе обитатели занимаются исключительно скотоводствомъ, успѣшно разводя барановъ, лошадей, верблюдовъ и рогатый скотъ; домашнихъ яковъ здѣсь не держатъ. Женщины, по обыкновенію, присматриваютъ за хозяйствомъ, и нерѣдко пасутъ стада. Мужчины же или совсѣмъ бездѣльничаютъ, или проводятъ время на охотѣ въ сосѣдней мѣстности. На мой вопросъ къ монголамъ: «Гдѣ живется лучше»?—они отвѣчали такъ: «Хотя покинутыя нами мѣста привольнѣе, но здѣсь намъ чувствуется свободнѣе—нѣтъ начальства: податей не платимъ, повинностей не отбываемъ; китайское начальство насъ не притѣсняетъ. Что же касается жителей ближайшаго селенія Чапъ-ма, то они отправляютъ въ наши стада своихъ животныхъ, облизывая насъ пасти и присматривать за ихъ скотомъ. Вотъ все, что мы даемъ за право кочевокъ». Раіонъ послѣднихъ не выходитъ изъ указанной выше долины. Такимъ образомъ, монголы халхаскіе (1) и карашарскіе кочуютъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Лѣтомъ проводятъ время въ южной части долины; зимой въ сѣверной, прячась въ ущельяхъ горъ. И тѣ, и другіе переселенцы живутъ, сохраняя обычаи, завѣщанные родиной: держатся изолировано, брачными узами между собою не связываются; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не было ни одного случая.

Отсюда мы должны были повернуть къ юго-западу и снова перевалить хребетъ Кашикаринъ-ула, у южнаго подножія котораго стояли теперь. Путь пролегалъ по луговой мѣстности. Вдали отъ кочевниковъ бродили антилопы-ада; пищуха появилась во множествѣ. Изъ незамѣченныхъ раньше птицъ въ этой долинѣ прибавились тибетскіе бульдуруки, которые по утрамъ громко кричали, перелетая небольшими стайками.

Вскорѣ за Шибэнъ-дупомъ лежалъ перевалъ *Дзёре-норинъ-дабанъ*, съ вершины котораго открылся видъ на озеро того же названія. Высота этого весьма удобнаго перевала по гипсотермометру около 12,000 футовъ. Спускаясь съ перевала въ котловину горнаго озера *Дзёре-норъ*, мы замѣтили на западномъ берегу послѣдняго порядочное стадо дикихъ яковъ. Въ бинокль отлично виднѣлись маленькіе ячата. Въ ближайшихъ скалахъ, среди скудныхъ лужаекъ, паслись куку-яманы.

Горное озеро Дзёре-норъ, на берегу котораго былъ разбитъ нашъ бивакъ, немногимъ ниже перевала и представляетъ собою чашу, наполненную горько-соленой водой. Кашикаринъ-ула въ этомъ мѣстѣ состоитъ изъ двухъ горныхъ хребтовъ, между которыми на плато и находится Дзёре-норъ. Послѣднее, протянувшись съ сѣверо-востока на юго-западъ, имѣетъ одну версту длины и полверсты ширины. Глубина незначительная. Лѣтомъ выпадающая влага значительно увеличиваетъ водную гладь, и, наоборотъ, въ холодное время года размѣры озера сокращаются. Цвѣтъ прозрачныхъ водъ также мѣняется въ зависимости отъ освѣщенія солнца и окраски ближайшихъ горъ. На поверхности озера держались турманы; одна хлопотливая чета уже была съ молодыми. Часто проносились изъ стороны въ сторону зуйки. Растительность по берегамъ состояла изъ низкорослой осоки, которою питались дикіе яки.

Погода на этой высотѣ стояла плохая: все время дули западные вѣтры, солнце показывалось рѣдко, нѣсколько разъ въ теченіе дня падала снѣжная крупа. Ночные морозы доходили до —7° С.—это 1-го іюня! На другой день мы оставили озеро. Обогнувъ на югѣ горный кряжъ, мы опять вступили въ подобную долину; здѣсь залегало русло рѣки, питающей

(1) О нихъ было говорено въ предъидущихъ письмахъ.

озеро Дзёре-норъ. Слѣдуя къ западу, мы вскорѣ достигли другаго перевала, уже въ южномъ хребтѣ. Этотъ западный перевалъ также носитъ названіе озера; высота его мало превосходитъ восточный. Отъ перевала внизъ сбѣгаетъ ущелье *Бе-ма-гоу*, того же характера, что и Ню-чжуанское. Въ среднемъ поясѣ горъ, на прекрасной лужайкѣ, мы расположились на продолжительный привалъ. Солнце пригрѣвало по лѣтнему.

Миновавъ перевалъ, мы вступили въ долину р. Эма-хэ. Въ это время по руслу неслась узкая лента воды, шириною до двухъ саженъ, едва прикрывая каменистое дно. На югѣ стоитъ хребетъ *Буруту-курунъ-ула*, передовые отроги котораго подходятъ къ лѣвому берегу Эма-хэ. Оставивъ послѣднюю, мы продолжали слѣдовать въ томъ же юго-восточномъ направленіи. Хребетъ Буруту-курунъ-ула перевалили въ самомъ высокомъ мѣстѣ по перевалу *Тулетэ-дабанъ*. Высшая точка его поднимается на 13,500 футовъ надъ уровнемъ океана. Высота сосѣднихъ куполообразныхъ вершинъ едва превышаетъ его на нѣсколько десятковъ футовъ. Подъемъ на перевалъ довольно крутой, но доступный. Спускъ же весьма затруднительный. Этотъ перевалъ (1) давно заброшенъ и прежнія тропинки смыты дождемъ. Въ силу этого обстоятельства, мы потратили 11 часовъ времени; разстояніе же до подошвы горъ равнялось тремъ верстамъ. Невзгодъ и лишеній перенесено немало. Въ этомъ ущельи было до семи тѣсninъ съ крутыми скалистыми боками. По ихъ уступамъ ниспадали каскады. Въ промежуткахъ между тѣсninами, по дну ущелья, навалена масса острыхъ камней; мѣстами залегали ихъ цѣлыя глыбы. Лошади двигались медленно; часто обрывались и засѣкали себѣ ноги. Одна лошадь покатилась внизъ и уцѣлѣла только благодаря молодечеству забайкальца. Вьюки то тащили на лошадяхъ, то на себѣ, то, наконецъ, спускали на веревкахъ. Во время нашего прохожденія часто съ различныхъ скатовъ падали камни, которые увлекались внизъ съ страшнымъ шумомъ; иные изъ нихъ свистѣли точно пули. Тяжело покачнется большой осколокъ гранита—будто жаль разстаться съ родной скалой, затѣмъ, повернувшись два-три раза въ воздухѣ, уже несется внизъ съ ужасающей быстротой. Истомленные въ конецъ, мы выбрались къ устью ущелья въ 6 часовъ вечера, покинувъ перевалъ въ 7 часовъ утра.

Въ сумерки мы разбили бивакъ въ высокой травѣ праваго берега Шара-гольджина (2). Голодныя лошади благодушествовали, отпущенныя на свободу. Вечеръ былъ тихій, ясный. Рѣка, серебрясь при блескѣ луннаго свѣта, плавно несла свои мутныя воды. Тихо было по всей долинѣ. Блеяніе стадъ кочевниковъ до насъ не доносилось. Лишь изрѣдка пролетятъ горные гуси или пропорхнетъ куликъ-красноножка.....

Ночь прошла незамѣтно. На утро, переправившись на лѣвый берегъ Шара-гольджина, мы двинулись внизъ по долинѣ. Направленіе теченія рѣки, параллельное хребтамъ, оріентировано съ юго-востока на сѣверо-западъ. Длина ея горнаго теченія около 300 верстъ. Рѣка имѣетъ чрезвычайно капризныя извилины. Ширина русла отъ 15 до 20 саженъ, при глубинѣ 3—4 фута. Вода мутная, желтая, вполнѣ оправдывающая монгольское названіе рѣки. Теченіе довольно быстрое, но очень плавное. Высота глинистыхъ береговъ въ этомъ мѣстѣ 1 футъ. Ширина долины около 10 верстъ. Ее ограничиваютъ: на сѣверѣ—Буруту-курунъ-ула, на югѣ—снѣговой хребетъ Гумбольдта. Здѣсь широко потянулась растительная полоса; мѣстами на ней пестрѣли обнаженныя глинистыя площади. Отъ хребта Гумбольдта довольно часто сбѣгали каменистыя русла, по которымъ струились прозрачныя воды. Таковъ, въ общихъ чертахъ, характеръ рѣки Шара-гольджинъ до прорыва горъ, за которыми она принимаетъ рѣку Эма-хэ. Въ прорывѣ горъ рѣка круто сворачиваетъ къ сѣверо-сѣверо-западу и здѣсь паденіе ея большое. По каменистому дну разбросаны крупные валуны. Вода неслась съ шумомъ, высокими перекатами. Къ вечеру уровень воды значительно повышался и мутный потокъ въ это время становился грознымъ.

Въ узкой долинѣ Шара-гольджина появились кустарники, которые по выходѣ изъ горъ становились пышнѣе и пышнѣе. Среди кустарниковъ открывались лужайки мягкой зелени, на которыхъ стояли юрты мѣстныхъ кочевниковъ. Въ горахъ, тѣснящихъ рѣку Шара-гольджинъ съ лѣваго берега, китайцы добываютъ золото. При выходѣ изъ горъ стоятъ развалины крѣпости, когда-то оберегавшей входъ на золотые пріиски.

На второй день слѣдованія рѣкою Шара-гольджинъ мы прибыли на ключъ «Благодатный». На стоянкѣ экспедиціоннаго каравана оказалось все благополучно. Наше отсутствіе продолжалось 11 дней; за этотъ промежутокъ времени пройдено съемкою 267 верстъ.

В. П. Роборовскій прибылъ на другой день, 6-го іюня; его *разъѣздъ обнялъ большое пространство*, причемъ сами собою намѣчались и дальнѣйшіе разъѣзды, которые будутъ предприняты послѣ перенесенія стоянки-базы въ урочище *Уланъ-булакъ*. Это послѣднее отстоитъ отъ ключа «Благодатнаго» на сто верстъ по направленію къ юго-востоку.

Передъ отходомъ въ урочище Уланъ-булакъ мы устроили общую поѣздку къ хребту Гумбольдта. Цѣль этой поѣздки заключалась, главнымъ образомъ, въ ознакомленіи съ альпійскимъ поясомъ горъ и пополненіемъ колекцій какъ зоологическихъ, такъ и ботаническихъ. Погода намъ вполнѣ благопріятствовала. Наша маленькая палатка стояла высоко, на превосходномъ альпійскомъ лугу. Другими словами, мы у самаго бивака успѣшно произвели свои наблюденія и сборы колекцій. Дышалось легко, свободно. Небо было ярко-синее. По его красивому фону плавали могучіе пернатые. Уллары учащенно голосили на сосѣднихъ горахъ. Бабочки-аполлоны перелетали съ цвѣтка на цвѣтокъ. Вблизи по скотамъ горъ свистѣли сурки. Отсюда же открывался широкій горизонтъ на сосѣднюю окрестность. Нашъ главный бивакъ, удаленный на 10 верстъ, отлично былъ видѣнъ. Юрты номадовъ были разбросаны по зеленѣющимъ площадкамъ. Поодаль отъ нихъ паслись стада, подъ присмотромъ пастуховъ. Только одни домашніе яки бродили по лугамъ, располагая полной свободой. Спустя полутора сутокъ, мы прибыли на главный бивакъ.

Такъ закончилось наше пребываніе на ключѣ «Благодатномъ», а также и экскурсіи въ его окрестностяхъ. 12-го іюня нашъ караванъ, состоящій изъ верблюдовъ и яковъ (1),

(1) Да его и легко миновать: стоитъ лишь взять десять верстъ восточнѣе. Нашъ же проводникъ видимо желалъ сократить путь.

(2) Шара-гольджинъ, т. е. желтая.

(1) Для опыта мы пріобрѣли этихъ животныхъ у сосѣднихъ монголовъ.

потянулся вверхъ по Шара-гольджину. Послѣ продолжительной стоянки, а отчасти и привычки довольно быстро подвигаться въ разъѣздахъ, намъ показалось движеніе съ большимъ караваномъ утомительнымъ, тѣмъ болѣе, что путь пролегалъ по знакомой мѣстности. Растительность, обмываемая дождемъ, выглядѣла лучше. Животная жизнь оставалась прежняя. Миновавъ тѣснину рѣки, мы пошли быстрѣе лѣвымъ ея берегомъ. Мѣстами залегали болотистыя площадки и небольшія озерки. Все это тонуло въ густой и высокой травянистой растительности. На третій день караванъ пришелъ къ характерному выступу хребта Буруту-курунъ-ула (1), гдѣ рѣка затѣйливо извивается по долинѣ. Съ вершины кряжа тутъ открывается отличный видъ на долину, въ особенности при заходящихъ лучахъ солнца. Незамѣтное движеніе водъ, блестящая зеркальная поверхность, плавающіе перпатые, кругомъ зеленѣющая трава—все въ суммѣ напоминало долину Бол. Юлдуса. Съ сосѣднихъ горъ долеталъ свистъ улларовъ.

Отсюда двумя небольшими переходами экспедиція прибыла въ Уланъ-булакъ. Караванъ расположился въ балкѣ, по дну которой неслись прозрачныя ключевыя воды, обрамленныя густою зеленью. На высотѣ 11,000 футовъ, обезпеченные отъ жаровъ и мучащихъ насѣкомыхъ, защищенные отъ сильныхъ вѣтровъ, мы чувствовали себя отлично. Пріятно было смотрѣть и на животныхъ, которыя въ прохладѣ замѣтно поправлялись. Бивакъ находился на высшемъ мѣстѣ, на самыхъ ключахъ. Палатки красиво выдѣлялись на фонѣ яркой зелени. Прозрачные ручьи тихо журчали, будучи скрыты подъ ковромъ цвѣтовъ, пестрѣвшимъ различными тонами красокъ. По временамъ прилетали мелкія пташки и совмѣстно съ бабочками держались нашего сосѣдства. Кочевниковъ подлѣ насъ не было. Отряду жилось прекрасно.

19-го іюня я разстался съ экспедиціонной семьей. Мой разъѣздъ былъ снаряженъ по примѣру минувшаго. По программѣ рекогносцировки предполагалось: къ сѣверу, на меридіанѣ Уланъ-булака, пересѣчь хребты Буруту-курунъ-ула и Дасюёшань; пройти сѣвернымъ подножіемъ послѣдняго до р. Сулэй-хэ (2). Затѣмъ, избрать новый путь для возвращенія.

Въ 11 час. утра мы были въ пути. Отличныя лошади быстро подвигались впередъ. Покатую отъ горъ равнину миновали незамѣтно. Тамъ довѣрчиво паслись табуны хулановъ и тихо прошло стадо аркаровъ (ovis sp.). Дальнѣйшій путь шелъ на перерѣзъ долины Шара-гольджина. Здѣсь рѣка дѣлится на семь рукавовъ; крайніе изъ нихъ удалены одинъ отъ другого на 10 верстъ; это разстояніе вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ ширину растительной полосы. Отъ частыхъ дождей рукава рѣки были переполнены грязною водой до уровня береговъ. Между рукавами, по зеленымъ площадямъ, разбросано много озерковъ съ прозрачною водой. Здѣсь держались плавающіе и голенастые перпатые; тѣ и другіе находятъ въ этой долинѣ отличное гнѣздѣніе и безопасное мѣсто отдыха на весеннихъ и осеннихъ перелетахъ. На болѣе широкихъ площадяхъ долины были набросаны отдѣльные барханы и гряды сыпучихъ песковъ. Преобладающіе вѣтры сдѣлали сѣверо-западный склонъ пологимъ, а обратный — крутымъ. Серповидные барханы имѣли 30 — 40 саж. въ длину и 3—4 саж. высоты. Гряды же песковъ тянулись до версты и болѣе. Благодаря опытности проводника, мы черезъ всѣ рукава переправились благополучно и имѣли ночевку у подножія горъ.

Вторымъ переходомъ мы пересѣкли хребетъ Буруту-курунъ-ула въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ значительно понижается. За этимъ пересѣченіемъ вступили въ долину р. Эма-хэ. Ширина водной полосы отъ 5 до 7 саженъ, при глубинѣ 2 ф. Долина рѣки въ этомъ мѣстѣ съужена близко подошедшими отрогами сосѣднихъ хребтовъ. Растительность ея бѣдная. Скудныя лужайки встрѣчались изрѣдка. Въ воздухѣ было свѣжо. По горамъ висѣли свинцовыя тучи. Только вечеромъ открылся широкій горизонтъ, когда проводникъ указалъ на проходы въ хребтѣ Дасюёшанѣ. Проходовъ было два, лежащихъ въ 10 верстахъ одинъ отъ другого; оба вели въ урочище *Кашкаръ*. Западный приходился ближе къ намъ; онъ носитъ названіе *Кашкарин-хойту-дабан*; восточный болѣе кружный и болѣе высокій называется *Кашкарин-урту-дабанъ*. Я рѣшилъ слѣдовать дальнимъ. Ночной морозъ сковалъ влажную землю; горные ручьи подернулись льдомъ. Взошедшее солнце скоро пригрѣло почву; размокшій глинистый слой затруднялъ движеніе животныхъ. Тѣмъ не менѣе, въ 9 часовъ утра мы были на перевалѣ. Подъемъ пологій, короткій, не превышаетъ 2 верстъ. Абсолютная высота перевала 12,000 футовъ. Сѣверный склонъ падаетъ круче и расплывается въ ширь на 12 верстъ. Растительность послѣдняго, по мѣрѣ пониженія, принимаетъ болѣе отрадную картину. Въ устьѣ ущелья при урочищѣ Кашкаръ мы остановились бивакомъ. Всѣ горные увалы отливали мягкой зеленью. Пріятно было смотрѣть на сосѣднія окрестности. Днемъ подувалъ сѣверо-западный вѣтеръ. Съ закатомъ солнца въ воздухѣ стихло, небесный сводъ сталъ чистъ и прозраченъ. Съ высокой вершины горъ, плавно, дугою, спустился орелъ, усѣвшись близъ своего гнѣзда на нижній утесъ. Заря погасла, но темно-голубому небу запискрились звѣзды, точно алмазы. Ночью все погрузилось въ дремоту; только изрѣдка отдаленный лай псовъ, оберегающихъ стада номадовъ, слышался среди почнаго безмолвія.

22-го іюня, слѣдуя къ востоку у подножія Дасюёшаня, мы вскорѣ достигли ущелья *Кунца-голъ*. Здѣсь кочевали халхаскіе монголы, въ числѣ которыхъ былъ нашъ бывшій проводникъ—Дорджеевъ. Съ послѣднимъ мы направились дальше къ р. Сулэй-хэ. Около десяти верстъ путь пролегалъ прежней дорогой весенняго разъѣзда, а затѣмъ отошелъ вправо. По луговому подножію горъ паслись стада барановъ, принадлежащихъ китайцамъ сел. Чанъ-мое. Въ одномъ изъ ущелій, гдѣ мы разбили бивакъ, скрытно кочевалъ халхасецъ. Завидя незнакомцевъ, онъ тотчасъ пришелъ къ намъ. Отъ проводника—своего собрата—онъ узналъ все, что его интересовало, и затѣмъ попросилъ меня къ себѣ въ гости. Обстановка его, какъ и всѣхъ видѣнныхъ мною монголовъ, бѣдная, грязная. Но номадъ свыкся съ этимъ; лучшаго не видѣлъ, не требуетъ и живетъ по своему счастливо. Водился бы только скотъ, ибо участь номада зависитъ вполнѣ отъ состоянія животныхъ. Монголъ живетъ только тамъ, гдѣ его скоту хорошо, и отъ вѣка привыкъ мириться со всѣми невзгодами. Онъ всю свою жизнь созерцаетъ одну и ту же картину, но за то дышетъ полной грудью. Вѣчно на конѣ, и безъ коня ни на шагъ. Бездѣлье развило привычку не сидѣть «дома», а

(1) На 10 верстъ восточнѣе нашего выхода изъ этихъ горъ.

(2) Слѣдованію по этой рѣкѣ вверхъ мѣшаютъ тѣснины.

разъѣзжать по гостямъ. Гостепріимство присуще всѣмъ монголамъ: зашедшаго человѣка стараются угостить всѣмъ, чѣмъ только располагаетъ хозяинъ.

На утро мы оставили монгола и перешли, держась подножія Дасюёшаня, на ключъ Мацзыгоу. На этомъ меридіанѣ намъ предстояло сдѣлать пересѣченіе сосѣдняго хребта. Рѣка же Сулэй-хэ еще отстояла къ востоку на цѣлый переходъ. Тогда я оставилъ вьюки и урядника Жаркова при Мацзыгоу, самъ же съ проводникомъ направился къ Сулэй-хэ. Безъ вьюковъ мы двигались значительно быстрѣе. Путь пролегалъ по срединѣ долины; подножіе хребта было усыпано камнями, вынесенными изъ горъ водою, въ мѣстѣ же нашего движенія тянулась луговая полоса. Здѣсь держалась антилопа-ада, антилопа-хара-сульта. По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ, мѣстность измѣнила свою физіономію. Луговыя площади окончились, начался каменисто-глинистый сай, одѣтый низкорослыми кустарниками, и мѣстность круто стала падать къ долинѣ рѣки, на которую мы въ 10 час. утра и прибыли. Здѣсь, на лѣвомъ берегу, при ключѣ *Нанъ-чуанъ* устроили трехчасовую стоянку. Высота Нанъ-чуаня 8,000 футъ. Рѣка Сулэй-хэ, прорвавъ сѣверную цѣпь Дасюёшаня, стремительно несется въ глубокой балкѣ; направленіе ея—съ юга на сѣверъ; ширина каменистаго ложа, по которому текло нѣсколько рукавовъ, около 100 саж.; вода грязная. Берега рѣки расположены терасовидными уступами въ два и три яруса. Пройденная нами долина замыкается горами; сѣверная цѣпь Дасюёшаня и передовая ограда сомкнулись. Пройдя ближайшія горы, обнаруживавшія полную безжизненность, отрадно было видѣть мягкую зелень ключа Нанъ-чуаня. Здѣсь лѣто напоминало о себѣ: термометръ въ 1 часъ дня въ тѣни показалъ + 27,1°C.

Въ 1 часъ дня мы покинули р. Сулэй-хэ, а въ 6 час. уже были на ключѣ *Мацзыгоу*. Всего въ этотъ день совершили 55 верстъ. Оставшійся на бивакѣ урядникъ добылъ въ колекцію около 50 экземпляровъ бабочекъ; между ними преобладающимъ видомъ былъ аполлонъ. Вечерняя прозрачность воздуха давала возможность ясно разсмотрѣть оазисъ Чанъ-ма, отстоящій къ сѣверу на 30 верстъ. Вѣроятно, отъ его пышной растительности попутный вѣтеръ приносилъ къ намъ ароматное благоуханіе.

Хребетъ Дасюёшань, пройденный нами за оба разъѣзда на протяженіи 175 верстъ, въ западной части не имѣетъ вѣчнаго снѣга. Лишь восточнѣе ущелья Кунца-голъ онъ круто поднимается въ высь и сіяетъ вѣчными снѣгами своихъ острокопечныхъ вершинъ. На послѣднемъ протяженіи хребетъ представляетъ иной, нежели раньше, характеръ. Прежде всего онъ стоитъ крутой стѣной, а не расплывается пологими луговыми скатами. Отдѣльныя вершины своею высотою значительно превосходятъ высоту общаго гребня. Хребетъ богатъ скалами, розсыпями. Съ его снѣговыхъ полей спускается много каменистыхъ руслъ. Большинство изъ нихъ стояло сухими. Вѣроятно, вслѣдствіе крутизны долины, вода, по выходѣ изъ горъ, скрывается подъ почву и лишь въ урочищѣ Шиху выходитъ обильными ключами. Воды Дасюёшаня частью питаютъ р. Сулэй-хэ, частью р. Шибочинъ.

Въ снѣговой своей части Дасюёшань доступенъ лишь по одному ущелью, которымъ мы и направились 26-го іюня. Оно насъ привело чрезъ 15 верстъ на перевалъ *Хуанъ-сэн-ку*. Направленіе ущелья вначалѣ было юго-западное; далѣе постепенно перешло въ юго-восточное. По обыкновенію, при устьѣ оно широко, до 100 саж., къ перевалу же съужено, до нѣсколькихъ десятковъ саженъ. По каменистому его дну неслось много воды, исчезнувшей при выходѣ изъ горъ. Ущелье особенно изобиловало камнями; даже скаты горъ сплошь покрыты этимъ продуктомъ разрушенія. По скуднымъ лужайкамъ, среди горныхъ скатовъ, кормились аркары. Въ ущельяхъ держались небольшія стада хулановъ, которые, замѣтивъ насъ, направились за перевалъ. Съ сосѣднихъ скалъ доносился крикъ тибетскихъ улларовъ; на днѣ ущелья ютились тибетскіе бульдуруки. У перевала перелетали съ мѣста на мѣсто стайки вьюрковъ; по сосѣдству съ ними держались одиночки-краснохвостки. Высота перевала Хуанъ-сэн-ку около 14,000 футовъ. Снѣговыя же, ярко блестящія вершины хребта много превосходятъ означенную высоту. На сѣверный склонъ спускались ледники до 13,000 футовъ; тогда какъ на южномъ нижній предѣлъ ихъ находится значительно выше. Въ обоихъ случаяхъ ледники были покрыты совсѣмъ бѣлымъ снѣгомъ, на которомъ виднѣлись морены. Перевалъ Хуанъ-сэн-ку вмѣстѣ съ тѣмъ и горный узелъ. Здѣсь Дасюёшань характерно дѣлится на два снѣговыхъ хребта—сѣверный и южный. Тотъ и другой далеко уходятъ къ юго-востоку, оставляя между собою узкую долину. По этой долинѣ несутся воды къ Сулэй-хэ, по которой мы разсчитывали подняться вверхъ. Долина круто падаетъ, въ особенности въ началѣ. По луговымъ площадямъ ея паслось много дикихъ яковъ и хулановъ. Пройдя 35 верстъ этой долиной, мы были окончательно заперты тѣснинной, по которой можетъ двигаться только одинъ человѣкъ, притомъ мѣстами лишь бокомъ. *Послѣ многихъ тяжелыхъ и безплодныхъ попытокъ* пробраться какъ нибудь къ Сулэй-хэ, пришлось отказаться отъ этого предпріятія и повернуть обратно.

Вотъ болѣе полная характеристика долины-ущелья, которое мы теперь покидали. На протяженіи 35 верстъ абсолютная высота его падала съ 14 на 9 тысячъ футовъ. Въ каменисто-глинистой почвѣ ущелья рѣчное ложе было врѣзано очень глубоко. Второстепенныя боковыя ущелья несутъ свои ручьи, обогащая главное, уровень котораго въ 10 час. утра поднимался до двухъ аршинъ. По мѣрѣ паденія внизъ, отвѣсныя щеки балки сближаются. По дну довольно часто встрѣчаются выступы скалъ, образующіе тѣснины, а въ конгломератовой почвѣ были нерѣдки и естественные тонели. По сторонамъ ущелья красиво ниспадали пѣнящіяся воды изъ мрачныхъ гротовъ; тогда какъ на днѣ его съ шумомъ вырывались минеральные источники. Вблизи ложа боковыя терасы встрѣчались лишь изрѣдка. Растительность, ихъ покрывающая, кустарная и травянистая. Главная же тераса, откуда обрывается балка, покрыта роскошными травами. Выше ихъ слѣдуютъ розсыпи и скалы сосѣднихъ снѣговыхъ цѣпей. Вотъ въ какихъ трудно-доступныхъ мѣстахъ обитаетъ бѣломордый маралъ, котораго мы одинъ разъ только и видѣли.

Итакъ, пришлось двигаться обратно. Снова то поднимались вверхъ по откосамъ, то спускались въ глубину балки. Изрѣдка балка расширится, приметъ болѣе мягкій характеръ, затѣмъ опять тѣснина или сводчатый тонель, по дну котораго съ шумомъ бѣжитъ потокъ. Въ глубинѣ балки было тепло, у подножія же перевала мы встрѣтили порядочный морозъ. Мы находились въ пути по обыкновенію до восхода солнца, которое такъ лѣниво движется въ горахъ. Сначала золотятся

только вершины, потомъ скаты, а затѣмъ уже лучи коснутся и самаго ущелья. Къ этому времени горная жизнь пробуждена. Грифы парятъ и кружатъ у скалъ; мелкія пташки хлопочатъ съ птенцами; изъ разсѣлинъ бредутъ на долину дикіе яки и хуланы. Первые, завидѣвъ людей, быстро мчатся на уходъ; вторые съ любопытствомъ осматриваютъ проходящій караванъ. Въ созерцаніи природы время бѣжитъ быстро, незамѣтно. Въ 8 час. мы уже на перевалѣ, подъемъ и спускъ котораго не особенно круты. Этимъ и двумя слѣдующими переходами мы вернулись къ ущелью Кунца-голъ.

Отсюда я сдѣлалъ новыя пересѣченія Дасюёшаня и Буруту-курунъ-ула. Ущелье Кунца-голъ чрезъ 18 верстъ привело на перевалъ того же имени. Высота перевала простирается до 12,000 футъ надъ морскимъ уровнемъ. Подъемъ отличный. Общій характеръ ущелья Кунца-голъ совершенно одинаковъ съ остальными, пройденными нами западнѣе. Спускъ съ перевала незамѣтный. Высота долины р. Эма-хэ немногимъ ниже перевала. Растительная и животная жизнь тѣ же, что и прежде. Рѣка Эма-хэ неслась нѣсколькими рукавами. Ея истоки еще удалены къ востоку на 75 верстъ, гдѣ открывается широкая долина. На западѣ же долина Эма-хэ временно съуживается. Миновавъ долину, мы были у подножія слѣдующаго хребта, чрезъ который ведутъ два перевала, *Пинъ-дабанъ* и *Дабасонъ-дабанъ*, оба въ долину Шара-гольджина. Мы направились послѣднимъ, который находится западнѣе и превышаетъ морской уровень на 13,500 футовъ. Въ означенномъ пересѣченіи Буруту-курунъ-ула состоитъ изъ нѣсколькихъ переплетенныхъ между собой хребтовъ. Ширина его достигаетъ до 30 верстъ. Подъемъ и спускъ на перевалъ хорошіе. Въ другихъ отношеніяхъ хребетъ остается неизмѣннымъ. Курсъ нашего движенія былъ юго-западный. Въ долину Шара-гольджина мы вышли въ мѣстѣ прежней переправы. Уровень воды въ это время стоялъ ниже.

4-го іюля, чрезъ 16 дней отсутствія, мы были привѣтствуемы экспедиціей. За это время пройдено нами 452 вер. В. И. Роборовскій вернулся раньше на нѣсколько дней. Въ отрядѣ всѣ здоровы.

Теперь попытаемся представить общее состояніе погоды за періодъ рекогносцировки, которая обнимала мѣста, поднятыя надъ уровнемъ океана отъ 9 до 14,000 футъ, и заняла по времени послѣднюю треть іюня и первые дни іюля мѣсяца. Климатъ характеризуется ясною погодою; достаточно высокой температурой днемъ и низкой ночью; бѣдностью атмосферныхъ осадковъ; обиліемъ вѣтровъ въ долинахъ и сравнительнымъ затишьемъ въ горахъ.

Первые два дня небо было окутано облаками; воздухъ насыщенъ влагою. Въ долинахъ падалъ дождь; въ горахъ снѣгъ. По временамъ раздавались глухіе раскаты грома. Вѣтры дули юго-западные. Затѣмъ, наступила превосходная погода. На разсвѣтѣ небо было ясное или полуясное. Съ приближеніемъ къ полудню являлась облачность. Съ 10 час. утра начинался порывистый вѣтеръ, достигавшій къ 3 час. значительной напряженности. При безоблачномъ небѣ было очень тепло, въ особенности въ промежутки затишья. Стоило же только набѣжать кочевому облаку или разразиться порыву вѣтра, какъ температура значительно падала. Послѣ 3 час. снова состояніе погоды улучшалось; особенно былъ хорошъ вечеръ. Небо очищалось. Тонко-перистыя облака причудливо выдѣлялись на западѣ, гдѣ ихъ такъ красиво освѣщала погасавшая заря. Сумерки длились недолго. Небесный сводъ, унизанный звѣздами, словно алмазами, представлялъ великолѣпное зрѣлище по ночамъ, которыя были довольно свѣжи. Горные ручьи сковывались тонкимъ слоемъ льда. 2-го іюля сѣверный вѣтеръ принесъ тучи пыли.

Среднее показаніе термометра Цельзія таково: въ 7 час. утра + 5°, въ 1 часъ дня + 20° и въ 9 часовъ вечера + 10°.

8-го іюля экспедиція разсталась съ уроч. Уланъ-булакомъ, направилась долиною Шара-гольджина вверхъ къ юго-востоку и однимъ переходомъ достигла кочевій монголъ, расположенныхъ въ верхней части долины. Здѣсь пришлось устроить дневку, для того, чтобы обзавестись проводниками на слѣдующіе разъѣзды. Мѣстное начальство производило смотръ вооруженію и стрѣльбѣ монголовъ. Цѣлый день раздавались выстрѣлы. Только вечеромъ смотръ окончился, когда то же начальство прибыло къ намъ. Проводниковъ мы получили, и слѣдующими тремя переходами прибыли на урочище *Яматынъ-умру*. Означенное урочище отстоитъ отъ Уланъ-булака на 100 верстъ, и цѣлямъ нашимъ удовлетворяло. Только, будучи высоко поднято до 12,000 футъ надъ уровнемъ океана, порою давало себя чувствовать холодами. Долина верховья Шара-гольджина граничитъ на сѣверѣ южнымъ хребтомъ Дасюешаня; на югѣ продолженіемъ хребта Гумбольдта; съ запада же преграждается сходящимися отрогами двухъ главныхъ хребтовъ. Главная вѣтвь Шара-гольджина, *Хайтунъ-голъ*, несется отъ сѣверныхъ горъ, вливаясь въ общее ложе въ 20 верстахъ ниже Яматынъ-умру. Вблизи сліянія находятся золотые пріиски, разрабатываемые китайцами.

19-го іюля выпавшій снѣгъ задержалъ выступленіе разъѣзда до 21-го, когда покинулъ бивакъ В. И. Роборовскій, а на слѣдующій день отправился и я. Задача моей поѣздки заключалась въ обозрѣніи сѣверной горной системы и дальнѣйшемъ изслѣдованіи рѣки Сулэй-хэ.

Первоначальное направленіе движенія было сѣверо-восточное. На всемъ протяженіи перваго перехода приходилось то переваливать чрезъ горные увалы, то переправляться черезъ промежуточныя рѣчки, имѣвшія въ горахъ сѣверо-западное направленіе; по выходѣ же на равнину онѣ склонялись на юго-западъ, впадая въ главную вѣтвь рѣки. Всѣ горныя воды отличались прозрачностью и струились по каменистымъ, круто ниспадавшимъ ложамъ. Снѣговая цѣпь тянулась съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Ледники спускаются низко. Подъѣхать къ нхъ основанію не представляло большаго затрудненія. Отъ вѣчныхъ снѣговъ сбѣгаютъ лужайки. Вообще весь юго-западный склонъ горъ богатъ растительностью. Еще въ большей степени вниманіе наблюдателя поглощалось животной жизнью; куда бы ни обращался взоръ, вездѣ она проявляется въ той, или другой формѣ. По гребнямъ высокихъ увaловъ, тамъ и сямъ, виднѣлись дикіе яки; немногимъ по ниже бродили хуланы; на днѣ долинъ тѣ же звѣри предавались покормкѣ. Вблизи каравана быстро промчатся робкія антилопы; порою покажется сѣрый волкъ и украдкою исчезнетъ. Поднявшись на слѣдующій увалъ, глазамъ открывается подобная же картина; среди большихъ, темныхъ фигуръ яковъ мѣшковато поворачивается изъ стороны въ сторону косолапый представитель тибетскихъ высотъ медвѣдь-

пищухоѣдъ, откапывающій грызуновъ и ими питающійся. Въ виду того, что этотъ экземпляръ, встрѣтившійся намъ впервые, представлялъ большой интересъ, мы вдвоемъ къ нему направились и, соблюдая осторожность, приблизились до полусотни шаговъ, откуда двумя выстрѣлами уложили мишку. За слѣдующимъ уваломъ, на верховьи Хайтуна, мы разбили бивакъ.

Главная вѣтвь Шара-гольджина несла, въ этомъ мѣстѣ, довольно много воды, выбѣгая изъ могучихъ снѣговыхъ полей. Немного западнѣе, въ той же снѣговой цѣпи, виднѣлось значительное пониженіе; туда мы и направились (1) и къ 11 час. утра были на перевалѣ. Подъемъ отличный, но очень каменистъ. Высота перевала около 14,300 футовъ надъ уровнемъ океана. Вся даль переполнена громадами горъ. На сѣверо-сѣверо-востокѣ характерно выдѣляется сѣверный снѣговой хребетъ Дасюешаня. Южный хребетъ широко расплывается къ сѣверу, отодвигая теченіе рѣки въ эту сторону. Хребетъ въ пониженной части имѣетъ мягкій характеръ. Скалъ мало; сѣдловина усыпана осколками камней. Пониже, на обоихъ скатахъ, вскорѣ появляются скудныя лужайки; по мѣрѣ же опусканія внизъ, растительность становится богаче какъ видами, такъ и формами. Чрезъ 28 верстъ мы прибыли на одинъ изъ притоковъ Сулэй-хэ *Изаирмыкъ-голъ*. Онъ питается отъ обильныхъ снѣговъ южнаго хребта. По утрамъ и днемъ несетъ прозрачныя воды; вечеромъ же, увеличиваясь въ размѣрѣ, шумно бурлитъ мутными волнами. Протяженіе этого данника Сулэй-хэ занимаетъ около 40 верстъ. Вначалѣ онъ течетъ къ сѣверо-западу; затѣмъ постепенно, склоняясь къ сѣверо-востоку, вливается въ главную рѣку. Долина Цзаирмыкъ-гола узка и обставлена высокими отрогами горъ. Дно и скаты одѣты богатой растительностью.

Пройдя внизъ по этой долинѣ около десяти верстъ, мы ея оставили, свернувъ влѣво, куда уходила большая тропинка. Новый путь пролегалъ по горнымъ уваламъ и глубокимъ ущельямъ, сбѣгавшимъ отъ южной снѣговой цѣпи къ Сулэй-хэ. На всемъ слѣдованіи мѣстность представляла богатѣйшія пастбища. Съ вершинъ горъ раздавались голоса улларовъ, представителей Нань-шаня. Въ этой пересѣченной мѣстности движеніе каравана замедлялось. Сдѣлавъ переходъ въ 20 верстъ, мы остановились бивакомъ въ одной изъ глубокихъ балокъ. На слѣдующемъ переходѣ мѣстность несла тотъ же характеръ, что и наканунѣ. На луговыхъ площадяхъ кое-гдѣ сохранились слѣды стойбищъ тангутовъ. По словамъ нашего монгола, означенные кочевники, проживаютъ здѣсь въ зимнее время. Теперь же этотъ нетронутый уголокъ былъ тихимъ пристанищемъ звѣрей. Переваливая горные отроги мы часто поднимались на значительную высоту. Въ таковыхъ мѣстахъ порою невольно остановишься, чтобы оглянуться по сторонамъ. Вблизи горный пейсажъ представлялъ сочетаніе всевозможныхъ формъ. Къ югу, въ голубую высь, устремлены вершины блестящихъ льдовъ. Отъ ихъ основанія сбѣгаютъ розсыпи; еще ниже растительные увалы расплываясь въ широкіе площади луговыхъ ковровъ. По таковымъ мѣстамъ струятся ключевые источники вливаясь въ общую рѣчку, которая вырываетъ себѣ глубокое каменистое ложе. По немъ, изрѣдка, встрѣчаются террасы, одѣтые уже высокими кустами тала. Среди послѣдняго облепиха представляетъ непроницаемыя заросли. По галечнымъ мѣстамъ густо поросли тамариск и мирикарія. У подножія обрывовъ лепится курильскій чай сабельникъ и Calimeris sp., отливающій бѣлыми цвѣтами. Изъ травянистыхъ растеній замѣчены: горечавка, горная астра, Saussurea sp., лукъ, Astragalus sp., пчелка дырисунъ, дикая птеничка и нѣсколько видовъ злаковъ. Подъ сѣнью растительнаго царства ютятся животныя. Лисицы, зайцы и мелкіе грызуны. Изъ птицъ же: сорокопутъ, красный вьюрокъ, великолѣпно играющій на солнцѣ своимъ опереніемъ. Маленькія синички, пѣночки и славки-пересмѣшки—издавали громкое пищаніе. Далѣе слѣдуютъ краснохвостки, плисицы—бѣлыя и желтыя. По обрывамъ ютились кэкэлики и сипальскія куропатки. Десятки голосовъ указанныхъ птичекъ одновременно льются изъ подъ развѣсистыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Семьи маленькихъ пернатыхъ смѣло отдаются полной жизни: кормленію птенцовъ и обученію ихъ летать. Въ таковой балкѣ расположился нашъ бивакъ близъ р. Сулэй-хэ.

Общій характеръ послѣдней былъ таковъ. Рѣка бѣшено неслась въ дикомъ, глубокомъ и узкомъ ущельи. Направленіе ея было сѣверо-западное. Ширина одиночнаго каменнаго русла простирается отъ 20 до 25 саж. Глубина, по всей вѣроятности, изрядная. Цвѣтъ воды этого грознаго потока—кофейный. Выше береговыхъ тѣсninъ виднѣлись луговыя терасы. Двигаться по этой рѣкѣ нечего было и думать. Поэтому пришлось держаться верхняго пояса горъ и лишь по временамъ спускаться къ рѣкѣ.

Обильно выпавшій ночью дождь задержалъ наше выступленіе до 10 час. утра. Къ этому времени солнце значительно обогрѣло и высушило вьючныя принадлежности. Поднявшись изъ глубины балки и слѣдуя альпійскимъ поясомъ горъ, мы замѣтили ѣдущихъ впереди людей. Къ нимъ тотчасъ я послалъ монгола, чтобы остановить и распросить охотниковъ о мѣстности. Монголъ поѣхалъ, но сильно струсилъ, будучи увѣренъ, что это тангуты. Поэтому въ открытой долинѣ онъ смѣло скакалъ, но изъ-за вершинъ уваловъ выглядывалъ украдкою. Встрѣчные же люди оказались курлыкскими монголами, принимавшими насъ за тангутовъ и бѣжавшими отъ насъ. Видя скакавшаго къ нимъ человѣка, они, быстро поднявшись къ гребню горъ, спѣшились за хорошимъ укрытіемъ и зажгли фитили у ружей, чтобы успѣть отразить нападеніе. Тѣмъ временемъ нашъ монголъ узналъ въ «мнимыхъ тангутахъ» своихъ же родныхъ собратьевъ и съ радости громко закричалъ имъ. Кончилась эта исторія всеобщимъ смѣхомъ. Переконфуженные монголы явились къ намъ съ извиненіемъ. Ихъ лица выражали еще далеко неспокойное состояніе; голоса сильно дрожали. И только полчаса спустя охотники немного успокоились и разсказали причину своего пребыванія въ этихъ безлюдныхъ мѣстахъ. Они уже двѣ недѣли украдкой охотились за маралами; убивъ нѣсколько экземпляровъ, монголы направлялись къ дому въ Курлыкъ, чрезъ оз. Хара-норъ. «Сильно испугались мы, говорилъ мнѣ одинъ изъ этихъ монголовъ, думали остаться безъ ничего, да и это въ лучшемъ случаѣ; въ худшемъ—смерть». Этотъ же монголъ оказался хорошо знающимъ окрестности и охотно согласился ѣхать со мной дальше. Те-

(1) Надо замѣтить, что, на этотъ разъ, у меня былъ монголъ въ качествѣ работника, а не проводника, такъ какъ во вновь посѣщаемыя нами мѣста, изъ боязни къ тангутамъ, монголы никогда не заглядываютъ.

перь, по его выраженію, онъ ничего не боится, такъ какъ слѣдуетъ съ русскими. «А это такіе люди, которыхъ всѣ боятся. Тангуты только завидятъ, сейчасъ и удерутъ», говорилъ веселый охотникъ. Одежда и вооруженіе встрѣчныхъ монголовъ совершенно напоминали тангутовъ.

Слѣдуя совмѣстнымъ караваномъ, мы, чрезъ 1½ перехода, снова прибыли на р. Сулэй-хэ. Общій характеръ мѣстности оставался прежнимъ. Долина же Сулэй-хэ представляла иную картину. Здѣсь рѣка, вырвавшись на просторъ, катитъ свои мутныя воды въ широкомъ каменистомъ ложѣ нѣсколькими рукавами. Ширина долины простирается около 1 версты. Направленіе ея почти западное. По сторонамъ залегаютъ терасы, покрытыя растительностью и похожія на тѣ, которыя были описаны раньше. Наше слѣдованіе этой долиной продолжалось на одинъ переходъ въ 24 версты. Затѣмъ р. Сулэй-хэ круто уклоняется къ сѣверу, гдѣ сдавливается скалами. Пройдти внизъ нѣтъ никакой возможности. Сосѣднія горы бѣдны въ отношеніи растительности. Среди нихъ преобладаютъ красныя глины, и очень часты залежи сѣры. Въ недавнее прошлое при урочищѣ Халунъ-улу находились сѣрные рудники. Добываніемъ сѣры занимались китайцы сел. Чанъма. Нынѣ добываніе сѣры въ Халунъ-усу прекращено. Въ этомъ же мѣстѣ съ юга приходитъ ущелье Боронъ-голъ, которое ведетъ чрезъ перевалъ того же имени въ долину Шара-гольджина. Пройдя немного вверхъ по означенному ущелью, мы остановились бивакомъ. Мѣсто выдалось отличное. Наша палатка стояла въ тѣни высокихъ тальниковъ. Луговая растительность выглядѣла нетронутой и доставила нашимъ лошадямъ хорошій кормъ.

Отсюда мы могли указаннымъ переваломъ направиться къ уроч. Ямацынъ-умру, т. е. къ стоянкѣ экспедиціоннаго каравана. Проводникъ же предложилъ иную комбинацію; а именно, уклониться къ сѣверу въ такъ называемое звѣриное мѣсто, на что я охотно согласился, тѣмъ болѣе, что пересѣченіе южнаго хребта приходилось у зарожденія р. Эмахэ. Покинувъ Боронъ-голъ, мы двинулись на юго-западъ. Чрезъ нѣсколько верстъ, справа пришедшее, ущелье повело насъ въ урочище обитаемое звѣрями. Оно лежало у сѣвернаго подножія перевала. Къ полному удивленію проводника, мы звѣрей не встрѣтили. Тогда я рѣшилъ съѣздить налегкѣ съ однимъ лишь монголомъ въ урочище Цаганъ-Бурга-сутай, лежащее, къ сѣверу въ 11 верстахъ, въ глубокой балкѣ. Поѣздка мотивировалась двумя цѣлями: желаніемъ добыть марала и ознакомиться съ характеромъ мѣстности, Паденіе каменистаго ложа замѣчательно большое. Воды не было. По сторонамъ высились скалы. Звѣрей, исключая дикихъ яковъ, не видѣли совсѣмъ. Наконецъ, прибыли въ Цаганъ-Бурга-сутай. Эта балка глубоко врѣзана въ глинисто-каменистую почву. Направленіе ея съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Ущелье узко, извилисто, каменисто. Паденіе большое. По сторонамъ круто ниспадаютъ горы. По дну бѣжала небольшая рѣченка мутной воды. Истоки ея отъ мѣста нашего вступленія въ Цаганъ-Бурга-сутай находились въ 10 верстахъ. Означенная балка находится въ близкомъ сосѣдствѣ съ той, по которой въ минувшій разъѣздъ мы повернули обратно. Общій характеръ ихъ одинъ и тотъ же. На этомъ поѣздка и окончилась.

31-го іюля мы довольно рано поднялись на южный хребетъ Дасюешаня. Здѣсь онъ имѣетъ направленіе съ сѣвера-сѣвера-запада на югъ-юго-востокъ; кромѣ того лишенъ вѣчныхъ снѣговъ. Въ этой части Дасюешань представляетъ крутую стѣну. Выдающихся вершинъ не было; скалъ также; горы попрежнему несли разрушенный характеръ. Спускъ очень крутой. Зигзагами проложенная тропинка вывела насъ чрезъ слѣдующую невысокую ограду къ истоку р. Эмахэ. Эта рѣка зарождается небольшимъ ручейкомъ, и въ верхнемъ теченіи имѣетъ сѣверо-западное направленіе. Кругомъ лежитъ пустынное мѣсто. Кребетъ Буруту-курунъ-ула едва простираетъ свою оконечность къ подножію Дасюешаня.

Оставивъ истоки Эмахэ, мы уклонились на юго-востокъ, слѣдуя южной окраинной горъ. На подгорной покатости изрѣдка струились горные ручьи; по нимъ виднѣлась невзрачная растительность. Тѣмъ не менѣе вездѣ по такимъ мѣстамъ держались звѣри: дикіе яки, антилопы-ада и хуланы. Послѣдніе насъ часто забавляли играми и драками, свойственными любовному періоду. Въ этой же глинистой полосѣ обитало много пищухъ и были замѣчены слѣды здѣшняго медвѣдя. Пройдя въ этотъ день 27 верстъ, мы остановились бивакомъ на одномъ горномъ ручейкѣ. Съ вступленіемъ на большую высоту, въ долину, заключенную снѣговыми массивами, мы очутились снова въ области холодовъ и вѣтровъ. Тепло долины Сулэй-хэ и чудные вечера, озаренные луннымъ свѣтомъ, миновали какъ сонъ. Пѣнія птичекъ здѣсь уже не слышно. Вмѣсто яркопылавшихъ костровъ, едва теплящійся огонекъ аргала (1); взамѣнъ веселыхъ разговоровъ спутниковъ монголовъ — дрожаніе отъ холода. Но это не надолго.

1-го августа мы совершали послѣдній переходъ къ главному биваку. Направленіе пути было юго-восточное. Между отрогами бѣжали небольшія прозрачныя рѣчки. На половинѣ дороги переправились черезъ рѣру Хуйтупъ, которая текла въ широкомъ каменистомъ руслѣ. Паденіе ложа большое. Ширина свѣтлыхъ водъ рѣки 15 саж., при глубинѣ 2—3 фута. На всемъ пути мѣстность имѣла луговой характеръ. Повсюду кругомъ виднѣлись стада звѣрей.

Вблизи ключа, гдѣ стоялъ нашъ караванъ, мы встрѣтили своихъ пастуховъ-казаковъ. Отъ нихъ узнали, что на бивакѣ все благополучно. Чрезъ полчаса мы уже были подъ однимъ изъ бѣлыхъ шатровъ. Минувшій разъѣздъ потребовалъ 11 дней, причемъ исполнено 300 верстъ съемокъ. Маршрутъ представлялъ сомкнутую фигуру.

Теперь коснемся климатическихъ явленій за истекшій періодъ времени. Послѣдняя треть іюля частью проведена въ басейнѣ Шара-гольджина, частью въ басейнѣ Сулэй-хэ. Абсолютная высота мѣстности только однажды, гдѣ мы оставили Сулэй-хэ, ниспадала до 3,400 футовъ, въ остальномъ же раіонѣ она простиралась отъ 11 до 12 тысячъ футовъ. Погода почти за все время стояла ясная или полуясная. Вѣтры дули ежедневно, главнымъ образомъ, по направленію долинъ и ущелій; значительной напряженности достигали на большей высотѣ—вблизи вѣчныхъ снѣговъ. Дождь былъ однажды и шелъ всю ночь. Послѣдними двумя днями по утрамъ замѣчался густой туманъ, исчезавшій къ 10 часамъ. Лучшее состояніе погоды было въ долинѣ Сулэй-хэ, гдѣ преобладали ясные, тихіе и теплые дни. Показаніе термометра въ этой долинѣ: въ 7 час. утра +15,0°, въ 1 часъ дня +30,1° и въ 9 час. вечера +19,5° С.

---

(1) Пометъ звѣрей.

Затѣмъ началось ожиданіе пріѣзда В. И. Роборовскаго, и чѣмъ дальше, тѣмъ томительнѣе и томительнѣе. Онъ вернулся только 14-го августа. Ужасная непогода задержала его на нѣсколько дней и вѣроятно съ другими трудностями разъѣзда отозвалась на его здоровьи. Съ его пріѣздомъ мы стали готовиться въ дальнѣйшій путь, съ цѣлью перенести главный бивакъ на юго-юго-востокъ въ урочище *Горбанъ-ангыръ-голъ*.

Осенній отлетъ пернатыхъ надвигался все больше и больше.

18-го августа покидаемъ уроч. Яматынъ-умру. Роборовскій борется съ недугомъ. Пройдя по той же долинѣ вверхъ 10 верстъ, мы остановились съ тѣмъ, чтобы на завтра слѣдовать дальше. Но лишь только караванъ потянулся впередъ, какъ онъ сталъ себя дурно чувствовать. На первомъ кормномъ мѣстѣ, черезъ 5 верстъ, мы остановились бивакомъ. Простояли трое сутокъ. 22-го августа экспедиція сдѣлала 15 верстъ и расположилась на берегу озера *Ногонъ-нора*.

Означенное озеро лежитъ на высотѣ 13,000 фут. надъ морскимъ уровнемъ. Въ окружности имѣетъ до 15 верстъ. Берега его изрѣзаны заливами, вслѣдствіе чего озеро напоминаетъ собой треугольникъ. Басейнъ озера замкнутъ. Питаніе дается рѣчками, сбѣгавшими съ сосѣднихъ горъ. Песчано-глинистые берега озера частью низменные, частью возвышенные. Дно выложено галькой. Высокая волна свидѣтельствовала о порядочной глубинѣ. Вода прѣсная, чистая. Цвѣтъ водной глади довольно часто измѣняется въ зеленый, голубой, ультро-мариновый тоны. Плавающія птицы, чайки, словно поплавки колыхались на волнахъ. На поверхности водъ выступаютъ два острова. Окрестная мѣстность носитъ бѣдный характеръ. Скудная растительность была найдена только на южномъ берегу. Тамъ ютилось много голенастыхъ птицъ. Къ сѣверу и югу отъ озера виднѣются снѣговыя громады. На юго-востокѣ той же долины залегаетъ обширное озеро Хара-норъ.

Выйдя изъ Ногонъ-нора 22-го августа, въ четыре послѣдующихъ перехода экспедиція достигла урочища *Горбанъ-ангыръ-гола*. До этого послѣдняго отъ прошлой стоянки 117 верстъ. На пути пришлось сдѣлать пересѣченіе хребта Гумбольдта тамъ, гдѣ онъ временно значительно понижается, освобождаясь отъ вѣчнаго снѣга. Поднявшись на перевалъ, мы видѣли на югѣ характерные ледяные куполы хребта Риттера. Высшая точка перевала лежитъ на абсолютной высотѣ 14,500 футовъ. Направленіе хребта идетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Въ боковыхъ ущельяхъ виднѣлись ключевыя лужайки. Невдалекѣ къ востоку хребетъ Гумбольдта снова поднялся своими блестящими на солнцѣ вершинами. Сѣверный склонъ посылаетъ воды въ озеро Хараноръ, южный — въ Ара-голъ. Отъ хребта Гумбольдта мы слѣдовали водораздѣломъ рѣкъ Ара-голъ и Катынъ-голъ. Здѣсь залегаетъ волнистое плато, по которому разсыпаны небольшія озерки. По берегамъ озеръ зеленѣла растительность; бродили дикіе яки и антилопы-ада. По уваламъ, гдѣ изобиловали пищухи, часто попадались ихъ норы, разрытыя медвѣдями. Изъ птицъ нерѣдко наблюдались по близости тибетскіе бульдуруки; рѣже проносились въ вышинѣ хищныя птицы.

Погода за это время стояла въ общемъ порядочная. По утрамъ было ясно и тихо. Съ полдня всегда дули сильные вѣтры. Направленіе ихъ было согласно направленію долинъ восточное-западное. Съ этого же времени появлялась и облачность. Снѣговыя тучи убѣляли сосѣднія горы и долину. Ночи стояли, въ большинствѣ случаевъ, тихія и ясныя. По утрамъ иней серебрилъ земной покровъ. Температура спускалась ниже нуля до—10° С.

Съ 26-го августа экспедиція расположилась на правомъ берегу рѣки Ара-голъ. Ширина ея плёса простирается до 50 и болѣе саженъ. Дно галечное. По немъ извивалось нѣсколько рукавовъ прозрачной воды. Наибольшій рукавъ имѣлъ 10 саженъ ширины, при глубинѣ въ 1 футъ. Долина этой рѣки представляетъ отличныя пастбища. Кое-гдѣ по ущельямъ были замѣтны слѣды тангутскихъ пастбищъ.

Отсюда предстояло совершить послѣдніе разъѣзды по Нанъшаню. Урядникъ Жаркой былъ командированъ къ монголамъ, кочевавшимъ въ Южно-куку-норскихъ горахъ. Тамъ, по свѣдѣніямъ, находился опытный проводникъ. Посланный вскорѣ вернулся съ престарѣлымъ монголомъ, обязавшимся меня сопровождать.

1-го сентября разъѣздъ готовъ къ выступленію. По обыкновенію покидаемъ экспедиціонную семью въ 10 час. утра, послѣ обильнаго и вкуснаго завтрака. Отрядъ людей помогаетъ вьючить. «Готово!»—слышенъ голосъ моего спутника Жаркова, и мы въ пути. Програма послѣдняго разъѣзда довольно обширная. Пересѣчь хребетъ Гумбольдта, западнымъ берегомъ озера Хара-нора пробраться на верховье Сулэй-хэ, ознакомиться съ возвышеннымъ плато, дающимъ начало четыремъ рѣкамъ: на сѣверѣ Талай-голу, на востокѣ Тэтунгголу, на югѣ Бухайну и, наконецъ, на западѣ Сулэй-хэ. Обратно—по системѣ Бухайна вернуться къ восточному берегу Хара-нора и далѣе чрезъ хребетъ Гумбольдта на главный бивакъ.

Начальное движеніе сѣверо-восточное—по одному изъ ущелій, бѣжавшихъ отъ хребта Гумбольдта. Ущелье отличалось обиліемъ животной жизни. Растительная же, по мѣрѣ поднятія вверхъ, становилась бѣднѣе. Небо было ярко-синее. По его фону чудно вились снѣжные грифы и бѣлые сарычи; а въ серединѣ между тѣми и другими сѣткой мелькали красноклювыя клушицы, монотонно перекликаясь въ высотѣ. Внизу, подъ шумъ горной рѣчки, свистѣли сурки.

Пройдя 25 верстъ, достигли окраины горъ и здѣсь остановились ночевать. Маленькій караванъ ютился подъ нависшими скалами. Скоро мракъ окуталъ ущелья. Медленно поднялась луна и разлила свой свѣтъ. Воды рѣчки Шараголъ засеребрились, сверкая переливами. Настала торжественная тишина; все погрузилось въ сонъ....

На утро съ зарей мы снялись съ бивака. Поднимаемся на перевалъ Шара-голынъ-дабанъ. Подъемъ продолжался 11 верстъ, на всемъ пути удобный, лишь подъ самой вершиной его набросано много камней. Высота означеннаго перевала 14,500 футъ надъ уровнемъ океана. Сосѣднія вершины еще уносились вверхъ футовъ на 500. По сѣверному склону хребта обильнѣе лежали снѣга и ниже спускали свое подножіе. Видъ съ перевала прекрасенъ.... На сѣверѣ въ ущельѣ виднѣлись голубыя воды обширнаго озера Хара-нора. Снѣговая цѣпь Дасюешаня отражала свои блестящіе вѣнцы въ лонѣ водъ.

Держа тотъ же сѣверо-сѣверо-восточный курсъ, мы чрезъ 25 верстъ достигли южнаго берега озера. На обширной его поверности катится одна волна за другой. Перпатые стран-

ники издавали хлопотливые звуки. Сѣрые гуси, стая за стаей, уносились къ югу. Давно ухо не слыхало могучаго прибоя волнъ, производившаго своеобразный шумъ. Особенно красиво было озеро вечеромъ, при блескѣ луны, когда таинственно золотились перекаты волнъ. На сѣверѣ матовая бѣлизна снѣговыхъ громадъ завершала собою прелесть пустынной, оригинальной почи...

Озеро Кара или Хара-норъ лежитъ въ замкнутой котловинѣ, абсолютная высота которой около 13,000 футовъ. Очертаніе озера напоминаетъ грушу, обращенную тупымъ концомъ на западъ, а острымъ на востокъ. Въ окружности оно достигаетъ 100 верстъ; наибольшая ширина — 20. Вслѣдствіе низменныхъ, сравнительно, береговъ, контуръ озера не особенно рѣзкій, въ особенности въ южной части. Вода прозрачная, горько - солоноватая. По близости береговъ очень мелко. Здѣсь выходятъ на поверхность отмелей острова и косы; тѣ и другія служатъ мѣстомъ отдыха пролетнымъ птицамъ. Птицы большими стадами плаваютъ въ мелкой водѣ, отыскивая кормъ. Рѣки, питающія озеро, въ меньшинствѣ, несли по своимъ русламъ воду, въ большинствѣ же стояли сухими. Растительность сосредоточивается вдоль рѣкъ. Соленые налеты по берегамъ рѣдки и мало замѣтны. Согласно общему закону для озеръ нагорной Азіи, этотъ басейнъ также уменьшается въ своихъ размѣрахъ. Древніе берега отстоятъ до 100 саж. отъ нынѣшнихъ. Первые успѣли покрыться скудною растительностью, хотя сохранили свой характерный видъ. Замерзаетъ озеро, по словамъ проводника, въ декабрѣ, въ апрѣлѣ же снова вскрывается. На восточномъ берегу озера лежатъ барханы сыпучаго песка, занимающіе площадь по длинѣ 30 верстъ и по ширинѣ 10 верстъ. Высота серповидныхъ бархановъ отъ 10 до 15 саж. Западные и сѣверо-западные скаты ихъ пологи и плотно прибиты; обратные—круты и рыхлы. Пьедесталомъ песковъ служитъ каменисто-глинистая почва. Между барханами довольно часто встрѣчаются озерки съ соленой водой. У береговъ послѣднихъ растутъ камыши, а среди нихъ шныряютъ креветы.

3-го сентября, обогнувъ озеро съ запада, мы пришли на рѣку *Салкэ-тынъ-голъ* и остановились въ 7 верстахъ выше впаданія ея въ Хара-норъ. Рѣка бѣжитъ съ сѣвера, питаясь снѣгами Дасюешаня. По словамъ проводника, ущелье Салкэ-тынъ-голъ ведетъ чрезъ перевалъ того же имени въ долину р. Сулэй-хэ; нашъ же путь приходился немного западнѣе, слѣдуя характерному понижению снѣговой цѣпи. Подъемъ къ указанному мѣсту отличный. Перевалъ *Цзаирмыкенъ-дабанъ* имѣетъ 14,000 футовъ абсолютной высоты и представляетъ относительно низкую глинисто-каменистую сѣдловину. На сѣверъ хребетъ круто падаетъ. Отъ его вершинъ стремительно несутся ручьи и рѣчки на дно общаго ущелья Цзаирмыкъ-гола, того самаго, по которому мы слѣдовали въ минувшій разъѣздъ. Теперь, коснувшись этой части, мы связывали свою съемку. Кромѣ того, Цзаирмыкъ-голъ приводилъ къ той точкѣ Сулэй-хэ, откуда можно прослѣдить послѣднюю до ея колыбели.

Вступивъ въ басейнъ Сулэй-хэ, мы опять попали въ прекрасный уголокъ. Холодъ смѣнился тепломъ; относительное безплодіе—роскошными травами. Осень здѣсь уже предъявила свои права, растительность пожелтѣла. Мелкія птички собрались въ стада передъ отлетомъ къ югу. Рѣка Цзаирмыкъ-голъ уже не бурлила грязными волнами, а спокойно катилась серебристой змѣйкой.

Ущелье Цзаирмыкъ-голъ на всемъ своемъ протяженіи носитъ мягкій характеръ. Дно изобилуетъ кустарниками, изъ которыхъ преобладающимъ видомъ является облепиха. Послѣдняя, оригинально сплетаясь ковромъ, сплошь устилаетъ береговую терасу. Травянистая растительность взбѣгаетъ по скатамъ горъ довольно высоко. Затѣмъ, вѣнчаютъ ущелье нависшія скалы. Голоса пѣвчихъ птичекъ лились, не переставая. Среди чудныхъ звуковъ, точно бабочка, порхалъ краснокрылый стѣнолазъ, перелетая ущелье.

При впаденіи Цзаирмыкъ-гола въ Сулэй-хэ абсолютная высота мѣстности 11,000 футовъ. Ширина долины простирается до 1 версты. Соединившись въ одну рѣку, Сулэй-хэ врывается въ узкое ущелье, держась сѣверо-западнаго направленія. Общее протяженіе этой, много разъ нами упоминаемой рѣки, достигаетъ 650 верстъ. Верхнее половинное разстояніе принадлежитъ горному теченію, нижнее—равнинному. Первыя двѣсти верстъ рѣка бѣжитъ на сѣверо-западъ; далѣе 150 вер., почти, насѣверъ, и, наконецъ, послѣднія 300 вер., оросивъ оазисъ *Юй-мынь-сянь*, течетъ прямо на западъ.

Отъ мѣста впаденія Цзаирмыкъ-гола до истока Сулей-хэ оставалось 100 верстъ. Означенное разстояніе пройдено нами въ три перехода. На этомъ протяженіи рѣка несется въ широкой долинѣ, заключенной среди обоихъ хребтовъ Дасюешаня. Только первыя 10 верстъ долина имѣетъ пятиверстную ширину; на всемъ же остальномъ пространствѣ около двадцати. У истоковъ рѣки цѣпи соединяются между собою. Южная на этомъ пространствѣ временно понижается (1); затѣмъ, чрезъ 20 верстъ, снова возростаетъ до страшной высоты. Эта, какъ бы отдѣльно выступающая снѣговая громада, будучи поставлена на высокій пьедесталъ, кажется величественнымъ монументомъ. У туземцевъ означенная грандіозная группа извѣстна подъ названіемъ *Шаголинъ-намдзилъ*. Она-то и даетъ зарожденіе Сулэй-хэ сѣвернымъ склономъ, тогда какъ южнымъ питаетъ богатую систему Бухайнъ-гола. Что же касается сѣверной цѣпи Дасюешаня, то она имѣетъ болѣе однообразный характеръ. Хотя все-таки между снѣговыми вершинами отъ времени до времени залегаютъ короткія пониженія, а чрезъ нихъ имѣются проходы къ р. Толай-голъ. Отъ подножія розсыпей обѣихъ цѣпей Дасюешаня сбѣгаютъ луговые увалы въ долину рѣки. Рѣка Сулэй-хэ въ это время катитъ свои прозрачныя воды хотя и быстро, но довольно плавно. Съ обѣихъ цѣпей приходятъ горныя рѣчки; болѣе обильныя водою несутся отъ южныхъ громадныхъ снѣговъ. По мѣрѣ поднятія вверхъ, рѣка бѣднѣетъ водою. На второмъ переходѣ мы могли чрезъ нее переправиться. Глубина не превышала 2—3 фут.; ширина же рѣки доходила до 20 и 25 саженъ. По сторонамъ выбѣгаютъ ключи и залегаютъ большія и малыя озерки. Въ перемежку съ озерками разбросаны песчаные холмы. Послѣдніе, главнымъ образомъ, расположены на правомъ берегу рѣки. Песчаные холмы напоминаютъ хара-норскіе барханы.

Растительность разсматриваемой нами части долины также не одинакова. Внизу она богаче и представляетъ тѣ же виды, которые замѣчены и по Цзаирмыкъ-голу. На самыхъ истокахъ значительно бѣднѣе. Здѣсь произрастаетъ характер-

(1) Тамъ находится удобный проходъ въ долину оз. Хара-нора.

терная представительница высотъ: тибетская осока, и кое-гдѣ, на южныхъ скатахъ горъ, ютится крапива.

Животпая жизнь богаче и разнообразнѣе. По-прежнему, бродили стада дикихъ яковъ, хулановъ и антилопъ-ада. Медвѣди, волки, корсаки встрѣчались нерѣдко. Зайцы выскакивали изъ-подъ лошадей на каждомъ шагу. Мой спутникъ Жаркой съ одного мѣста насчитывалъ ихъ по 20—30 штукъ. Сурокъ показался только однажды и молчаливо исчезъ. Теперь наставало время ихъ зимней спячки. У корней низкорослыхъ кустарниковъ перебѣгали полевки. На открытыхъ же глинистыхъ площадяхъ тѣснились милiоны пищухъ. Изъ птицъ характерными представителями долины были сойка и земляные вьюрки. Въ это время (сентябрь) чаще выдавали себя пролетные виды, которые держались по руслу рѣки и прилежащимъ озеркамъ. То были индѣйскiе и сѣрые гуси, журпапы, утки-шилохвосты и чайки. Всѣ эти перпатые пользовались здѣсь лишь временнымъ отдыхомъ передъ путешествiемъ на югъ. По утрамъ усталые странники покоплись, лежа на берегу рѣки: одни изъ нихъ спали, спрятавъ подъ крыло голову; другiе сторожили покой. Нѣкоторые хлопотливо перелетали изъ стороны въ сторону. Истоки Сулэй-хэ дали въ нашу маммологическую колекцiю два отличныхъ экземпляра медвѣдей.

9-го сентября, на восходѣ солнца, мы двинулись къ перевалу сѣверной цѣпи. Въ воздухѣ было свѣжо. Зеленая поверхность посеребрилась иненъ. Подъемъ на перевалъ прекрасный: луговой, покатый. Абсолютная высота его 13,000 фут. Снѣговыя вершины стоятъ въ удаленiи. Видъ съ перевала на обѣ долины чудесенъ, въ особенности на Сулэй-хэ. Вблизи, у подножiя сѣверной цѣпи, вьется лента Сулэй-хэ. Разсыпанные по ея берегамъ озерки блестятъ точно бриллианты. Вдали же высится все та же снѣговая громада *Шаголинъ-намдзилъ*. Его ледяная діадема, убранная лучами солнца, блеститъ неподражаемо. Къ сѣверу, въ свою очередь, видпѣется горная цѣпь; на высшихъ вершинахъ ея лежалъ небольшими пятнами вѣчный снѣгъ. По дну долины катится вода р. *Толай-голъ*. Туда мы и направились. Достигнувъ прозрачныхъ водъ и растительныхъ площадокъ, мы сдѣлали привалъ. Рѣка Толай-голъ въ своемъ верховьи имѣетъ направленiе съ юго-востока на сѣверо-западъ, и, подобно Сулэй-хэ, залегаетъ въ широкой долинѣ. Абсолютная высота истоковъ Толай-голъ 12,000 фут. Нашъ бивакъ стоялъ въ самомъ зарожденiи описываемой рѣки.

Раннимъ утромъ въ воздухѣ было тихо, свѣжо; лишь съ поднятiемъ дневнаго свѣтила царившее безмолвiе нарушилось мѣстными обывателями. Большiе тибетскiе жаворонки, представители высокихъ долинъ Нань-шапя, громко и усердно разносили свою пѣснь.

На слѣдующемъ переходѣ, пройдя 7 верстъ, мы уже были на водораздѣлѣ рѣкъ Толай-голъ и Тэтунга, или, другими словами, басейна Желтой рѣки. Водораздѣлъ представляетъ собою высокое плато, устланное мото-шириками; послѣднiе отливали желтымъ—увядшимъ топомъ. На этой растительной полосѣ масса большихъ и малыхъ озеръ. На востокъ, вдаль, протянулись сосѣднiя цѣпи горъ, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. Вблизи наблюдателю представляется чудная панорама невысокихъ горъ, изрѣзанныхъ капризными глубокими ущельями, по дну которыхъ, точно змѣи, ползутъ прозрачные ручьи и рѣчки.

По одному изъ такихъ ущелiй пролегалъ нашъ дальнѣйшiй путь. Ущелье заключаетъ истоки Тэтунга, который образуется изъ водныхъ вѣтвей сѣверной и южной снѣговыхъ цѣпей. Отъ нихъ сбѣгаютъ роскошные увалы альпiйскихъ луговъ. Мѣстами, на днѣ долинъ, видпѣлись еще зеленѣющiя лужайки, отливавшiя голубыми цвѣтами. Днемъ на солнцѣ летали бабочки, мухи, жуки; сурки по сторонамъ звонко свистѣли. Словомъ, природа на этихъ ступеняхъ еще предавалась бодрствованiю, а не отходила ко сну, какъ это было на только что покинутомъ плато мото-шириковъ.

Первый ночлегъ на Тэтунгѣ мы имѣли вблизи золотыхъ прiисковъ, на которыхъ работало 25 китайцевъ изъ Ситига. Рабочiе живутъ частью въ землянкахъ, частью въ палаткахъ; нѣкоторые же просто въ пещерахъ, устроенныхъ подъ нависшими скалами. Говоря вообще, верховье Тэтунга, по всей вѣроятности, изобилуетъ золотомъ, такъ какъ прибрежная тераса, а нерѣдко и ложе рѣки на значительномъ протяженiи носятъ слѣды разработки. Судя по обросшимъ неровностямъ тѣхъ же береговыхъ терасъ, можно думать, какъ давно происходитъ здѣсь эксплоатацiя нѣдръ земныхъ.

Благодаря присутствiю людей въ верховьяхъ Тэтунга, можно удобно пройти по узкимъ, глубокимъ ущельямъ, а также и безъ труда розыскать перевалъ. 11-го сентября мы направились чрезъ сѣверную цѣпь. Подъемъ и спускъ перевала очень круты, но по умѣло проложеннымъ тропинкамъ мы успѣшно пробрались за снѣговую цѣпь. Всѣ сосѣднiя ущелья дики, извилисты, круты; вода стремительно несется, по временамъ низвергаясь каскадами. Чрезъ 14 верстъ ущелье перевала привело насъ къ прорыву рѣки Тэтунга той самой снѣговой цѣпи, чрезъ которую мы только что переправились. Здѣсь мы разбили бивакъ, чтобы обратно слѣдовать уже чрезъ означенный провалъ цѣпи.

Желая же больше познакомиться съ верховьемъ описываемой рѣки, я налегкѣ съ проводникомъ направился внизъ по ея теченiю. Путь какъ и прежде шелъ на востокъ-юго-востокъ. Долина образуется снѣжными цѣпями горъ. Чрезъ 20 верстъ слѣва проходитъ ущелье, въ которомъ течетъ многоводный притокъ. По сліянiи съ нимъ рѣка приняла солидные размѣры: въ ширину 20 саж., при глубинѣ 2—3 фута. Вода прозрачная, ложе каменистое, не широкое. Прибрежныя террасы круто ниспадаютъ. По каменистому ложу тамъ и сямъ видпѣлись китайцы-золотоискатели; точно муравьи копались они въ землѣ. Абсолютная высота этой мѣстности около 10,000 футовъ. Отсюда намъ пришлось повернуть въ обратную сторону. А жаль, что не имѣлъ возможности проникнуть по этой рѣкѣ до кумирни Чертынтонъ; тамъ связалась бы съемка съ IV путешествiемъ Н. М. Пржевальскаго. Этотъ путь также не пройденъ ни однимъ европейцемъ. Богатыя растительныя и животныя формы сопровождаютъ теченiе красавца Тэтунга. Уже и здѣсь эти два царства приняли богатый видъ. По крутымъ скаламъ лепится древовидный можжевельникъ. Прочiе кустарники пышно развернулись,—облепиха доходитъ до четырехъ и болѣе футовъ высоты. Увалы прикрыты роскошными травами. Мѣста, куда ни взглянешь, просятся на снимокъ. Вверху—снѣга, скалы, розсыпи, внизу змѣйка чистѣйшей какъ кристалъ воды; между ними волнистые увалы; по сторонамъ массы ручьевъ, изрѣдка каскады,—все это сливается въ общую гармонiю и еще разъ говоритъ о красотѣ Тэтунга.

Къ вечеру мы вернулись на бивакъ, а на слѣдующее утро, пройдя ущелье снѣговой цѣпи, вступили въ долину истоковъ Тэтунга. Пройдя по этой рѣкѣ вверхъ 15 верстъ, мы повернули къ юго-западу—на пересѣченіе южной снѣговой цѣпи. Послѣдняя, какъ и говорено было выше, составляетъ продолженіе общей цѣпи отъ горнаго узла Сулэйхэ. Вначалѣ съ запада она тянется, почти не имѣя вѣчнаго снѣга, къ востоку же отъ нашего прохода горы принимаютъ мощный характеръ: тамъ могучіе льды ярко сіяютъ на солнцѣ, снѣжныя поля величественны. Высота нашего перевала простиралась до 13,000 футовъ надъ уровнемъ океана. Отсюда къ югу виднѣется широкая долина, уходящая съ сѣверо-запада на юго-востокъ и ограничивая хребетъ, залегающій отъ восточнаго подножія Шаголинъ-намдзила. Спускъ на возвышенное плато означенной долины ничтожный—менѣе сотни футовъ. Здѣсь мы попадаемъ опять на истоки одной изъ главныхъ вѣтвей Бухайнъ-гола. Эта водная вѣтвь зарождается отъ крайняго могучаго ледника снѣговой группы Шаголинъ-намдзилъ и сразу несется большой рѣкой (1) чрезъ озерное плато мото-шириковъ. Высота (толщина) ледника превосходитъ 1,000 футовъ. Ледникъ этотъ рѣзко бросается въ глаза, поражая своею грандіозностью. Онъ одинъ питаетъ главную вѣтвь Бухайна. Не найдетъ ли возможнымъ совѣтъ Императорскаго русскаго географическаго общества этотъ колосальный ледникъ окрестить славнымъ именемъ Н. М. Пржевальскаго.

На истокахъ вѣтви Бухайна снова встрѣчены дикіе яки, антилопы-ада. Ихъ восточной границей географическаго распространенія служитъ меридіанъ оз. Куку-нора.

Сдѣлавъ діагональное пересѣченіе описываемой долины, мы поднялись на невысокій перевалъ. Абсолютная высота его 13,400 футовъ; относительная не превосходитъ сотни футовъ. Къ югу-юго-западу снова виднѣются горы; среди нихъ несутся водныя вѣтви Бухайна. Ихъ шлетъ все та же снѣговая группа Шаголинъ-намдзилъ. Спускаясь внизъ, стоитъ только взглянуть къ сѣверо-западу, какъ глазъ наблюдателя тотчасъ же невольно приковывается къ одной изъ высочайшихъ и характерныхъ вершинъ этого горнаго массива. Могучая гора гордо возноситъ свою остроконечную коническую вершину въ голубую высь. Словно исполинъ-стражъ надменно смотритъ по сторонамъ на зарожденные имъ потоки. Абсолютная высота этой остроконечной вершины переходитъ за 20,000 футовъ.

Горы, залегавшія впереди, составляютъ непосредственное продолженіе отроговъ главной группы и придерживаются направленія съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Въ началѣ ихъ покрываетъ бѣдная растительность; по мѣрѣ же опусканія внизъ раскидываются богатыя лужайки. Звѣрей по прежнему встрѣчалось много, причемъ больше всѣхъ интересовали насъ медвѣди. Слѣдуя къ одной изъ луговыхъ площадокъ, гдѣ намѣчено мѣсто бивака, мы выглядѣли тамъ же пестраго медвѣдя. Спустившись въ русло рѣки, караванъ временно остановился, я же, поднявшись на увалъ, направился къ звѣрю, который былъ усердно занятъ ловлей пищухъ. Подойдя на двѣсти шаговъ—стрѣляю. Медвѣдь упалъ. Я иду къ нему; но едва успѣлъ сдѣлать десятокъ шаговъ, какъ звѣрь, поднявшись на ноги, злобно бросился на меня съ громкимъ ревомъ и затѣмъ, не добѣжавъ пятидесяти шаговъ, повернулъ обратно и былъ убитъ (1).

Отсюда невдалекѣ къ юго-востоку зарождается одинъ изъ главныхъ данниковъ Бухайна, который туземцы называютъ *Шина*. По этой рѣкѣ кочуютъ тангуты. Рѣка Шина имѣетъ до 70 верстъ длины и течетъ въ юго-западномъ направленіи. Въ своемъ нижнемъ теченіи она имѣетъ до 20 и болѣе саженъ ширины, при глубинѣ 2—3 фута. Круто падающее ложе каменисто. Замѣчательно прозрачныя воды то катятся широко и плавно, то несутся высокими перекатами. Ущелье узко и мѣстами обставлено скалами. Растительность какъ травянистая, такъ и кустарная богата.

Здѣсь мы встрѣтили первыхъ куку-норскихъ тангутовъ Эти номады живутъ въ черныхъ палаткахъ; число послѣднихъ 30. Палатки стояли чаще по двѣ, рѣже по одной, иногда небольшими сосредоточенными группами. Тангутскія жилища располагались и по главному ущелью, и по боковымъ. Вблизи ихъ стойбищъ бродили домашнія животныя: бараны, яки, лошади. Скота вообще въ изобиліи.

Покидая послѣднія кочевья тангутъ, мы въ то же время оставили и рѣку Шину. Она впадала въ главную вѣтвь Бухайна, который здѣсь несъ значительно меньше воды. Въ мѣстѣ сліянія рѣкъ раскидывается порядочная долина, растительная и животная жизнь которой напоминаютъ Куку-норскую равнину. Здѣсь уже является вмѣстѣ съ антилопой-ада также антилопа Кювье.

Слѣдуя къ западу, мы пересѣкли долину поперекъ. Дальнѣйшій путь шелъ по правому притоку Бухайна *Хадиръ-голи*. Этотъ послѣдній, имѣя до 50 верстъ протяженія, нами пройденъ до истоковъ. Долина Хадиръ-гола узка. Въ нижнемъ теченіи она несетъ луговой характеръ; воды порядочно. По мѣрѣ поднятія вверхъ, растительность бѣднѣетъ; бѣднѣетъ и русло водою.

Держа курсъ сѣверо-западный, мы вскорѣ прибыли на верховье сосѣдняго данника Бухайна—Уланъ-эпги-гола. Эта рѣка зарождается отъ сѣверныхъ снѣговъ хребта Гумбольдта. Положеніе ея приходится сѣвернѣе Хадиръ-гола, съ которымъ она раздѣляется продольной цѣпью горъ. Отсюда къ сѣверу-сѣверо-западу открылись снѣжныя вершины Дасюешаня, у южнаго подножія котораго волнуются воды *Хара-нора*. Басейнъ этого озера граничитъ съ басейномъ Куку-нора плоскою возвышенностью, лежащею поперечно между хребтами Гумбольдта и Дасюешанемъ. Поднявшись на водораздѣлъ, мы увидѣли голубую поверхность знакомаго намъ озера. Туда несутся маленькія рѣченки, среди постепенно понижающихся песчано-глинистыхъ увaловъ. Изрѣдка по ихъ зеленѣвшимъ долинамъ блестятъ озерки.

На другой день раннимъ утромъ мы уже были на восточномъ берегу оз. Хара-нора; позднимъ же вечеромъ, слѣдуя южной окраиной, достигли того мѣста, гдѣ впервые вступили на его берега. Такимъ образомъ оз. Хара-норъ обойдено нами за исключеніемъ лишь одного сѣвернаго берега, опредѣленіе котораго получилось встрѣчными засѣчками.

Ночью, въ полной тиши, могуче разражался въ берега тяжелый прибой волнъ.

Теперь намъ оставалось недалеко и до главной стоянки.

---

(1) Въ осенній періодъ времени размѣры ея были таковы: ширина 10 саж., глубина 1 футъ.

(1) Всего убито медвѣдей, за два послѣднихъ разъѣзда, семь.

Подвигаемся успѣшно съ каждымъ днемъ; но за то сильно устаемъ. Свою верховую лошадь бросилъ на Бухайнѣ. Нѣсколько дней слѣдуемъ частью пѣшкомъ, частью верхомъ. Значительная же высота и большіе переходы даютъ себя чувствовать. Въ два послѣднихъ дня мы одолѣли 70 верстъ, сдѣлавъ пересѣченіе хребта Гумбольдта по перевалу *Бухынъ-дабанъ*. Послѣдній лежитъ восточнѣе нашего прежняго прохода. Абсолютная высота его совершенно согласуется съ таковой Шара-голынъ-дабанъ. Да и весь остальной характеръ какъ хребта, такъ и пройденной мѣстности, вообще былъ одинаковъ съ начальнымъ путемъ описываемаго разъѣзда.

... Наконецъ, открылась долина; на желтомъ фонѣ осенней растительности рѣзко выдѣлялись бѣлыя палатки русской экспедиціи. Поодаль паслись караванныя животныя. Нетерпѣніе росло, ноги забыли усталость. Мысленно уже давно среди своихъ сотоварищей.... На бивакѣ все благополучно. В. И. Роборовскій вернулся раньше нѣсколькими днями; его разъѣздъ былъ короче. Моя же послѣдняя рекогносцировка заняла 22 дня, и представляетъ сомкнутую кривую въ 770 верстъ. Дневокъ не было.

Придерживаясь извѣстной системы, заканчиваю и этотъ разъѣздъ замѣткой о климатѣ. Время, проведеное въ рекогносцировкѣ, проходитъ почти черезъ весь сентябрь мѣсяцъ. Ея раіонъ обнимаетъ высоко поднятую мѣстность надъ уровнемъ океана (12,000—14,000 футовъ) (¹). Климатъ характеризуется сравнительною ясностью, бѣдностью атмосферныхъ осадковъ, довольно низкой температурой ночью и высокой днемъ.

Въ первой трети мѣсяца день начинался тихимъ и яснымъ утромъ. Такое состояніе продолжалось часовъ до 10, рѣдко до полудня. Къ этому времени уже появлялась облачность, зарождаясь вмѣстѣ съ вѣтромъ, обыкновенно, юго-западнымъ. Напряженность вѣтра и облачность достигали своего максимума къ закату солнца, когда первый принималъ размѣры бурана, а второе совершенно заволакивалось, или оба пропадали безслѣдно, уступая тишинѣ и ясному небу. Температура ночи спускалась, въ среднемъ, ниже нуля, до —10°C. По утрамъ земля серебрилась инеемъ; рѣчки и озерки сковывались льдомъ. Вторая треть мѣсяца была богаче облачностью; изрѣдка случались атмосферные осадки. Начало послѣдней трети походило на вторую. По вечерамъ на востокѣ появлялась зарница. Наибольшія и наименьшія показанія термометра были слѣдующія: въ 7 час. утра +5,8°, —14,7°; въ 1 час. дня +24,0°, +7,5°, и въ 9 час. вечера +7,6°, —3,0°C.

Итакъ закончились наши изслѣдованія по Нань-шаню. Дни на главномъ бивакѣ потекли однообразно. Добытое въ экскурсіи приводилось въ порядокъ. Въ то же самое время готовились къ выступленію въ Курлыкскую равнину. Курлыкскій бэйсе (правитель) уже присылалъ своихъ чиновниковъ привѣтствовать нашу экспедицію.

27-го сентября экспедиція выступила въ путь, держа курсъ на юго-юго-западъ. На пути высится южно-кукунорскій хребетъ, разбивающійся на два паралельныхъ хребта. Между ними лежитъ долина, въ которой текутъ воды рѣки *Балынъ-голъ*. Хребетъ весьма богатъ какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ отношеніяхъ. Перевалы обѣихъ цѣпей южно-кукупорскаго хребта весьма удобны. Съ послѣдняго на юго-западъ открылось взору одно изъ курлыкскихъ озеръ. Въ томъ же направленіи сбѣгаетъ внизъ изрѣзанное ущелье. Въ глубинѣ висѣла пыльная дымка. Передовые горные кряжи видѣлись хорошо; дальній высокій хребетъ — *Бурханъ-Будда* — рисовался силуэтомъ. Спустившись съ перевала на первую луговую площадку, экспедиція разбила бивакъ.

Разставаясь съ горами надолго, мы (я и препараторъ) устроили охоту за улларами. Эти большія птицы или громко свистѣли въ скалахъ, или тихо кормились неподалеко отъ нашего бивака. Стоило только подняться на боковой увалъ, одѣтый луговой растительностью, какъ уже въ разныхъ мѣстахъ заглядѣли желанныхъ птицъ. Уллары большею частью держались въ разсѣлинахъ горъ, гдѣ тихо расхаживали цѣлыми выводками. Въ одинъ часъ охотничьей экскурсіи мы вдвоемъ набили ихъ восемь экземпляровъ. По возвращеніи на бивакъ, попивъ чаю и уложивъ добытыхъ птицъ, мы снова отправились на противоположную сторону ущелья. Здѣсь въ большемъ количествѣ держались крупные уллары; тибетскихъ представителей было меньше. Огромныя красивыя птицы, подобно прежнимъ, держались многочисленными семьями. Соблюденіе величайшей осторожности, необходимой вообще при охотахъ за этими птицами, было здѣсь излишне; уллары предавались покормкѣ тихо, беззаботно. Въ полчаса времени лежало въ рядъ 11 улларовъ, одинъ другаго лучше. Въ этотъ счастливый день лично я убилъ 13 улларовъ... Большіе взяты всѣ 11; изъ тибетскихъ отобраны четыре лучшихъ экземпляра. Словомъ, научная добыча пополнилась 15 интересными экземплярами, которые, несомнѣнно, значительно украсятъ нашу орнитологическую колекцію. Невиданный и неслыханный случай въ исторіи нашихъ путешествій. Какъ бы порадовался незабвенный учитель, Н. М. Пржевальскій, такому обилію двухъ типичныхъ представителей Нань-шаня, и какъ часто, въ минуты досуга, вспоминалъ бы онъ такую оригинальную и баснословную охоту. Горы, широкій горизонтъ, отличная стоянка, обиліе птицъ и звѣрей вдохновили бы поэтическую душу любителя природы къ воспроизведенію лучшихъ и блестящихъ страницъ, которыми украшены его описанія путешествій....

Спускаясь въ Курлыкскую равнину, мы ощущали все большее и большее тепло. Съ послѣднихъ горныхъ скатовъ, по которымъ темными точками былъ разсыпанъ древовидный можевельникъ и блестѣла желтоватая увядающая луговая растительность, мы увидѣли два озера. Сѣверное *Курлыкъ-норъ* отливало серебристымъ цвѣтомъ, ровнымъ и гладкимъ; тогда какъ южное *Тосо-норъ*—темно-голубымъ, слегка переливающимся отъ напора вѣтра. Еще дальше и мы были въ равнинѣ. Вмѣсто луговой растительности—пыль, поднимаемая вѣтромъ и носящаяся въ воздухѣ. Вмѣсто голубаго неба и яркаго солнца—мутная дымка и тусклый дискъ дневнаго свѣтила.

Утромъ, 1-го октября, экспедиція, переправившись рѣку Баинъ-голъ, расположилась бивакомъ на ея лѣвомъ берегу. Въ этой долинѣ было значительно отраднѣе. Здѣсь собралось много пролетныхъ птицъ. Въ тихую, ясную ночь странники уносились къ югу. Въ Курлыкѣ экспедиція должна была простоять продолжительное время, необходимое на устройство

(¹) Только временно на Сулэй-хэ (10,000) и Тэтунгѣ (9,000 футовъ) спускался ниже.

склада и снаряженія новаго каравана изъ вьючныхъ яковъ для путешествія въ Сы-чуань.

Тѣмъ временемъ я устроилъ поѣздку для съемки курлыкскихъ озеръ. Съ этою цѣлью 6-го октября я покинулъ бивакъ. На этотъ разъ меня сопровождалъ вахмистръ отряда Ивановъ (1). Вьюки—на верблюдахъ, сами—на лошадяхъ. Проводникомъ служилъ мѣстный монголъ.

Провѣривъ снаряженіе, мы ходко двинулись впередъ на сѣверо-западъ. Первоначальный путь шелъ правымъ берегомъ р. Баинъ-гола, который черезъ 7 верстъ впадалъ въ озеро Курлыкъ-норъ съ восточной стороны. Означенная рѣка въ своемъ нижнемъ теченіи направляется съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Вода прѣсная и довольно чистая, но не прозрачная; ложе окаймляется низменными берегами. Ширина рѣки 15, рѣдко 20 саженъ. Въ лѣтнее время значительная часть влаги заливаетъ лѣвый берегъ, покрытый высокими камышами. Съ праваго же берега подходитъ кустарникъ,—хармыкъ, обрамляющій озеро широкой полосой. Его ограничиваетъ на сѣверѣ горный кряжъ, протянувшійся въ юго-восточномъ направленіи. По мѣстамъ залегаютъ площадки соленой пыли.

При впаденіи, рѣка Баинъ-голъ расширяется; отъ ея устья тянутся по озеру отмели; всюду на глади виднѣлись пролетные пернатые. Тутъ были: лебеди, гуси, турпаны, крахали, чайки, нѣсколько видовъ утокъ. Иныя стада перелетали съ одной стороны озера на другую. Нѣкоторыя, высоко поднявшись въ воздухъ, хлопотливо направлялись къ югу. Третьи мирно отдыхали по отмелямъ озера. Голоса птицъ раздавались вездѣ: вдали и вблизи, низко и высоко. Тепло, просторъ, обиліе пищи—вотъ причины, по которымъ странники мало думали объ отлетѣ.

Съ вечерней зарей я расположился для отдыха на западномъ берегу Курлыкъ-нора, съ утренней же — снова пустился въ путь. Въ воздухѣ было свѣжо. Испуганныя стада птицъ съ шумомъ вылетали изъ сосѣднихъ камышей, перемѣщаясь на открытыя воды. Издалека приносились къ намъ звучные голоса черношейныхъ журавлей; порою вблизи кричали лысухи. Вскорѣ, затѣмъ, взошло и солнце. Прекрасенъ былъ восходъ надъ поверхностью озера. Облака, словно горящія въ огнѣ, казалось, утопали въ водахъ Курлыкъ-нора. Немного пройдя, переправились чрезъ протокъ, соединяющій сѣверное озеро съ южнымъ. Дальнѣйшій путь пролегалъ возвышенностью, или перешейкомъ озеръ. Въ юго-восточномъ углу сѣвернаго озера, гдѣ выбѣгаетъ прозрачный ключъ, мы временно остановились. Озеро Курлыкъ-норъ было обойдено въ $1^1/_2$ перехода. Нѣсколько дальше, но такимъ же образомъ, мы обогнули и южное озеро. 8-го октября, въ 5 часовъ веч., нашъ бивакъ уже стоялъ на сѣверо-западномъ заливѣ озера *Тоса-нора* (2). Въ тиши залива, при устьѣ протока, плавала масса птицъ. Онѣ часто перелетали, рѣзко взмахивая крыльями, съ сѣвернаго озера на южное и обратно. Отсюда же мы любовались заревомъ степнаго пожара (3). Великолѣпенъ видъ его. На общемъ темномъ фонѣ рѣзко выдѣлялся красно-золотистый отблескъ, порою закрываемый клубами дыма. Огненные языки, подымаясь высоко отъ земли, исчезали безслѣдно въ выси. Кругомъ пожара былъ замѣтенъ особенный свѣтъ, который, по мѣрѣ удаленія отъ огня, принималъ мрачную, фантастическую окраску. Въ воздухѣ стоялъ страшный шумъ отъ горящихъ камышей. Мѣстные кочевники, спасаясь отъ огня, торопливо бѣжали на глинистыя площади. Пролетныя птицы также волновались; по сторонамъ неслись ихъ тревожные голоса. Нѣкоторыя стада залетали въ область дыма и какъ угорѣлыя мчались оттуда, куда попало. На слѣдующій день густой дымъ окуталъ окрестность. Дышалось тяжело. Солнце свѣтило въ видѣ блѣднаго диска.

Въ это время мы уже слѣдовали вверхъ по теченію протока. Этотъ послѣдній выбѣгаетъ изъ юго-восточнаго угла Курлыкъ-нора, впадая въ сѣверо-западный уголъ Тосо-нора. Направленіе протока посрединѣ измѣняется изъ юго-западнаго въ юго-восточное. Въ первой половинѣ вода несется стремительно по галечному ложу; во второй—тихо струится по глинистому руслу. Ширина на всемъ пространствѣ одинаковая и равняется 20 саж.

Переправившись черезъ протокъ (1), мы двигались прежней дорогой до ключа *Сэйнъ-намыкъ*. По всей южной окраинѣ Курлыкъ-нора держалось много птицъ. Изъ нихъ самымъ интереснымъ представителемъ былъ черношейный журавль. Этотъ видъ найденъ и описанъ Н. М. Пржевальскимъ въ его первое путешествіе по Нагорной Азіи. Въ нынѣшнее странствованіе мы увидѣли этихъ птицъ въ первый разъ. Подобно другимъ болотнымъ птицамъ, журавли были весьма довѣрчивы, и держались чаще парами, рѣже по 3—4 особи вмѣстѣ. Верхомъ на лошади я подъѣзжалъ къ нимъ на выстрѣлъ дробью. Такимъ образомъ добылъ три роскошныхъ экземпляра (2). Испытавъ преслѣдованіе, журавли уже издали поднимали головы, зорко слѣдя за охотникомъ. За 200 — 300 шаговъ они подымали крикъ; затѣмъ, разбѣжавшись по землѣ, тяжело взмахивая крыльями, перемѣщались въ безопасное мѣсто. Осиротѣлыя птицы держатся или вблизи того мѣста, гдѣ погибъ товарищъ, или же, если охотникъ не удалился, то поодаль. Отлетныя стайки описываемаго вида составляли 10 и самое большое 12 экземпляровъ, по крайней мѣрѣ, согласно нашихъ наблюденій. На болота сосѣднихъ озеръ черношейные журавли прилетали по р. Баинъ-голу и обыкновенно по утрамъ. Радостно кричали странники, завидѣвъ удобное мѣсто отдохновенія и медленно, склоняясь дугою, опускались на землю.

Поохотившись за журавлями, мы направились къ биваку. Путь проходилъ восточной окраиной камышей, среди которыхъ синѣющій дымокъ выдавалъ присутствіе спрятанныхъ номадовъ. Въ полдень мы уже были среди экспедиціонной семьи.

Озеро Курлыкъ-норъ лежитъ въ Курлыкской равнинѣ неподалеко отъ подножія южно-кукуморскихъ горъ. Абсолютная высота этой равнины 8,000 футовъ. Окружность прѣсноводнаго озера занимаетъ 33 версты. Цвѣтъ воды сѣроватый. Низкіе берега обильно поросли камышемъ; болѣе возвышенные—хармыкомъ. Глубина озера только въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ углахъ порядочная—отъ 4 до 6 саж.; на всемъ же остальномъ пространствѣ—незначительная. Питаніе озеру дастъ р. Баинъ-голъ, которая, въ свою очередь, несется (3) съ

---

(1) Урядникъ Жаркой былъ командированъ въ г. Донкыръ.

(2) Маршрутъ этой рекогносцировки описалъ цифру 8.

(3) Камыши горѣли на восточномъ берегу Курлыкъ-нора.

(1) Глубина единственнаго брода 2—3 фута.

(2) Всего въ эту поѣздку я убилъ четырехъ журавлей; перваго на западномъ берегу Курлыкъ-нора пулей изъ ружей Бердана.

(3) Притокъ Ара-голъ.

Д 238
636

ЭКСПЕДИЦІЯ
ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗІЮ

(изъ писемъ П. К. Козлова).

(Изъ «Русскаго Инвалида» №№ 247, 259 и 268).

Курлыкъ, 7-го апрѣля 1895 года. Устроивъ въ Курлыкѣ складъ экспедиціоннаго багажа, а также оставивъ верблюдовъ и часть лошадей подъ присмотромъ четырехъ человѣкъ изъ состава отряда, экспедиція 1-го декабря, въ числѣ восьми человѣкъ, двинулась въ путь въ Сы-чуань. Караванъ состоялъ изъ 19 вьючныхъ яковъ и 10 верховыхъ лошадей. Задача экспедиціи заключалась въ обозрѣніи мало-извѣстной мѣстности до *Да-цзянь-лу*. Срокъ возвращенія къ складу былъ опредѣленъ чрезъ 8 мѣсяцевъ, т. е. въ іюлѣ.

Первые дни по Курлыкской долинѣ экспедиція двигалась медленно; новыя караванныя животныя, съ которыми мы никогда раньше не путешествовали, оказались несравненно тяжелѣе въ обращеніи, чѣмъ верблюды. Затѣмъ, впереди лежала пустынная мѣстность до Баинъ-гола, самой богатой и многоводной рѣки въ Цайдамѣ. Необходимо было пройти пустыню въ три перехода, дѣлая ежедневно болѣе 20 верстъ, на что съ яками требовалось отъ 7 до 8 часовъ, или, другими словами, на передвиженіе уходилъ весь короткій зимній день. Вся пройденная мѣстность состояла изъ совершенно голыхъ лёссовыхъ и галечныхъ площадей; мѣстами залегали солончаки, на которыхъ росли кое-гдѣ рѣдкіе корявые кусты саксаула. Кругомъ было тихо; только изрѣдка тишина нарушалась трещаніемъ сойки (Podoces Hendersoni), да у самаго каравана взлетала стайка чернолобыхъ жаворонковъ (Otocorys nigrifrons).

Погода за это время стояла довольно порядочная. Днемъ на солнцѣ было тепло; ночные же морозы достигали 20 и болѣе градусовъ. Земная поверхность была свободна отъ снѣга; онъ встрѣчался только въ выемкахъ, куда не заглядывали лучи солнца.

Рѣка *Баинъ-голъ*, на которую мы вышли, вытекаетъ изъ озера Тосо-норъ, лежащаго въ окрайнихъ къ Цайдаму тибетскихъ горахъ. Въ своемъ горномъ теченіи она носитъ названіе *Еграй-голъ*. По выходѣ изъ горъ, Еграй-голъ скрывается подъ землей и только чрезъ 20—30 вер. выходитъ снова на поверхность, уже подъ именемъ Баинъ-гола. Вступивъ въ равнины южнаго Цайдама, описываемая рѣка течетъ здѣсь около 250 верстъ въ сѣверо-западномъ направленіи и впадаетъ въ мелководное соленое озеро.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы вышли на Баинъ-голъ, рѣка эта состоитъ изъ двухъ рукавовъ, лежащихъ въ разстояніи около двухъ верстъ одинъ отъ другаго. Сѣверный рукавъ, второстепенный, имѣлъ по ледяной поверхности 12—15 саженъ ширины, тогда какъ главная водная вѣтвь достигала отъ 100 до 150 саженъ ширины.

Берега Баинъ-гола довольно густо поросли кустарниками, среди которыхъ преобладаютъ харыкъ (Nitraria Schoberi) и тамарискъ (Tamarix Pallasii); въ меньшемъ гораздо числѣ встрѣчается сугакъ (Lycium ruthenicum, рѣже L. turcomanicum) и кой-гдѣ кендырь (Apocinum venetum). Изъ травъ, кромѣ нѣсколькихъ злаковъ, здѣсь часто попадаются касатикъ (Iris sp.) и Salsola sphaerophyza.

Въ числѣ птицъ на Баинъ-голѣ впервые теперь намъ встрѣтился Цайдамскій фазанъ, найденный Н. М. Пржевальскимъ еще въ 1872 г. и описанный имъ подъ именемъ Phasianus Vlangalii. Кромѣ того, изъ осѣдлыхъ видовъ встрѣчались: саксаульная сойка, Rhopophilus albosuperciliaris, и чернолобый жаворонокъ. Сюда же залетали съ горъ: грифъ-монахъ (Vultur monachus) и бородачъ-ягнятникъ (Gypaëtus barbatus) въ надеждѣ поживиться добычей.

Изъ звѣрей мы нашли на Баинъ-голѣ антилопъ харасультъ, волковъ, издававшихъ по ночамъ громкое завываніе, лисицъ и зайцевъ.

Стойбища монголъ расположены по среднему теченію Баинъ-гола. Эти кочевники, изъ боязни къ тангутамъ, производящимъ разбойничьи набѣги на Цайдамъ, держатся здѣсь сосредоточенно. Вблизи ставки монгольскаго князя Барунъ-засака, на одномъ изъ ключей, экспедиція устроила дневку. Въ день нашего прихода, этотъ мѣстный правитель явился первымъ съ визитомъ. Будучи старыми его знакомыми, мы встрѣтились съ нимъ по-пріятельски.

Пользуясь прекрасной погодой и свободнымъ временемъ, я уѣхалъ съ ночевкой на охоту за фазанами, которые ютились по камышамъ болотъ, отстоящихъ въ 5 верстахъ отъ бивака. Днемъ на солнцѣ было настолько тепло, что ледяной покровъ таялъ. По открытымъ водянымъ площадкамъ плавали утки-кряквы, крахали; вблизи береговъ летали щеврицы и бекасы. Тамъ и самъ надъ желтымъ фономъ камыша, отливая своей матовой бѣлизной, проносились бѣлые цапли и лебеди. Настрѣлявъ фазановъ, я на другой день къ полудню вернулся на бивакъ.

Дальнѣйшій путь экспедиціи шелъ въ томъ же юго-восточномъ направленіи къ хырмѣ (крѣпостцѣ) *Шапрди*. Рѣка Баинъ-голъ приходилась сѣвернѣе. Покинувъ оротаемую ею полосу, мы вступили въ каменистую равнину и на третій день, по выступленіи отъ ставки Барунъ-засака, прибыли въ Шапрди.

Означенная хырма Шапрди (1) стоитъ на лѣвомъ берегу р. Еграй-гола и представляетъ крѣпостцу съ невысокой глиняной стѣною. Внутри ея рѣзко выдѣляется изъ рядовъ бѣдныхъ, сѣрыхъ сакель высокая кумирня, выкрашенная въ красный цвѣтъ. Здѣсь живутъ два тибетскихъ ламы, изъ которыхъ одинъ управляетъ мѣстными жителями, другой же исключительно состоитъ при кумирнѣ и вѣдаетъ жертвоприношеніями. Будучи подчинены верховному ламѣ Банчинъ-Прембучи и находясь въ сношеніяхъ съ тибетцами, здѣшніе монголы представляютъ переходный типъ къ тангутамъ. Многіе изъ видѣнныхъ нами мѣстныхъ жителей скорѣе походили на тангутовъ, нежели на своихъ родныхъ собратій. Въ правахъ и даже въ обычаяхъ шапрдійскихъ обитателей также много общаго съ ихъ сосѣдями. На тибетскомъ языкѣ они говорятъ совершенно свободно. Шапрдійцы далеко не такъ боятся тангутовъ, какъ цайдамскіе монголы; напротивъ, за разбойничьи набѣги своихъ сосѣдей платятъ имъ тѣмъ же.

Кругомъ хырмы расположены поля, обработываемыя мѣстными обитателями. Ихъ же многочисленныя стада скота пасутся въ сосѣднихъ горахъ, главнымъ образомъ, по долинѣ Еграй-гола, гдѣ по боковымъ ущельямъ видѣлись розбросанныя юрты пастуховъ.

Съ приходомъ экспедиціи въ Шапрди, наши яки заболѣли «хасой». Это обстоятельство задержало выступленіе до конца декабря. Болѣзнь животныхъ выражалась выдѣленіемъ изъ рта вонючей слюны и слабостью ногъ, отчего яки большею часть времени лежали. Таковое состояніе продолжается около недѣли; послѣ чего отпадаютъ копыта. Болѣзнь переходитъ постепенно на всѣхъ животныхъ каравана. По совѣту монголовъ, мы лечили своихъ заболѣвшихъ яковъ заячьимъ супомъ. Это лекарство намъ рекомендовали и цайдамцы во время IV путешествія Н. М. Пржевальскаго, когда той же болѣзни подверглись верблюды (2). Въ скоромъ времени мы должны были замѣнить тяжело переболѣвшихъ яковъ «хайныками» (3), которые значительно выносливѣе и лучше въ движеніи, но которые и цѣнятся много дороже яковъ.

Во время невольнаго продолжительнаго пребыванія въ Шапрди, мы хорошо познакомились съ обоими ламами. Отъ нихъ же узнали, что вверхъ по Еграй-голу пройти въ это время почти невозможно, такъ какъ, во первыхъ, рѣка имѣетъ широкіе ледяные забереги, во вторыхъ, по срединѣ русло открыто (1), и наконецъ, въ третьихъ, вверхъ по долинѣ къ оз. Тосо-пору наметенъ глубокій снѣгъ.

Въ виду этихъ препятствій, экспедиція принуждена была въ передній путь миновать р. Еграй-голъ, слѣдуя сѣвернѣе по ея правымъ притокамъ. Съ этой цѣлью, оставивъ Шапрди, мы переправились черезъ Еграй-голъ по льду и двинулись долиною къ сѣверо-востоку. На второй день, рано утромъ, прибыли въ сосѣдство тангутскихъ стойбищъ, откуда заранѣе у насъ былъ подговоренъ проводникъ до Сунъ-паньтина, или даже Да-цзянь-лу.

Послѣ добродушныхъ и привѣтливыхъ монголовъ, тангуты сразу показались сварливыми и заносчивыми. Кромѣ того, нашъ будущій проводникъ сейчасъ же предупредилъ о своихъ собратьяхъ, намѣревавшихся ограбить караванъ экспедиціи ночью. Пришлось усилить ночныя дежурства и приготовиться ко встрѣчи нападенія. Ночь подъ новый, 1895, годъ была вся проведена подъ ружьемъ, такъ какъ конная шайка тангутовъ все время рыскала вокругъ нашего бивака, но, убѣдившись, благодаря ясной лунной ночи, въ нашей полной готовности, они не рѣшилась произвести нападенія. Утромъ же экспедиція двинулась въ дальнѣйшій путь, придерживаясь прежняго направленія.

Мѣстность несла горный характеръ; справа тянулся довольно высокій хребетъ, одѣтый въ среднемъ поясѣ древовиднымъ можжевельникомъ и обильно засыпанный снѣгомъ. Слѣва горы мельче. По дну долины лежалъ также снѣгъ и чѣмъ выше, тѣмъ онъ былъ глубже. Всюду кругомъ видѣлся кормъ и признаки тангутскихъ кочевокъ. Самихъ же тангутовъ, исключая охотничьихъ, да сторожевыхъ разбойничьихъ разъѣздовъ, уже не видѣли. Тѣмъ не менѣе ночные караулы были по прежнему усиленные; въ нихъ только и заключалась гарантія нашей безопасности.

2-го января мы поднялись на указанный хребетъ по перевалу *Куку-котэль*. Абсолютная высота его достигаетъ 14,000 футовъ. Подъемъ и спускъ довольно круты и каменисты. По обоимъ склонамъ лежалъ обильный снѣгъ. На первомъ изъ нихъ, обращенномъ къ сѣверу, растетъ довольно высокій и мѣстами густой лѣсъ древовиднаго можжевельника, по монгольски—арца. Во время нашего прохожденія въ ближайшихъ зарослях мелькнула стайка дубоносовъ (Mycerobas carneipes) и быстро исчезла. По фону ярко-голубаго неба плавно носились грифы. Съ вершины перевала къ востоку и къ югу отъ него открывается лабиринтъ горъ, между коими лежитъ долина, выведшая насъ чрезъ два перехода на слѣдующій перевалъ—*Балгатенъ-котэль*, открывающій черезъ вторую вѣтвь того главнаго хребта, который составляетъ непосредственное продолженіе цѣпи Бурханъ-Будда.

Описавъ въ своемъ движеніи дугу, идущую вначалѣ къ востоку, а потомъ къ югу, мы поднялись на второй перевалъ. Общій характеръ послѣдняго одинаковъ съ первымъ; абсолютная же высота его равняется 14,200 футамъ. Подъемъ, въ особенности спускъ съ Балгатенъ-котэль довольно трудный. Прилегающая часть горной группы несетъ дикій характеръ. Гребень скалистъ; ущелья узки, извилисты и пересѣкаются

(1) Она лежитъ на высотѣ 9,900 фут. надъ морскимъ уровнемъ.

(2) По словамъ монголовъ, на лошадей эта болѣзнь не распространяется.

(3) Помѣсь яка съ коровой.

(1) Горную рѣку приходится обыкновенно переправляться безчисленное число разъ.

частыми обрывами. Мѣстами лежалъ снѣгъ; мѣстами виднѣлись открытыя луговыя площади, по которымъ и ихъ сосѣднимъ скаламъ лѣпилась арца (Juniperus Pseudo-Sabina).

Слѣдуя внизъ съ перевала Балгатенъ-котэль по наплывамъ льда, мы на другой день вышли въ долину рѣки *Кактыголъ*, праваго притока Еграй-гола. Означенная долина была свободна отъ снѣга, такъ что бѣлый ледяной покровъ рѣки рѣзко выдѣлялся на сѣромъ фонѣ обнаженной земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при дальнѣйшемъ движеніи вверхъ, Кактыголъ оказался открытымъ. Замѣчательно прозрачныя воды его катились то однимъ, то нѣсколькими рукавами по песчано-галечному дну. Берега описываемой рѣки густо поросли тамарискомъ и мирикаріей. Изъ птицъ замѣчены водяныя оляпки (Cinclus sp.), летавшія съ громкимъ крикомъ надъ открытыми водами рѣки. Въ сосѣднихъ кустарникахъ ютились сѣрыя (Perdix cinerea robucta) и сифанскія куропатки; на ближайшихъ скалахъ слышались голоса кэкэликовъ.

Не смотря на очень богатую кормомъ долину Кактыгола, мы кочевниковъ нигдѣ не встрѣчали. Только вступивъ въ долину рѣки *Цаганъ-оботу*, лѣваго притока Кактыгола, экспедиція, чрезъ нѣсколько верстъ движенія вверхъ, достигла урочища *Тулайту-іоролъ*, обитаемаго тангутами. Одинъ изъ нашихъ проводниковъ (ихъ было два) сообщилъ еще раньше о этихъ кочевникахъ, какъ о совершенно мирныхъ людяхъ.

Мѣстные тангуты считаютъ своимъ главою ламу, который въ сущности и распоряжается ими. Съ этимъ ламой намъ удалось познакомиться и пріобрѣсти отъ него нѣсколько хайпыковъ, въ помощь караваннымъ животнымъ. Лама, много слышавшій объ европейцахъ вообще, ужасно интересовался нашими вещами и съ большимъ интересомъ ихъ разсматривалъ. Особенное же любопытство проявилъ при видѣ оружія (хотя это и не совсѣмъ подобаетъ духовной особѣ), компаса, бинокля; часовъ же понять не могъ. Просилъ на обратномъ пути уступить ему что-нибудь изъ русскихъ вещей. Получивъ же кое-какіе подарки при первомъ свиданіи, онъ остался нами чрезвычайно доволенъ и охотно исполнилъ нашу просьбу—дать проводника до слѣдующаго стойбища тангутовъ.

Здѣшніе обитатели живутъ также скученно, какъ и тѣ, которыхъ мы встрѣчали раньше. Ихъ многочисленныя стада барановъ, яковъ и лошадей паслись въ сосѣднихъ распадкахъ горъ. Кормъ ближайшей окрестности весь былъ выбитъ.

Долина Цаганъ-оботу, по дну которой катятся воды рѣки того же названія, была сплошь покрыта кустарниками балгомото. Въ нихъ ютились мелкія птички: пустынная синичка, завирушка, красный выорокъ и др. Подъ ледянымъ карнизомъ мы замѣтили водяную оляпку.

9-го января экспедиція слѣдовала къ перевалу *Цаганъ-оботу*. Направленіе пути было прежнее, юго-восточное. Сосѣднія горы несутъ мягкій характеръ. Луговая растительность взбѣгаетъ почти до гребня. Въ распадкахъ горъ спрятанъ низкорослый тальникъ, который густымъ ковромъ одѣваетъ сѣверные скаты. Снѣгъ лежалъ только въ верхнемъ поясѣ горъ и по глубокимъ оврагамъ. На открытомъ же плато онъ былъ снесенъ вѣтромъ.

Поднявшись на перевалъ, абсолютная высота котораго около 14,200 футовъ, мы встрѣтили, среди животной жизни, тибетскихъ представителей. По сторонамъ паслись стада дикихъ яковъ, которые, большею частью, не смотря на стужу, держались по гребнямъ горъ у снѣговъ. На болѣе низкихъ мѣстахъ бродили хуланы; въ перемѣшку съ ними паслись стройныя антилопы-ада. На всемъ пути луговое плато было изрыто норами пищухъ (Lagomys ladacensis). Вмѣстѣ со звѣрями появились и птицы, свойственныя высокому нагорью: сойка, вьюрки земляные, соколъ Гендерсона и сарычъ; послѣдніе два вида усиленно преслѣдовали пищухъ.

Слѣдующими двумя переходами экспедиція достигла озера *Тосо-норъ*, лежащаго на томъ же плато на высотѣ 13,300 фут. надъ уровнемъ океана. Пройденная мѣстность представляетъ всхомленное нагорье, прикрытое луговой растительностью. Къ сѣверу осталась передовая ограда Тибета; къ югу мутнымъ силуэтомъ выдѣлялась слѣдующая цѣпь, высоко вздымающаяся на южномъ берегу Тосо-нора. На юго-востокѣ въ пыльной мглѣ тускло блестѣли снѣга *Амне-Мачина*.

Первая стоянка экспедиціи на озерѣ Тосо-норѣ была на сѣверномъ берегу, неподалеко отъ его восточной окраины. Здѣсь же мы устроили дневку для производства астрономическихъ работъ и другихъ научныхъ изысканій. Затѣмъ, оставивъ озеро Тосо-норъ до обратнаго слѣдованія, когда его удалось прослѣдить на всемъ протяженіи, мы снова повернули къ сѣверо-востоку на сосѣднее озеро—*Хара-норъ*, или, какъ его называютъ тангуты, *Дыгъ-мцо*. Послѣднее лежитъ въ двухъ дняхъ пути на разстояніи 35 верстъ. Обставленное горами, подобно Тосо-нору, озеро Хара-норъ въ половину меньше перваго. Изъ его блестящей ледяной поверхности высоко вздымается горный островъ, лежащій ближе къ сѣверо-западному берегу. Абсолютная высота долины, заключающей въ себѣ воды описываемаго озера, та же, что и Тосо-нора, т. е. 13,300 футовъ. Животная жизнь остается прежней.

Далѣе намъ предстоялъ путь въ басейнъ Желтой рѣки, въ который и привелъ насъ слѣдующій переходъ; а вторымъ переходомъ мы уже достигли р. Чурмыши, на которую, немного ниже нашего вступленія, выходилъ путь Н. М. Пржевальскаго.

На р. Чурмыши, и вообще при вступленіи въ басейнъ Хуанъхэ, характеръ мѣстности видимо измѣняется. Здѣсь русла рѣкъ спрятаны въ глубокихъ ущельяхъ, бока которыхъ обставлены конгломератовыми отвѣсными стѣнами. Всѣ воды имѣютъ стокъ къ юго-востоку и востоку, такъ какъ общее пониженіе высокаго нагорья направлено въ ту сторону. Всюду кругомъ высятся горы; къ югу отъ Чурмыши стоитъ хребетъ, по словамъ тангутовъ, изобилующій золотомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ китайцы многочисленными партіями разрабатывали земныя нѣдра. Налетѣвшіе тангуты разгромили, однако, золотопромышленниковъ, вслѣдствіе чего послѣдніе сюда уже больше не возвращались. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ кочевниковъ отлично помнятъ, какъ удирали китайцы, и какъ долго земная поверхность пріиска была покрыта бѣлой пеленой муки, разсыпанной тангутами по вѣтру.

Съ приходомъ въ басейнъ Желтой рѣки мы встрѣтили кочевниковъ тангутовъ, носящихъ общее названіе Ртау и раздѣляющихся на три хошуна: Рту-Сюма, раскидывающіе свои стойбища черныхъ палатокъ по Чурмыши до перевала Мджугди-ла; Ртау-Мецынъ—между указаннымъ переваломъ и переваломъ Мцый-Гунтукъ, и Ртау-Гунма—далѣе Мцынъ-Гунтука. Общая численность ртаускихъ хошуновъ простирается до 500 палатокъ. Номинально эти тангуты подчинены синиискому амбаню (губернатору), фактически же—галыкскому начальнику Гынса-Нгырё, которому подвластны 5,000 пала-

токъ, раскинутыхъ въ широкомъ раіонѣ вокругъ кумирни *Роджа-Гомба*.

Первое время здѣшніе кочевники казались мирными обитателями. Нерѣдко они являлись на нашъ бивакъ подъ предлогомъ торговли и просили показать оружіе. Удовлетворивъ любопытство, они уѣзжали во-свояси. Одинъ изъ этихъ туземцевъ былъ взятъ въ качествѣ проводника; но вскорѣ сбѣжалъ. Во всякомъ случаѣ, среди кочевій первыхъ двухъ хошуновъ мы двигались успѣшно.

Вступивъ на р. Чурмынь, долина которой здѣсь лежитъ на высотѣ 12,700 футовъ надъ уровнемъ моря, экспедиція направилась этой рѣкой вверхъ по теченію. На всемъ переходѣ рѣка имѣетъ направленіе съ юго-запада на сѣверо-востокъ; пониже—она постепенно сворачиваетъ къ юго-востоку и, сохраняя послѣднее направленіе, впадаетъ въ Хуанъ-хэ. Ширина долины рѣки колебалась отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ версты; справа и слѣва горы носятъ мягкій характеръ и покрыты травянистой растительностью. Въ боковыхъ глубокихъ распадкахъ стелется тальникъ; по каменистому дну долины густо растетъ облепиха. Къ югу же, откуда несутся воды рѣки, стоятъ высокія, дикія горы Амне-Мачинъ, ярко отливающія на солнцѣ бѣлизну своихъ снѣговъ. Въ этихъ горахъ ущелье Чурмыни сдавливается въ узкій коридоръ, который даетъ только мѣсто для ложа рѣки. Въ мѣстѣ расширенія долины Чурмыни, на правомъ берегу рѣки, стоитъ большое «обо» (буддійскій жертвенникъ). Къ нему часто стекаются богомольцы.

Миновавъ это «обо», мы покинули Чурмынь и поднялись на перевалъ *Нджугуды-нига*, на вершинѣ котораго и разбили свой бивакъ. Означенный перевалъ, весьма удобный, ведетъ чрезъ отрогъ, залегающій между Чурмынью и его правымъ притокомъ—*Накъ-чю*. Перевалъ поднимается надъ морскимъ уровнемъ на 13,700 футовъ. Его вершина густо поросла травянистой и кустарной растительностью, среди которой порхали стайки большихъ жароворонковъ (Melanocorypha maxima).

На второй день движенія отъ Чурмына мы стояли подъ главнымъ переваломъ—*Мджугди-ла*—на берегу рѣки Накъчю, а третьимъ переходомъ и его оставили за собой. Перевалъ Мджугди-ла находится у восточной окраины той главной цѣпи Амне-Мачина, которая рѣзко выдѣляется изъ всей своей группы высокою бѣлою стѣною, протянувшеюся съ сѣверо-востока на юго-западъ. Средняя изъ сѣдыхъ вершинъ этой цѣпи особенно высоко поднята вверхъ и своей общей конфигураціей напоминаетъ главную вершину Шаголинъ-намдзила въ Напъ-шанѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, могучіе пики выглядятъ стражами, смотрящими по сторонамъ на зарожденные потоки. Отъ восточной окраины высокой стѣны Амне-Мачина спускается ледникъ до самаго перевала. Этотъ ледникъ плоскій, съ легкимъ наклономъ къ востоку и югу; къ сѣверу онъ ниспадаетъ круто. Ледникъ посыпанъ чистымъ, блестящимъ снѣгомъ. У своего основанія онъ имѣетъ линейные шрамы отъ дѣйствія движущихся камней; съ сѣверной же стороны, кромѣ того, замѣтны выдутія. Бѣлое поле ограничивается на востокѣ мореной, которая, въ свою очередь, протянулась грандіознымъ валомъ съ ссв. на ююз. Лѣтомъ у подножія ледника ниспадаютъ каскады. Теперь они замерли, будучи скованы льдомъ. Еще ниже къ югу несется рѣка, обильная водою.

У подошвы ледника красуется «обо»; неподалеку стоитъ пріютъ ламъ-богомольцевъ. Вообще, эта снѣговая группа богата всякаго рода святынями. Многіе богомольцы, даже женщины, предпринимаютъ сюда паломничество, совершая обходъ горъ Амне-Мачинъ. Гдѣ-то во льдахъ таится монастырь вліятельнаго ламы. На этихъ возвышенныхъ ступеняхъ къ небу человѣкъ можетъ отдаться, въ полномъ уединеніи, глубокому созерцанію души. Только въ таковыхъ мѣстахъ—вдали отъ суетъ міра—и можно снискать духовную пищу аскету!

На перевалѣ также имѣется «обо». Абсолютная высота Мджугди-ла простирается до 15,000 футовъ. Къ востоку отдѣльныя вершины поднимаются еще на 1,000 футовъ, хотя вѣчнаго снѣга не имѣютъ; временной же лежалъ кое-гдѣ пятнами. Камней на перевалѣ, сравнительно, мало. Луговая растительность взбѣгаетъ почти на самую вершину. Подъемъ и спускъ—удобные. Снѣгу на обоихъ склонахъ лежало мало, такъ что тропинка была свободна для движенія.

Изъ птицъ мы замѣтили на перевалѣ только однихъ вьюрковъ; спускаясь же съ перевала въ зарослях тальника, нашли альпійскую синичку. Далеко внизъ, по луговымъ скатамъ горъ, паслись стада кочевниковъ и вился клубами дымъ ихъ стойбищъ.

Ущелье, по которому мы прошли, круто ниспадаетъ къ юго-востоку. Чрезъ 25 верстъ мы уже спустились на 12,000 футовъ абсолютной высоты, въ ущелье *Юнги-чюнык*. Направленіе послѣдняго простирается къ юго-западу, вглубь Амне-Мачина, куда мы и направили свои дальнѣйшіе шаги. Пройдя нѣсколько верстъ по глубокому, живописному ущелью, экспедиція, поднявшись на одну изъ луговыхъ терасъ, расположилась бивакомъ. Въ такомъ прекрасномъ мѣстѣ, богатомъ животной жизнью и красотой картинъ природы, рѣшено было пробыть два дня.

Ущелье Юнги-чюнык, по каменистому дну котораго шумно бѣжатъ воды рѣки *Дейбъ-чю*, беретъ свое начало въ 20 верстахъ на перевалѣ *Мцый-Гунтукъ*. На всемъ означенномъ протяженіи описываемое ущелье глубокое, дикое, извилистое. По сторонамъ высятся гигантскія горы, густо прикрытыя высокимъ можжевельникомъ и сплошными зарослями тальника и др. кустарниковъ. Изъ сосѣднихъ распадковъ круто ниспадали ледяные ручьи. Среди лѣсовъ ущелья пролегаетъ тропинка, которая, какъ змѣя, вьется по крутымъ откосамъ горъ; порою она высоко поднимается вверхъ, и лѣпится тамъ по карнизамъ и висячимъ мостамъ; затѣмъ, отлого или круто сбѣгаетъ снова на дно ущелья. Сколько чудныхъ картинъ путешественникъ видитъ по сторонамъ, пробираясь въ этихъ мѣстахъ. Внизу блеститъ рѣка; по бокамъ вздымаются скалы, убранныя зеленымъ лѣсомъ, на фонѣ котораго блестятъ серебристые каскады; тамъ выше — розсыпи и дикій гребень, на которомъ нанизано нѣсколько снѣговыхъ шапокъ. Подъ сѣнью растительности, или на открытыхъ лужайкахъ, вблизи шумящихъ водъ, таятся или свободно разгуливаютъ пернатые обитатели. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ, конечно, ушастый фазанъ, который былъ замѣченъ при самомъ входѣ въ ущелье и который здѣсь такъ распространенъ.

Въ первый же день прихода въ ущелье, я отправился на охоту за голубыми фазанами. Здѣсь они, никогда и ни кѣмъ не преслѣдуемые, были довольно смѣлы и не боялись охотника. Тѣмъ не менѣе, высмотрѣвъ первое стадо и удоб-

но помѣстившись на скалѣ, я долго-долго любовался этими прекрасными птицами. Удивительно красивы они на свободѣ: нарядные голова и хвостъ, голубое оперенiе, гордая походка и нѣжное ухаживанiе другъ за другомъ невольно приковываютъ взоръ наблюдателя и отдаляютъ минуты выстрѣловъ. Наконецъ, охотничья страсть, главнымъ же образомъ желанiе пополнить колекцiю, выводятъ изъ нерѣшительности. Въ 2 — 3 охоты я убилъ 10 отличныхъ экземпляровъ, пополнившихъ нашу орнитологическую добычу. Списокъ послѣдней увеличился вообще за время, проведенное въ этомъ оживленномъ ущельи. Тутъ были: два вида красныхъ вьюрковъ; три вида завирушекъ, синицы и дрозды Кесслера. Всѣ эти птички громко и нѣжно лили свои звуки въ чащѣ кустарниковъ. Высоко у скалъ проносились дубоносы и мелодично свистѣли въ воздухѣ. На мѣстѣ старыхъ стойбищъ копались каменные и бѣлоспинные голуби, красноклювыя и желтоклювыя клушицы, горные вьюрки, сойки и др. Съ розсыпей верхняго пояса горъ доносились громкiе голоса улларовъ. Могучiе перпатые—грифы: монахъ, снѣжный, и бородачъ-ягнятникъ заканчиваютъ собою поверхностный списокъ перпатаго царства.

Изъ звѣрей, по словамъ мѣстныхъ тангутовъ, въ ущельи держатся: маралы, кабарга, барсъ, волкъ, рысь, заяцъ и мелкiе грызуны.

Въ боковыхъ ущельяхъ спрятаны небольшiя молельни и жилища тибетскихъ ламъ. Въ передшiй путь мы здѣсь никого не встрѣчали; на обратномъ же, и то случайно, экскурсируя въ горахъ, столкнулись съ ламами-пустынниками. Послѣдniе заявили, что здѣсь святыя мѣста и стрѣлять нельзя. Ихъ просьба была въ точности исполнена, тѣмъ болѣе, что къ тому времени мы уже успѣли собрать почти всѣхъ птицъ, представлявшихъ интересъ для колекцiи. На верховьи Дейбъ-чю стоитъ кумирня въ главномъ ущельи. Служители ея видѣли нашъ проходящiй караванъ, но на бивакъ не приходили.

Вблизи перевала Мцый-Гунтукъ—самого отдаленнаго пункта нашей экскурсiи — экспедицiя расположилась бивакомъ, въ надеждѣ на-завтра слѣдовать дальше. Но рокъ судилъ иначе. Въ ночь на 28-е января, В. И. Роборовскiй столь сильно заболѣлъ, что продолжать дальнѣйшiя изслѣдованiя оказалось невозможнымъ. Нечего говорить, какъ печально подобное обстоятельство вообще, въ путешествiи, въ особенности же въ глубинѣ высокаго нагорья Тибета. Первые дни его болѣзни меня совершенно разстроили; всему отряду было также невесело. Больнаго ежедневно растирали спиртомъ, насыщеннымъ солью. Слабые проблески поправленiя явились только на третiй, даже на четвертый день, и тогда только можно было что-нибудь рѣшить. Двигаться впередъ нечего было и и думать; обратный же путь, такъ или иначе, ближе къ цѣли; къ тому же надвигалась весна.

Весь проведенный на нагорьѣ январь стояли сильные холода, въ особенности по ночамъ, когда температура спускалась до—33,5° С. Правда, днемъ на солнцѣ было теплѣе, но лишь въ тихую погоду; когда же поднимался вѣтеръ, леденящая стужа становилась невыносимой. Только въ глубокихъ ущельяхъ басейна Желтой рѣки климатъ оказался значительно мягче; но и здѣсь сосѣднiй Амне-Мачинъ нерѣдко даетъ о себѣ знать.

Итакъ, экспедицiи суждено было вернуться, не дойдя 6—7 переходовъ до кумирни *Роджа-Гомба*, а слѣдовательно и до извилины Желтой рѣки.

5-го февраля, на 9-й день стоянки, караванъ потянулся вниз по живописному ущелью. В. И. Роборовскiй двигался пѣшкомъ по льду рѣки, будучи поддерживаемъ урядникомъ Банновымъ. Сидѣть на лошади больной не могъ; идти по горамъ, гдѣ ведутъ тропинки, также. Первое время онъ сильно уставалъ, и мы съ большимъ трудомъ въ три перехода пришли на то мѣсто ущелья, гдѣ еще недавно съ такимъ удовольствiемъ провели два дня. Здѣсь устроили снова дневку. Изъ всей зимней экскурсiи ущелье *Юнги-чюныка* было самымъ интереснымъ уголкомъ. Къ сожалѣнiю, теперь мы уже не могли охотиться, давши о томъ слово мѣстнымъ богомольцамъ. Погода между тѣмъ стояла превосходная; дни настали продолжительные; воздухъ былъ особенно прозраченъ. Красоты сосѣднихъ ущелiй манили къ себѣ. Голоса голубыхъ фазановъ разжигали охотничью страсть.

Великолѣпны были и вечера въ этомъ богатомъ ущельи: темныя краски тѣневыхъ сторонъ, особенный блескъ освѣщенныхъ, фантастичныхъ вершинъ гребня, наконецъ монотонный звукъ ночныхъ хищниковъ производили своеобразный и оригинальный эфектъ въ горахъ.

Разставшись съ ущельемъ Юнги-чюныкъ, экспедицiя стала подвигаться успѣшнѣе; 11-го февраля уже бивакъ ея стоялъ въ 12-ти верстахъ отъ перевала Мджугди-ла. Еще днемъ, когда только что экспедицiя успѣла стать на почлегъ, какiе-то бродяги сообщили нашимъ проводникамъ, что насъ за перевалом ждутъ разбойники, собравшись большимъ отрядомъ. Этотъ же отрядъ сторожилъ насъ и за перевалом Мцый-Гунтукъ, но, узнавъ о возвращенiи, пошелъ на встрѣчу съ другой стороны. Подъ такимъ впечатлѣнiемъ, держа себя насторожѣ, отрядъ выскочилъ тотчасъ же, когда ночной часовой вскричалъ: «Нападенiе»! и далъ выстрѣлъ. На бивакъ прокралось нѣсколько тангутовъ, которые успѣли обрѣзать арканы у трехъ лошадей. Своевременный отпоръ заставилъ грабителей скрыться на столько быстро, что, выскочивъ изъ палатокъ, мы уже ихъ не видѣли. А на утро, когда вьючился караванъ, съ ближайшаго холма замѣтили и своихъ лошадей, отбѣжавшихъ въ сторону. Такимъ образомъ разбойники ничѣмъ не поживились.

Теперь, убѣдившись во-очiю въ коварныхъ замыслахъ сосѣдей, мы стали держать себя чрезвычайно осторожно. Слѣдующiй день прошелъ благополучно. 13-го февраля мы тогда двинулись на перевалъ, держась плотной кучей. Поднялись и спустились безъ всякихъ приключенiй. Внизъ по Накъ-чю теперь виднѣлось много тангутскихъ стойбищъ. Стада номадовъ паслись у самыхъ снѣговъ Амне-Мачина. Въ прозрачномъ воздухѣ эта снѣговая группа блестѣла восхитительно! Во время движенiя внизъ по р. Накъ-чю насъ догналъ тангутскiй разъѣздъ въ 13 человѣкъ, быстро скакавшiй вслѣдъ за нами. На извѣстномъ разстоянiи двое тангутовъ отдѣлились отъ общей партiи и направились къ намъ; прочiе поѣхали сторопой. Подъѣхавъ къ каравану, они объявились «шарва», т. е. купцами, ѣхавшими изъ Сунъ-панъ-тина; затѣмъ разсказали, что у нихъ устали вьючныя животныя, и это заставило ихъ обратиться къ впереди шедшимъ тангутамъ для найма яковъ. Отчасти мы и повѣрили разъѣзду, который поскакалъ къ ближайшимъ тангутскимъ стойбищамъ. Тамъ ихъ

встрѣтило много народа. Между тѣмъ, сдѣлавъ большой переходъ, мы остановились также неподалеко отъ кочевій.

Отовсюду кругомъ съѣзжались тангуты къ черпымъ палаткамъ; туда же подъѣхала «предательская шарва». Затѣмъ прибылъ лама, и началось молебствіе. Казалось, что такъ и слѣдуетъ! Позже стихли звуки барабановъ и морскихъ раковинъ.

Въ 4 часа пополудни, когда люди отряда готовились къ обѣду, унтеръ-офицеръ Смирновъ, прислуживающій въ нашей палаткѣ, замѣтилъ подозрительныхъ тангутовъ, скрывшихся за ближайшій къ бивaку увалъ. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ оттуда послѣдовалъ выстрѣлъ, затѣмъ изъ разныхъ мѣстъ засады дождемъ посыпались на нашъ бивакъ тангутскія пули. Въ минуту мы были подъ ружьемъ, надѣвъ сумки съ патронами. В. И. Роборовскій, будучи еще слишкомъ слабымъ, чтобы быстро подвигаться, остался съ урядникомъ Жаркимъ для прикрытія бивака. Я же, съ В. Ѳ. Ладыгинымъ и прочими людьми отряда, горстью въ 6 человѣкъ, двинулся на встрѣчу разбойниковъ, которые разсыпались по увалу и открыли оттуда стрѣльбу. Двѣ партіи скоро были выбиты: въ то время, когда первая убѣгала, вторая поддерживала огонь. Нѣсколько человѣкъ на нашихъ глазахъ поплатились жизнью. Но какъ всегда, тангуты подхватывали павшихъ товарищей и съ ними скрывались изъ вида.

Покончивъ съ большею частью разбойниковъ, мы направились къ правому флангу ихъ, откуда на насъ особенно много сыпалось пуль. Но, къ своему удивленію, мы здѣсь никого не застали. Вѣроятно, эта партія, увидѣвъ бѣгство товарищей, во-время послѣдовала ихъ примѣру. Къ тому же оставшіеся на бивакѣ, отъ времени до времени, посылали туда свои пули. Лишь одна конная партія, какъ выяснилось послѣ, въ ожиданіи успѣха товарищей, ждала благопріятнаго момента, чтобы угнать нашихъ караванныхъ животныхъ. Получивъ же привѣтственный залпъ, и она быстро исчезла.

Какъ видно, маленькая кучка, смѣло бросившаяся подъ огнемъ на укрытыхъ разбойниковъ, произвела на нихъ такое впечатлѣніе, что они отказались отъ задуманнаго грабежа и обратились въ бѣгство.

Вернувшись на свой бивакъ, мы посылали, отъ времени до времени, залпы на 1,000—1,500 шаговъ по тѣмъ разбойникамъ, которые уже на лошадяхъ выѣзжали изъ оврага и направлялись къ сосѣднему стойбищу. Тѣмъ временемъ наступила темнота и стрѣльба стала безцѣльной. Отрядъ экспедиціи выпустилъ 600 патроновъ. Послѣ отраженія разбойниковъ мы прочистили свои винтовки и выпили чаю. Тутъ же замѣтили, что наша палатка оказалась простѣленной въ двухъ мѣстахъ. Нельзя не удивляться счастію, что мы всѣ уцѣлѣли. Казалось, что всѣ шансы успѣха были на сторонѣ тангутовъ. Вѣдь они заблаговременно собрались въ значительномъ числѣ изъ двухъ хошуновъ: Ртау-Мецынъ и Ртау-Гунма. Кромѣ того, предательски днемъ прокрались къ ближайшему увалу и первые, превосходя насъ во много разъ числомъ, открыли огонь. Но что всего курьезнѣе, такъ это молебствіе ламы, который благословилъ ихъ на бой и предсказалъ успѣхъ ([1]).

([1]) Какъ намъ потомъ передавали настоящіе купцы «шарва», встрѣченные по дорогѣ, да и проводники-тангуты, знавшіе обычаи своихъ собратій.

Позднимъ вечеромъ, на ближайшихъ тангутскихъ стойбищахъ людей не было. Только одни стада номадовъ, безъ присмотра, бродили вдали отъ палатокъ. Тихая, ясная ночь была вся нами проведена подъ ружьемъ. По временамъ раздавался лай псовъ и доносились крики разбойниковъ. Быть можетъ намъ готовилось мщеніе. Но все минуло благополучно.

На утро, 14-го февраля, въ 9 час., мы уже двинулись въ путь. Высланный разъѣздъ слѣдовалъ впереди, ближайшимъ гребнемъ горъ. Когда караванъ миновалъ стойбища тангутовъ, послѣдніе стали показываться изъ боковыхъ ущелій горъ и направляться къ покинутымъ жилищамъ.

Когда мы поднялись на перевалъ Иджугуды-нига, намъ открылся видъ на водораздѣлъ басейна Желтой рѣки и водъ Цайдама. Туда, на сѣверо-западъ, и лежалъ обратный нашъ путь — къ озеру Тосо-нору. Переправившись чрезъ Чурмынъ и одинъ изъ его притоковъ, мы остановились бивакомъ въ долинѣ главной рѣки.

Въ верстѣ отъ нашего бивака, на противоположномъ берегу, стоитъ «обо», о которомъ упоминалось выше. На нашихъ глазахъ къ нему начали съѣзжаться тангуты и служить молебствія. Мы уже думали, что на экспедицію готовится новое нападеніе. Между тѣмъ, по окончаніи молепій, къ намъ пріѣхалъ лама-галыкъ, знавшій о нападеніи ртаускихъ тангутовъ, съ заявленіемъ: «что непремѣнно попроситъ своего отца Гыпса-Нгырё наказать нападавшихъ на насъ». Вообще, этотъ лама намъ очень понравился. Въ эти мѣста онъ попалъ за сборомъ подаяній на кумирню Роджа-Гомба, гдѣ постоянно живетъ; кромѣ того, онъ очень часто и по-долгу живетъ въ монастырѣ Лабранѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считался ламой у того начальника галыковъ, который кочуетъ на извилинѣ Желтой рѣки при урочищѣ Капсыръ или Гансыръ.

Днемъ погода стояла ясная, теплая. Ночью же она совершенно испортилась: съ сѣверо-запада принла густая пыль и понизила температуру, а на утро, когда мы двигались по всхолмленной долинѣ, начался сильный буранъ, поднявшій въ воздухѣ тучи пыли. Временные порывы останавливали вьючныхъ животныхъ; лично намъ вѣтеръ спиралъ дыханіе, обдавая невыносимой стужей. Тончайшая пыль слѣпляла глаза, налетавшіе вихри не давали возможности двигаться впередъ. Сдѣлавъ 7 верстъ, караванъ остановился въ одной изъ многочисленныхъ балокъ, спускавшихся съ сосѣднихъ горъ. Наши палатки, поставленныя съ большимъ трудомъ, сильно трещали подъ напоромъ бурана; деревянные устои скрипѣли, точно снасти на суднѣ. Можно себѣ представить, какъ было холодно подъ нашимъ бѣлымъ покровомъ. Особенно тяжела была въ это время служба людей. Ночныя дежурства, по-прежнему, держались усиленныя. Вслѣдствіе малочисленности конвоя, приходилось стоять каждому человѣку въ теченіе ночи отъ 6 до 7 часовъ. Но къ чести и славѣ чиновъ отряда, они все время держали себя по истинѣ молодцами.

На третій день движенія отъ Чурмына мы уже поднялись на перевалъ-водораздѣлъ *Шиму-лабдынъ*, абсолютная высота котораго простирается до 13,700 фут. Собственно водораздѣлъ представляетъ узелъ отроговъ сѣверныхъ и южныхъ горъ. Вершина его носитъ мягкій, луговой характеръ. Съ высшей точки Шиму-лабдынъ открывается видъ не только на долину, но и на самое озеро Тосо-норъ. Къ сожалѣнію, въ воздухѣ висѣла пыльная дымка.

Какъ на вершинѣ, такъ и по обоимъ склонамъ водораздѣла, кочевало много тангутовъ. Вездѣ по распадкамъ горъ темнѣли ихъ черныя палатки, а по роскошнымъ травянистымъ площадямъ паслись огромныя стада.

За переваломъ, вблизи стадъ номадовъ, рѣзвились табуны хулановъ и небольшія стада стройныхъ антилопъ-ада. Изъ птицъ чаще другихъ попадались на глаза соколъ Гендерсона и земляные вьюрки.

Слѣдующій переходъ привелъ насъ въ урочище *Джамкыра*, на восточномъ побережьи оз. Тосо-нора. Означенное урочище изобилуетъ ключами, озерками, вообще представляетъ болотистую мѣстность. Въ данное время большая часть влаги была скована льдомъ, блестящая поверхность котораго сверкала подъ лучами заходившаго солнца. Все урочище богато травянистой растительностью; на желтомъ ея фонѣ выдѣлялись стада дикихъ яковъ.

Теперь намъ предстояло совершить движеніе по Тосо-нору, что и было исполнено въ три перехода. Для этой цѣли былъ избранъ сѣверный берегъ озера. Вообще, на берегахъ его экспедиція провела четверо сутокъ. Въ это пребываніе Тосо-норъ представился намъ болѣе нарядным, нежели въ передній путь, когда ледяной покровъ былъ занесенъ густою пылью и поверхность его нельзя было отличить отъ окружающей мѣстности. Интересно то обстоятельство въ Центральной Азіи, что зимою во время бурановъ ледяная поверхность обильно покрывается пылью; съ первыми же теплыми днями согрѣтый песокъ уходитъ въ ледъ, вслѣдствіе чего ледяной покровъ снова играетъ при лучахъ солнца своимъ прежнимъ блескомъ. Такъ случилось и на описываемомъ озерѣ.

Тосо-норъ покоитъ свои прозрачныя и прѣсныя воды въ долинѣ, обставленной съ сѣвера и юга высокими горами. Простираясь въ долину съ юго-востока на сѣверо-западъ, озеро тянется въ этомъ направленіи 35 верстъ. Наибольшая ширина его около 12 верстъ; наименьшая—5 верстъ. Общая же длина его окружности не превышаетъ 80 верстъ. Глубина озера, по всей вѣроятности, изрядная. На скалахъ, омываемыхъ волнами Тосо-нора, отлично былъ видѣнъ прежній болѣе высокій уровень воды; разница же между зимнимъ и лѣтнимъ уровнями простирается до двухъ футовъ. Толщина льда около $1^1/_2$ аршина. Почти въ средней части изъ водъ Тосо-нора поднимаются два небольшихъ острова. Берега изрѣзаны заливами. Дно—песчано-галечное. По берегу найдены водоросли и молюски. Озеро вскрывается, вѣроятно, въ мартѣ—не раньше. Тогда настаетъ періодъ весеннихъ бурь. Онѣ разбиваютъ толстый ледяной покровъ, причемъ волны выбрасываютъ льдины на низкіе берега.

Питается озеро, во-первыхъ, ключевыми родниками урочища Джамкыра, во-вторыхъ, впадающей съ сѣвера довольно многоводной рѣкой, и въ-третьихъ, по всей вѣроятности, немало влаги доставляютъ горы, лежащія къ югу (1). Въ сѣверо-восточномъ углу озера, у подножія известковыхъ скалъ, бьютъ горячіе ключи. Температура ихъ при выходѣ изъ земли была въ 1 часъ дня 20-го февраля $+27{,}8^0$ С. По сосѣдству съ ключами виднѣлись открытыя полыньи, пріютившія стайку крахалей и чирковъ. Здѣсь же пойманъ пискарь.

Южные берега озера во многихъ мѣстахъ скалисты. На сѣверной же сторонѣ взамѣнъ ихъ раскидываются широкія луговыя терасы; горы здѣсь нѣсколько отодвинуты. На болѣе низкихъ площадяхъ желтѣли густые шприки (тибетская осока).

Жителей на сѣверномъ берегу озера не было, тогда какъ на противоположной сторонѣ, по ночамъ, блестѣли огни, словно маяки, а днемъ на сосѣднихъ горахъ виднѣлись черныя палатки тангутовъ.

У западной окраины Тосо-нора, тамъ гдѣ съ сѣвера впадаетъ въ р. Еграй-голъ сухое широкое русло, кочевалъ не такъ давно одинъ тангутскій хошунъ, который то и дѣло производилъ набѣги на своихъ сосѣдей-монголъ, не пропуская ни одной охотничьей партіи. Словомъ, эти тангуты нападали на всѣхъ и каждаго, слыня за лихихъ разбойниковъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, монголы Цайдама и Куку-нора порѣшили наказать разбойниковъ: соединившись вмѣстѣ, подъ предводительствомъ лихихъ батырей (2), они двинулись на грабителей. Разбойничій уголъ былъ разгромленъ. Пять тангутовъ было убито; еще больше ранено; остальные переловлены, связаны и препровождены китайскимъ властямъ въ Синнинъ. Послѣ этого событія западное побережье Тосо-нора сдѣлалось доступнымъ для монголовъ. Разбойники перекочевали далеко на востокъ, а вскорѣ и совсѣмъ исчезли.

Успѣхъ монголовъ быстро облетѣлъ сосѣднюю окрестность. Спустя нѣкоторое время, Курлыкскій бэйсе (князь) такимъ же путемъ освободилъ себя отъ непрошеннаго сосѣдства Кукупорскихъ тангутовъ. Эти послѣдніе незамѣтнымъ образомъ придвинули западную границу своихъ кочевокъ въ Южно-Кукупорскомъ хребтѣ до ущелья Дзуха, т. е. меридіана Курлыкскихъ озеръ. Другими словами, стали вытѣснять горныхъ монголовъ въ равнины. Тогда бэйсе, поджигаемый успѣхомъ собратій на Тосо-норѣ, собралъ всѣхъ своихъ подданныхъ, владѣвшихъ оружіемъ, и съ успѣхомъ прогналъ тангутовъ.

Рѣка Еграй-голъ, по которой намъ предстоялъ дальнѣйшій путь къ Шапрди, имѣетъ протяженіе (3) около 120 верстъ. Въ верхней своей части, до сліянія (4) съ р. *Алакъ-поромъ*, долина Еграй-гола носитъ бѣдный характеръ. Простираясь въ ширину отъ $^1/_2$ до 1 версты и болѣе, она обставлена горами, скаты которыхъ круты и, по большей части, стоятъ оголенными. Каменистое русло рѣки пролегаетъ въ балкѣ съ высокими берегами. Въ ширину балка имѣетъ 30—50 саженъ. Боковыя русла горныхъ потоковъ въ это время стояли сухими. Дно ихъ было устлано облепихой; болѣе возвышенныя площади были покрыты реомюріей; изрѣдка появлялся дырисунъ.

Въ своемъ верхнемъ теченіи р. Еграй-голъ имѣетъ направленіе къ западу; съ этой же стороны течетъ ему навстрѣчу Алакъ-норъ, такъ что долины этихъ двухъ рѣкъ представляютъ какъ бы одну долину, растянутую на большое разстояніе. Мѣсто сліянія рѣкъ возвышается на 12,000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Въ среднемъ и нижнемъ теченіи Еграй-голъ несетъ свои прозрачныя воды большой рѣкой, заключенной въ глубокое, узкое и извилистое ущелье. Соединившись съ Алакъ-поромъ, она вначалѣ направляется къ сѣверу; затѣмъ, вскорѣ укло-

(1) Излишекъ водъ стекаетъ по Еграй-голу въ Цайдамскія болота.

(2) Богатырей.

(3) До скрытія своихъ водъ подъ землю.

(4) Что происходитъ чрезъ 35 верстъ.

няется на сѣверо-западъ, чтобы вступить въ равнины Цайдама. На всемъ послѣднемъ протяженіи долина Еграй-гола представляетъ болѣе отрадную картину. Боковыя ущелья покрыты травянистой растительностью; дно—кустарной. Въ мѣстѣ расширенія долины залегаютъ отличныя луговыя площади, среди которыхъ съ шумомъ бѣгутъ серебристые ручьи. На болѣе крутыхъ участкахъ рѣка осталась незамерзшей и неслась то однимъ, то нѣсколькими рукавами. Въ нижнемъ теченіи описываемая рѣка принимаетъ справа Какты-голъ.

Отсюда до выхода изъ горъ, на протяженіи 30 верстъ, намъ попадались монгольскія стойбища. Послѣ столкновеній съ тангутами, монголовъ мы встрѣтили съ большой радостью.

Тѣмъ временемъ февраль пришелъ къ концу. Этотъ мѣсяцъ, проведенный большею частью на высокомъ нагорьи, былъ такъ же холоденъ, какъ и предъидущій. Вѣтры дули почти ежедневно. Когда же днемъ случались затишья, и небо прояснялось, солнце грѣло—шутительно. Жаворонки тогда уже пѣли по-весеннему. Такіе проблески весны случались въ послѣдней трети мѣсяца въ долинѣ Еграй-гола. Тамъ выдавались нерѣдко и отличные вечера, въ особенности при урочищѣ *Цаганъ-сайгикъ*, гдѣ экспедиція дневала. Какъ сейчасъ помню ту дивную ночь, когда глубокое ущелье Еграй-гола было освѣщено луной, стоявшей въ зенитѣ. Свѣтло было такъ, что я свободно читалъ. Сосѣднія горы казались приближенными. Освѣщенныя стороны ущелій рѣзко граничили съ поглощенными мракомъ, какъ день и ночь. Кругомъ все спало; абсолютную тишину нарушалъ лишь шумъ рѣки; да и эти монотонные звуки скорѣе увеличивали нежели ослабляли прелесть весенней ночи въ горахъ.

Бѣдный весенній пролетъ птицъ мы стали наблюдать со второй трети февраля. 18-го февраля первыми были замѣчены утки-шилохвосты. Большое стадо этихъ птицъ быстро пронеслось на сѣверъ чрезъ долину Тосо-нора. Маленькая же стайка ихъ пріютилась на открытыхъ водахъ близъ урочища Джамкыръ. Тутъ же держались и утки-чирки.

20-го февраля на озерѣ Тосо-норѣ показались нырки-бѣлоглазые; 21-го мы увидѣли сѣрыхъ гусей, 24-го на рѣкѣ Алакъ-норъ обнаружены турпаны; тамъ же на слѣдующій день (25-го) мы вспугнули стадо утокъ-кряквъ и, наконецъ, 26-го появились гоголи. Съ 1-го марта на устьѣ Какты-голъ мы замѣтили перелетъ сѣрыхъ журавлей. Стая (по 100—300 головъ) за стаей неслись эти сильные пернатые странники, потрясая воздухъ своими громкими криками. Красивый остроугольный строй этихъ стай съ теченіемъ времени мѣнялъ свою форму. Тогда же были наблюдены серпоклювы (Ibidorhyncha Struthersii), державшіеся на Еграй-голѣ; въ сосѣдствѣ съ ними вспугнута была пара бекасовъ. Въ ночь съ 1-го на 2-е особенно много летѣло гусей и турпановъ. Тѣ и другіе выдавали себя крикомъ. 2-го пронеслось стадо нырковъ-красноносыхъ.

3-го марта экспедиція вернулась въ хырму Шаирди. Съ этого времени насталъ холодный періодъ. Вѣтры дули ежедневно сверху изъ ущелья Еграй-гола. Въ воздухѣ висѣла густая пыльная мгла, сквозь которую солнце свѣтило въ видѣ блѣднаго диска. Вся Цайдамская котловина пряталась въ пыли. Только около 3—5 час. вечера состояніе погоды улучшалось: вѣтеръ стихалъ, стужа замѣнялась теплomъ. Въ общемъ, въ этихъ мѣстахъ, весна далеко не привлекательна. Рѣка стояла въ оцѣпененіи, лишь днемъ открывались боковые ручейки и тихо несли свою воду. Ликующихъ, радостныхъ голосовъ птицъ совсѣмъ не было слышно. Словомъ, природа хранила еще мрачный характеръ.

Подлѣ нашего бивака держались по прежнему каменные голуби; вблизи съ крикомъ проносились тибетскіе бульдуруки, на которыхъ, отъ времени до времени, налеталъ соколъ Гендерсона. Изъ мелкихъ же птицъ чаще другихъ показывались: красные и земляные вьюрки, каменные воробьи и чернолобые жаворонки.

Въ Шаирди экспедиція простояла три дня. Въ оба пребыванія около палатокъ тѣснилась масса туземцевъ. Со своими знакомыми, мѣстными властями, мы видѣлись нѣсколько разъ. Чрезъ ихъ посредство наняли пять новыхъ вьючныхъ животныхъ, тогда какъ число нашихъ караванныхъ яковъ съ каждымъ днемъ сокращалось.

Изъ Шаирди мы направились въ горы Бурханъ-Будда, гдѣ проживалъ теперь Барунъ-засакъ, правитель мѣстныхъ монголовъ. Его ставка находилась на р. Ихэ-голъ, въ глубокомъ, кормномъ ущельѣ, въ виду главнаго хребта, который въ это время былъ засыпанъ снѣгомъ. Означенной ставки мы достигли въ четыре перехода, слѣдуя на юго-юго-западъ. На всемъ пути пересѣкали горные отроги, уходящіе къ пустынѣ Цайдама. Въ нижнемъ поясѣ горъ изобилуетъ травянистая растительность; въ среднемъ, кромѣ того, довольно часто попадается древовидный можжевельникъ и тальникъ. Воды было мало, русла рѣчекъ по большей части стояли сухими. Погода въ горахъ была отличная: ясная и днемъ очень теплая; по временамъ набѣгавшій вѣтерокъ навѣвалъ прохладу. Не смотря на это обстоятельство, въ природѣ еще было мало жизни. Лишь изрѣдка въ голубой выси описывалъ свои красивые круги могучій грифъ; дозоромъ вдоль скалъ пролеталъ бородачъ-ягнятникъ, да внизу у тропинокъ испуганно вспархивало стадо кэкликовъ или на кустахъ бударганы металически звенѣлъ Accentor fulvescens.

Придя р. на Ихэ-голъ, экспедиція расположилась по сосѣдству съ Барунъ-засакомъ. Съ этимъ старинnымъ знакомымъ мы встрѣтились снова по-дружески. Мы отдали ему всѣхъ своихъ вьючныхъ яковъ и хайныковъ, чтобы онъ доставилъ экспедицію на верблюдахъ въ Курлыкъ.

Пользуясь хорошей погодой и прежде чѣмъ покинуть горы, я съѣздилъ на охоту вверхъ по ущелью. Вся долина Ихэ-гола была заполнена стойбищами монголовъ; среди ихъ войлочныхъ юртъ странно было видѣть три черныхъ тибетскихъ палатки. Оказывается, въ прошломъ году двѣ коренныхъ тибетскихъ семьи, покинувъ родныя мѣста (окрестности горы Бумза), прибыли въ сосѣдство здѣшняго владѣтеля, объявивъ, что они здѣсь сложатъ свои кости, точно также какъ остригли длинные, ниспадавшіе до плечъ, волосы. Засакъ ихъ принялъ и разрѣшилъ остаться навсегда. По отзывамъ монголовъ, новые переселенцы ведутъ себя отлично.

Миновавъ стойбища, разъѣздъ, черезъ 5 верстъ слѣдованія по рѣкѣ Ихэ-голу, свернулъ къ юго-западу ущельемъ Улькюнъ-бамбурчиту (1). Означенное ущелье глубоко, дико, съ страшнымъ паденіемъ внизъ; этимъ объясняется его безводіе. Красота боковыхъ распадковъ столь оригинальна, что невольно приковывала наше вниманіе. Дно ихъ устлано травянистой и кустарной растительностью. По гребнямъ горъ и

(1) Медвѣжье ущелье; бамбурчикъ—по монгольски медвѣдь.

ихъ утесамъ лѣпится арца то сплошнымъ лѣсомъ, то одиночными деревьями. Чрезъ два часа мы уже были на перевалѣ *Бамбурчитынъ-котэль*. Съ вершины его открывается лабиринтъ горъ того же характера. Внизъ убѣгаетъ глубокое извилистое ущелье Ару-бамбурчиту. На всемъ своемъ пути звѣрей мы не встрѣчали, вслѣдствіе многолюдства. Только когда монголы покидаютъ горы, спускаясь въ Цайдамскую равнину, сюда приходятъ маралы, кабарга и медвѣди. Изъ птицъ были замѣчены тибетскіе уллары, красные вьюрки, альпійскія синицы и дрозды Кеслера. На этихъ наблюденіяхъ и закончилась охотничья поѣздка.

Утромъ, 16-го марта, нашъ караванъ потянулся внизъ по Ихэ-голу. Верблюды двигались несравненно быстрѣе, нежели яки и хайныки. Въ два перехода экспедиція перенеслась къ хырмѣ Барунъ-засака, а 20-го числа бивакъ ея стоялъ уже въ долинѣ Баинъ-гола. Въ это время рѣка быстро катила свои грязныя воды. Въ мѣстѣ переправы, Ганджуръ-гатама, плесъ Баинъ-гола имѣетъ отъ 30—50 саженъ ширины. Вода при насъ вскрылась только въ главномъ руслѣ, а по сторонамъ остались ледяные забереги. Глубина брода простиралась до 2—3 футовъ.

Благополучно переправившись на правый берегъ рѣки, караванъ направился внизъ по ея теченію. Чрезъ 23 версты мы достигли того мѣста на сѣверномъ рукавѣ, куда впервые вступили, идя въ передній путь. Здѣсь, при урочищѣ *Ханань-цаганъ*, въ виду предстоящей пустыни, устроили дневку. Кстати намъ удалось произвести астрономическое наблюденіе. Погода выдалась рѣдко хорошая. Днемъ на солнцѣ грѣло по лѣтнему; въ глинистой почвѣ въ 1 ч. дня термометръ показалъ +40,а° С. Воздухъ былъ настолько прозраченъ, что хребетъ Бурханъ-Будда—эта гигантская стѣна, огораживающая Тибетское нагорье, былъ видѣнъ совсѣмъ отчетливо. Главныя вершины, засыпанныя снѣгомъ, ярко блестѣли на солнцѣ.

По долинѣ рѣки Баинъ-гола держалось много пролетныхъ птицъ; но по большей части это были тѣ же виды, которые наблюдались нами въ горахъ. Въ числѣ незамѣченныхъ раньше можно упомянуть: индійскаго гуся, черноухаго коршуна, черногорлаго дрозда и чеккана.

Покинувъ растительную полосу Баинъ-гола, мы вступили въ солончаковую равнину, раскинувшуюся въ ширину на 20 верстъ. Границей между той и другой служатъ пески, протянувшіеся грядой съ запада на востокъ. Однообразна и утомительна картина солончаковой равнины; ее не оживляетъ и р. Булунгиръ, протекающая въ сѣверной части солончаковъ. Мутныя и соленыя воды Булунгира несутся широкимъ русломъ, однимъ и нѣсколькими рукавами. Глубина въ мѣстѣ брода около двухъ футовъ.

Тотчасъ за Булунгиромъ поднимается каменистая возвышенность, отдѣляющая Цайдамъ отъ Курлыка. У южнаго ската этой возвышенной площади экспедиція сдѣлала временный привалъ; затѣмъ мы поднялись вновь, чтобы въ два дня пересѣчь пустыню, ширина которой на нашемъ пути слѣдованія простиралась до 77 верстъ. Въ 5 часовъ вечера мы остановились бивакомъ въ солончаковой впадинѣ, гдѣ былъ разбросанъ жалкій камышъ и рѣдкіе кусты тамариска. У туземцевъ это урочище носитъ подходящее названіе—*Му-шакшикъ*, т. е. худой кормъ.

Днемъ на солнцѣ было очень тепло и тихо; къ вечеру же поднялся сильный буранъ съ ю
воздухѣ тучи пыли и песка. Небо был
буранъ только ночью. На утро погода стала ...
прояснѣло.

Впереди лежалъ мелкосопочникъ, состоящій изъ пес
ковъ и красныхъ глинъ. Выдающаяся, по величинѣ и х
рактеру, гора носитъ названіе *Абдыринте-ула*. Караванъ перевалилъ мелкосопочникъ восточнѣе этой горы. Подъемъ и спускъ ничтожные. По обоимъ скатамъ поверхностный слой почвы усыпанъ пескомъ и галькой.

Изъ растительности характернымъ деревомъ явился саксаулъ. Изъ животной же жизни замѣчены антилопа харасульта и заяцъ. Пернатыхъ представителей казалось больше: стайками проносились степные бульдуруки; по кустамъ саксаула трещали сойки; на землѣ сидѣли жаворонки. Изрѣдка къ сѣверу летѣли вереницы сѣрыхъ и индѣйскихъ гусей. По нагрѣтой песчано-каменистой почвѣ ползали жуки, между тѣмъ какъ ящерицы еще не показывались. Въ этотъ день, какъ и въ предыдущій, пройдя 20 верстъ, мы сдѣлали привалъ и вторымъ пріемомъ, наконецъ, осилили пустыню. Въ воздухѣ висѣла пыльная дымка, значительно сокращавшая горизонтъ. Даже высокая гора на сѣверномъ берегу Тосо-нора, отстоявшая не болѣе 5 верстъ отъ нашего пути, была слабо замѣтна. Мутно-голубой отблескъ водъ самаго озера казался чѣмъ-то непонятнымъ.

Поднявшись на вершину послѣдняго кряжа общей возвышенности, открывается видъ на долину р. Баинъ-гола (Курлыкскаго). Камыши на своемъ желтомъ фонѣ рѣзко выдѣляли какъ рѣки, такъ и безчисленное количество водныхъ площадокъ, красиво блестѣвшихъ подъ лучами низко опустившагося солнца. У границы болотной растительности ютились номады, подлѣ юртъ которыхъ паслись ихъ многочисленныя стада. Вскорѣ, затѣмъ, и мы вступили на лѣвый берегъ Баинъ-гола. Всю ночь—тихую и ясную—раздавались голоса черношейныхъ журавлей, большихъ и малыхъ утокъ и гусей.

25-го марта, переправившись черезъ Баинъ-голъ, экспедиція по распустившимся болотамъ направилась къ хырмѣ Курлыкъ-бэйсе—своему главному складу. Птицъ было такъ много, какъ мы еще нынче нигдѣ не видѣли. Не смотря на обиліе ихъ, на всемъ сонмищѣ лежала печать заботы. Для большинства изъ нихъ Курлыкъ только временная станція отдыха; впереди еще предстоялъ тяжелый и далекій путь, прежде нежели достигнуть полярныхъ странъ. Вотъ почему нѣтъ ни игривости, ни тѣхъ ликующихъ звуковъ, которые свойственны птицамъ, достигшимъ мѣстъ своего гнѣзденія.

Въ наблюденіяхъ за пернатымъ царствомъ, мы незамѣтно подошли къ хырмѣ. Здѣсь мы радушно встрѣтились съ людьми, охранявшими складъ. У нихъ оказалось все благополучнымъ. Бивакъ свой мы теперь расположили вблизи хырмы, при одномъ изъ многочисленныхъ болотъ.

На второй день отправились съ визитомъ къ бэйсе, съ которымъ встрѣтились самымъ дружескимъ образомъ. Остававшіеся при складѣ люди съумѣли расположить въ свою пользу не только правителя, но и всѣхъ подвластныхъ ему монголовъ. Одинъ изъ туркестанскихъ стрѣлковъ, Замураевъ, сопровождалъ даже курлыкскаго бэйсе въ Дуланъ-китъ, когда тотъ, въ наше отсутствіе, ѣздилъ въ гости къ Кукунорскому вану. Старшій на складѣ предложилъ было управителю—бурята-забайкальца, какъ знавшаго мѣстный языкъ, но бэйсе

«У насъ такихъ—и своихъ много. Мнѣ
о однихъ русскихъ боятся тангуты».

...съ со склада къ биваку, вся экспедиція
...сь, за исключеніемъ двухъ казаковъ, находившихся
пастбѣ верблюдовъ. Эти послѣдніе держались у подножія
горъ Южно-Кукунорскаго хребта. По сосѣдству кочевали мон-
голы со своимъ управителемъ.

Вблизи хырмы мы прожили цѣлую недѣлю. Тамъ же про-
вели и праздникъ Св. Пасхи. Христосовались гусиными
яйцами, собранными наканунѣ въ камышахъ сосѣднихъ бо-
лотъ. У людей отряда нашлись красныя чернила, чѣмъ и
привели яйца въ праздничный видъ. По вечерамъ я уходилъ
на охотничьи стойки стрѣлять гусей и утокъ. Погода въ это
время стояла хорошая. Невольно вспоминались вечера на ро-
динѣ, когда бывало стоишь на тягѣ вальдшнеповъ. И мысль
далеко уносилась по пространству и по времени.... Здѣшняя
природа грустна и монотонна. По сторонамъ тихо, не льются
тѣ звонкіе голоса пѣвчихъ пташекъ, къ которымъ мы при-
вычны у себя въ Россіи. 4-го апрѣля экспедиція покинула
стоянку и перешла въ сосѣдство Курлыкскаго бэйсе.

Въ серединѣ текущаго мѣсяца я направляюсь въ разъѣздъ,
съ цѣлью обслѣдовать Южно-Кукунорскій хребетъ. В. И.
Роборовскому необходимъ отдыхъ, для возстановленія силъ,
на одолѣніе предстоящаго длиннаго пути къ роднымъ предѣ-
ламъ. Остальные люди отряда здоровы и бодры духомъ.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 23 Декабря 1895 г.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, д. № 40.

2007055015